

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (23)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА : СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

От редактора рубрики 5

Коваленко С.Г. К оценке модернизационных
структурных преобразований
на Дальнем Востоке в 1965 – 1980 гг. 7

Соловченков С.А. Трансформация системы занятости
и социальной структуры в приграничном регионе
(на примере Еврейской автономной области) 19

Шестак О.И. Структура потребности в специалистах
и кадровые проблемы российской экономики
(на примере анализа рынка труда в Приморском крае) 24

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Киреев А.А. К вопросу о типологии
азиатских границ России (1 часть) 37

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Отношение
принимающей среды региона-реципиента
к иностранным трудовым мигрантам как показатель
толерантности социума в Республике Бурятия 47

Бреславский А.С. Сельские мигранты в
постсоветском Улан-Удэ:
ожидания, стратегии, практики расселения 55

Бадараев Д.Д. Внутренние миграционные процессы
в современном монгольском обществе 62

Андреева О.Н. Уровень и качество жизни:
содержание понятий и их составляющие 68

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АНГЛО-САКСОНСКИХ ДЕРЖАВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Лихарев Д.В. Англо-французское соглашение
по морским вооружениям 1928 г.:
последний антиамериканский шаг Великобритании 78

Тихий К.Т. Пролог «большой чистки». (Убийство
С.М. Кирова и мнение американских дипломатов) 84

Симоненко Е.С. Фредерик Борден и его программа
реформирования канадской милиции (1896 – 1911 гг.) 94

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Родионов В.А. Центральнoазиатский вектор
внешней политики Монголии: фактор ШОС 104

Родионов В.А., Бадмацыренов Т.Б., Шурхуу Д.
«Возвращение» России в Монголию:
проблема выбора стратегии 112

Владивосток
2012

НАУКОВЕДЕНИЕ

- Рубан Д.А.** Регион как исследовательский бренд в условиях научной глобализации **120**
- Литошенко Д.А.** Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. **124**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Жерновой М.В.** Проблемы противодействия незаконному обороту древесины в ДФО **135**
- Актамов И.Г.** Вопросы экологической безопасности современной Монголии **140**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Конончук Д.В.** О визите в ШГН ДВФУ делегации Института Философии Хэйлунцзянского университета ... **145**
- СОКРАЩЕНИЯ** **147**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (23)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME : SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST

From the editor of the heading 5

Kovalenko S.G. To an estimation of structural transformations in the Far East in the 1965 – 1980 7

Solovchenkov S.A. The transformation of the employment system and social structure in the border region (on example of the Jewish Autonomous Region) 19

Shestak O.I. Structure of requirement in a personnel and the staff problems of the Russian economy (on example of the analysis of the market of work in Primorye Territory) 24

THE THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES

Kireev A.A. On the typology of Asian boundaries of Russia (I part) 37

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Badmaeva L.V., Bashkueva E.Yu. The relation of the accepting environment of the region-recipient to foreign labor migrants as an indicator of tolerance of society in the Republic of Buryatia 47

Breslavskiy A.S. Rural Migrants in the Post-Soviet Ulan-Ude: expectations, strategies, practices of settling 55

Badaraev D.D. Internal migration processes in modern mongolian society 62

Andreeva O.N. Standard of living and quality of life: the content of concepts and their components 68

THE PROBLEMS OF INTERNAL AND EXTERNAL POLICIES OF ANGLO-SAXON POWERS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Likharev D.V. Anglo-French agreement on naval armaments in 1928: the last anti-American step of the UK .. 78

Tikhij K.T. The Prologue of “Great Purges”. (Kirov’s Murder and the Opinion of American Diplomats) ... 84

Simonenko E.S. Frederick Borden and Canadian militia reform program (1896 – 1911) 94

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Rodionov V.A. Central Asia line of Mongolia’s foreign policy: the SCO factor 104

Rodionov V.A., Badmatsyrenov T.B., Shurkhoo D. Russia’s «comeback» to Mongolia: problem of strategy preference 112

STUDY OF SCIENCE

Ruban D.A. Region as a research brand under conditions of scientific globalization **120**

Litoshenko D.A. Status of regional researches in the south of the Far East Russia by the end of the first decade of XXI **125**

SCIENTIFIC MESSAGES

Zhernovoy M.V. Problems combat illegal timber trade in the Far Eastern Federal District **135**

Aktamov I.G. Environmental security questions of modern Mongolia **140**

SCIENTIFIC LIFE

Kononchuk D.V. The visit of delegation of Institute of Philosophy of Heilongjiang University to SHS of Far Eastern Federal University **145**

REDUCTIONS **147**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тематическая рубрика «Социальные трансформации на российском Дальнем Востоке» знакомит читателей со структурными изменениями, произошедшими в дальневосточном обществе за последние 50 лет через призму концепции социальных трансформаций.

Проблему социальных трансформаций следует рассматривать как один из аспектов развития общества, формирование в нём новых форм, структур, институтов и типов взаимодействия между его членами. Сегодня категория «социальное развитие» включает в себя конструирование и проектирование социальной реальности, формирование социальной нормативности и социальных ожиданий, структурную организацию и ряд других сторон жизни общества в контексте экономических и политических процессов.

В центре внимания научной концепции социальных трансформаций, находится институциональный срез, а основной акцент делается на функционирование формализованных социальных институтов – экономических, политических, культурных и других. При таком понимании задача трансформационного анализа – выявить, в какой мере и в каких формах изменение моделей социального действия и социальных ожиданий влияет на характер функционирования социальных институтов. Уровень трансформационных изменений оценивают в зависимости от степени его проблематизации основными социальными группами, от того каких усилий он требует от них в процессе адаптации к меняющимся условиям.

Предметом трансформационных исследований авторов рубрики является взаимодействие относительно быстрых изменений формальных и неформальных установлений, призванных регулировать функционирование социальных институтов, с одной стороны, и изменения в доминирующих в обществе моделях социально-экономического и политического действия, с другой.

Открывает рубрику статья научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Коваленко С.Г., посвящённая анализу модернизационных структурных преобразований на Дальнем Востоке в 1965 – 1980 годах, где в первую очередь раскрываются изменения политических структур и форм политического действия, что, по мнению автора, обусловило изменения некоторых кардинальных установок советской идеологической доктрины, призванных этически обосновать функционирование реальных социально-экономических механизмов развития Дальневосточной территории. Автором даётся комплексная оценка модернизации в регионе в предперестроечный период и подчёркивается тесная взаимосвязь политических и экономических структур, без которой представляется невозможным развитие иных форм социальных отношений. Направление трансформационных процессов на Дальнем Востоке в последующем временном пространстве объясняется автором статьи незаверщённостью экономических преобразований последнего периода советской истории.

В статье Соловченкова С.А. показаны последствия трансформационных преобразований 1990-х – начала 2000-х годов в отдельных субъектах Дальнего Востока. Как изменилась социальная структура, социальные ожидания и модели поведения населения в новых институциональных условиях? Ответ на этот вопрос даётся на примере изменений в социальной структуре Еврейской автономной области, где в основе структурных трансформаций, по мнению автора, лежат новые формы

адаптации населения к изменениям в системе занятости, новые модели трудовых отношений. Автор статьи показывает регион, прежде всего, как пространство жизни его жителей, проблемное поле поведенческих реакций на экономическую модернизацию.

Завершает рубрику статья Шестак О.И., посвящённая, в продолжение предыдущей темы, анализу профессиональной структуры рынка труда Приморского края. Статья носит проблемный характер. Особое внимание автор обращает на несоответствие нормативного понимания и фактической модели кадровой структуры системы трудовых отношений в Приморском крае и в России, в целом. Показано негативное влияние недостаточности знаний о профессиональной структуре общества на развитие экономической системы и системы образования. Статья насыщена значительным количеством эмпирического материала, приводятся результаты актуальных социологических исследований.

О.И. Шестак

УДК 947.008 (571.6)

*Коваленко С.Г.
Kovalenko S.G.***К оценке модернизационных структурных преобразований на Дальнем Востоке в 1965 – 1980 гг.****To an estimation of structural transformations in the Far East in the 1965 – 1980**

Положительная динамика в жизни страны наметившаяся к концу 1950-х гг. совпала с поиском новых подходов в определении дальнейшей структурной модернизации народного хозяйства. В статье рассматриваются противоречия советской модернизации на Дальнем Востоке. Дана комплексная оценка модернизации в регионе. Результат управленческих реформ показан с точки зрения экономической эффективности. Раскрыты позиции региональной и центральной элиты.

Ключевые слова: *социальные структуры, экономические структуры, модернизация, Дальний Восток, элита, реформы, управление*

Positive changes in the life of countries have set in the late 1950's. coincided with the search for new. The article deals with the contradictions of the Soviet modernization in the Far East. Dana comprehensive assessment of modernization in the region. The result shows the management reforms in terms of economic efficiency. Revealed the position of regional and central elites.

Key words: *social structures, economic structures, modernization, the Far East, the elite, reform management*

С середины 60-х гг. XX в. всё более обнаруживаются отрицательные последствия несоответствия декларированной концепции развития региона и реальных методов хозяйствования. С одной стороны, являясь подсистемой единого народнохозяйственного комплекса страны и участвуя в территориальном разделении труда, Дальний Восток обязан был обеспечить продукцией другие экономические районы. С другой – для успешной реализации этой задачи ему требовалось развитие всех элементов региональной экономики как целостной системы. Однако комплексного развития на практике не было, оно оставалось преимущественно в правительственных документах.

После ликвидации Советов народного хозяйства Госплан стал вновь органом перспективного и текущего планирования по отраслям. В республиках планы, ориентированные на развитие отраслей, разрабатывали республиканские Госпланы. В реальности такой принцип планирования и управления Дальним Востоком тормозил развитие промышленности и реализацию хозяйственной реформы 1965 г. Отрицательные последствия этого проявились в замедлении темпов роста производства по сравнению со средними показателями в стране, включая и

снижение абсолютных размеров темпов роста в отраслях специализации [7, с. 10].

Реализация данной государственной политики вызвала понятную озабоченность местной высшей номенклатуры. При подготовке Госпланом СССР проекта Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил и заселению Дальнего Востока и Читинской области» секретарь Хабаровского крайкома А. П. Шитиков и председатель плановой комиссии тов. Николаев просили увеличить объём капиталовложений на 1967-1970 гг. до 780 млн. руб. на развитие промышленности строительных материалов и строительной индустрии, выделить 235 млн. руб. на организацию 35 новых совхозов, ускорить ввод в действие поясного коэффициента 1,2-1,3 в южной зоне Дальнего Востока и установить розничные цены первого пояса на продовольственные товары, ввести дополнительные отпуска в южных районах в размере 12 рабочих дней и предоставить раз в три года оплачиваемый проезд в отпуск и другие льготы.

Данные вопросы рассматривались в Госплане с февраля по март 1967 г., но, несмотря на заинтересованность правительства в развитии дальневосточной территории, они не были решены полностью. Выделенные правительством капиталовложения составили 356 млн. руб., снижение цен в 1968-1970 гг. по Дальневосточному экономическому району планировалось только до уровня второго пояса (хотя и это впоследствии не было выполнено). Что касается ассигнований на организацию новых совхозов, то Госплан СССР не поддержал в этом вопросе Госплан РСФСР, руководствуясь именно соображениями экономической целесообразности. Организация новых совхозов осуществлялась в пределах лимитов, выделенных на сельское хозяйство. (ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4910. Л. 75-77.).

Переписка между центральными и местными органами власти в период согласования окончательного варианта указанного Постановления свидетельствовала, что на развитие региона просили всегда больше денег, чем требовалось реально, что характерно для социалистической системы. Однако данный период времени существенно отличался от предыдущего тем, что государство испытывало острую потребность в региональных ресурсах. Но министерства крайне неохотно выполняли Постановление правительства «О дальнейшем развитии производительных сил Дальнего Востока и Читинской области», хотя оно предусматривало значительное повышение капиталовложений в экономику региона в связи со слабой их окупаемостью (на 25% ниже, чем в целом по Российской Федерации).

Фактически не помогла народному хозяйству региона правительственная линия оказания помощи отстающим предприятиям. Так, в 1966 г. ведущие отраслевые министерства получили право выделять своим отстающим предприятиям «при недостаточности у них сверхплановой прибыли» дополнительные средства на формирование премиального фонда за счёт «свободного остатка сверхплановой прибыли других предприятий данного министерства». Специальное решение Совета Министров СССР (1967 г.) закрепило за ними резерв для оказания финансовой помощи таким предприятиям и хозяйственным организациям. Дальнейшее обеспечение шадящего режима для отстающих касалось в основном оплаты труда (льготные нормативы материального поощрения и т.д.) и не стимулировали эффективную работу предприятий [11, с. 390].

Если в 60-х гг. XX в. среднегодовой темп прироста капиталовложений в регионе составил 8,3%, то в 70-х гг. XX в. — немногим более 4%. В основном эти средства вкладывались в отрасли специализации, в которых темпы роста объёмов производства, хотя и оставались выше,

чем в стране, снизились со 112,8% до 106% в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии, со 107,5% до 105% в лесной промышленности, со 111% до 105,5% в рыбной промышленности. Отрасли общесоюзной специализации формировали общий региональный темп роста промышленного производства в регионе почти на 50%. Соответствующие же отрасли промышленности по стране определяли только 10-11% совокупного темпа роста промышленного производства. Поэтому опережающие темпы роста производства в отраслях специализации особенно при их абсолютном снижении уже не могли обеспечить, как это предполагалось правительством, опережающего общего темпа промышленного роста в регионе.

В период СНХ важнейший для советской экономической системы показатель – рост объёмов промышленного производства – за 1961 – 1965 гг. по дальневосточному региону увеличился на 59% при среднегодовых 9,8%, что было выше запланированного Госпланом. А при возвращении к министерской системе управления (1965-1970 гг.) этот показатель планировалось увеличить на 62,7% при среднегодовых темпах 10,2%. Но реально он не был достигнут, так как среднегодовые темпы роста объёмов промышленного производства ежегодно в этот период составляли 7,5% (ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 5.).

Такое положение в экономике Дальнего Востока объяснялось двумя факторами. Во-первых, истощением к середине 60-х г. XX в. традиционных сырьевых баз и необходимостью освоения других, что требовало создания новых предприятий. В связи с этим показательны следующие факты. Из 18 основных видов промышленной продукции в 11 среднегодовые темпы прироста были ниже предусмотренных указанным выше Постановлением. Это касалось отраслей специализации, производивших олово, бумагу, картон, вывоз древесины, ловлю рыбы. Производство олова в концентратах за три года пятилетки увеличилось всего на 1,8%, тогда как за всю пятилетку предусматривался рост на 24%. Среднегодовые темпы прироста вывозки древесины за 1966-68 гг. составили 3,5% против запланированных 5,8%, производство целлюлозы соответственно 10,7% против 16,2%, картона 2,4% вместо 22,5%. Некоторые министерства, например, Минлесдревпром и Минбумпром в планах на 1970 г. наметили объёмы основных видов продукции своих отраслей значительно ниже указанных партией и правительством.

Важнейшая региональная отрасль – электроэнергетика – также не развивалась предусмотренными темпами. Министерство энергетики и электрификации СССР не выполняло правительственных задач. Среднегодовые темпы прироста выработки электроэнергии составляли 11,9%, тогда как было запланировано 18,3%. В 1964-70 гг. себестоимость электроэнергии для юга региона от 2 до 7 раз превышала средний уровень по РСФСР. Множество мелких электростанций с высокой себестоимостью электроэнергии, не связанные между собой линиями электропередач, затрудняли развитие промышленности. При постоянном дефиците угля в народном хозяйстве Дальнего Востока и его завозе из центральных районов страны Министерство угольной промышленности на 1969 г. запланировало не рост, а снижение добычи угля по сравнению с предыдущим годом на 369 тыс. т. Среднегодовой темп прироста добычи угля составил 1,3% вместо запланированных 3% (ГААО. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 6, 7-8.).

Основной причиной низких темпов улова рыбы был недостаток судоремонтных мощностей и малая пропускная способность рыбных портов. Но строительство и реконструкция этих и других объектов рыбной промышленности, предусмотренных Постановлением, осуществлялись крайне медленно. Например, из сметной стоимости расширения Вла-

дивостокского рыбного порта в 49,7 млн. руб. с начала строительства к 1968 г. освоено лишь 13 млн. руб. Из шести судоремонтных предприятий, намеченных к реконструкции, модернизацию трёх – Холмского и Невельского судоремонтных заводов на Сахалине и Судовой им. Ленина в Петропавловске-Камчатском – намечалось закончить к 1970 г. Но план не стал реальностью, так как в полном объёме реконструкция не осуществилась ни на одном из объектов к 1968 г.

Крайне медленно в 1966 – 1970 гг. велось строительство предприятий пищевой, местной промышленности: для увеличения объёмов производства в 2 раза в лёгкой промышленности на всём Дальнем Востоке спланировали построить 9 предприятий. Из них в 1968 г. строились только два – фарфоровый завод в г. Владивостоке и хлопкопрядильная фабрика в г. Благовещенске. Для достижения роста выпуска товаров культурно-бытового назначения в 2,2 раза предполагалось строительство и реконструкция 20 предприятий, строили только четыре. Подобная картина существовала и в Министерстве мясной и молочной промышленности, из 20 объектов работы велись на четырёх (ГААО. Ф. П-1. Оп. 25. Д. 265. Л. 6.).

Неудовлетворительно шло строительство предприятий цветной металлургии, особенно объектов оловодобывающей промышленности. Почти на год задерживался ввод четвёртой очереди Хрустальненского горно-обогатительного комбината в Приморье, хотя пуск его был назначен на 1968 г. К концу пятилетки намечалось расширение Солнечного горно-обогатительного комбината в Хабаровском крае для доведения его мощности до 600 тыс. т. в год. Но в 1969 г. работа даже не началась. В этом же году не закончилась реконструкция рудника Придорожный в Хабаровском крае. Вовремя не подготовленные проектные разработки на строительство рудников Перевального и Рудного не позволили начать их работу в определённый правительством срок (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 27. Д. 613. Л. 7-12.).

Плановая комиссия приморского крайисполкома вела активную переписку с центральными органами власти. В письме к Н.К. Байбакову (март 1971 г.) были высказаны замечания и предложения к предварительному докладу Госплана СССР по вопросам принятия Постановления «О развитии хозяйства Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических районов в 1971 – 1975 гг.». Круг обсуждаемых проблем касался высказанных в 1970 г. пожеланий крайплана, не нашедших отражения в проекте Постановления, и предложений, высказанных на партийной конференции при обсуждении директив XXIV съезда КПСС. Анализ документа показывает, что наибольшую озабоченность местных органов власти вызывало невыполнение министерствами планов по объёмам производства и вводу новых мощностей. Выработка электроэнергии в 8.835 млн. кВт/ч. к 1975 г. не могла быть достигнута при планируемом вводе электростанций за пятилетку на 650 тыс. квт.ч. Потребность в угле для края по расчётам составляла 16 млн. т. в 1975 г. и 25 млн. т. к 1980 г. Но планируемые Госпланом 12,5 млн. т. к концу пятилетки значительно увеличивали дефицит угля. Для рыбной промышленности края актуальным оставался дефицит в судоремонте – 100 млн. руб. Требовалось открытие новых судоремонтных заводов, чего не было в планах министерств (ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 620. Л. 1-8.).

В письме первому секретарю Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакину (июнь 1975 г.) крайплан указывал на причину уменьшения среднегодового темпа прироста промышленного производства: намеченные к работе в девятой пятилетке производственные мощности не были построены и их ввод ожидался в конце десятой пятилетки. Из документа следует, что этот процесс будет продолжаться в 1976 – 1980 гг.,

и удельный вес многих отраслей в крае снизится: пищевой – с 12,1% до 11,3%, рыбной – с 34,6% до 27,4%, угольной – с 29% до 23% и т. д. Многие предприятия запрашивали повышенные объёмы капитальных вложений без соответствующего выпуска продукции. Это приводило к дальнейшему ухудшению положения в промышленности края (**ГАПК. Ф. П-510. Оп. 3. Д. 809. Л. 114-115.**).

Таким образом, сроки ввода новых мощностей в ведущих отраслях народного хозяйства Дальнего Востока не выполнялись большинством министерств. Положение дел, при котором выделяемые централизованно средства попросту не доходили до региона в полном объёме, было нормой в данный период времени в отличие от политики совнархозов, заинтересованных в комплексном развитии экономики региона.

Во – вторых, всё больше начинает сказываться ограниченность сырьевой направленности развития отраслей специализации, низкая эффективность использования добываемых ресурсов и необходимость интенсификации производства. Особенность пятилетнего плана 1966 – 1970 гг. состояла в том, что в нём намечалось быстрое техническое перевооружение всего народного хозяйства. Это, по мнению правительства, должно было существенно повысить эффективность общественного производства и способствовать улучшению производительности труда [**12, с. 311**].

Несмотря на предпринимаемые в рамках реформы меры, существенно повысить технический уровень производства не удалось. Предприятиям предлагали переходить на новый уровень технического развития производства при помощи своего фонда, привлечь в помощь систему долгосрочного кредитования. На практике же внедрение достижений научно-технического прогресса происходило централизованно, что привело не только к излишним затратам государства, но и к малой эффективности результатов.

Система кредитования также была далеко несовершенна. И.С. Сенин, председатель бюджетной комиссии Совета Союза, высказываясь о проекте плана на 1965 г., отмечал, что самым серьёзным препятствием в развитии кредитования предприятий через банковскую систему является плохое их обеспечение материально-техническими ресурсами за счёт ссуд Госбанка и стройбанка. Госплан и Совет Министров СССР не могли найти возможности лучшего обеспечения кредитуемых производств. В соответствии с Постановлением Совета Министров (14 декабря 1964 г.) проведение мероприятий по техническому совершенствованию производства при выделенных кредитах Госбанком и стройбанком СССР обеспечивались материалами и оборудованием за счёт внутренних ресурсов союзных республик (**РГАЭ. Ф. 233. Оп. 3. Д. 590. Л. 118.**).

Эта задача оказалась не выполнима в полной мере в регионе не только потому, что ресурсов всегда не хватало, но и потому, что общий уровень промышленного производства на Дальнем Востоке оставался низким, а министерства не хотели в условиях реформы напрасно вкладывать средства, которые заведомо не окупались.

Технологическое обновление промышленности Дальнего Востока в течении 1968-1969 гг. затрагивало лишь три из 10 укрупнённых отраслей: лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную промышленность, цветную металлургию, машиностроение и металлообработку. Но даже в этих отраслях снизилась эффективность использования ресурсов по сравнению с 1958-1968 гг. до 5,2% против 20,6%. Следовательно, технологические изменения конца 60-х гг. XX в. отражали ухудшение качества использованных ресурсов, а не подытоживали влияние накопившихся технических новшеств на производство [**8, с. 57**].

В экономике одним из важнейших элементов, связывающих все мероприятия в жизнеспособный механизм, являются цены. Положения реформы могли быть реализованы в полной мере после введения новых цен. Для этой цели в июле 1965 г. при Госплане был образован Государственный комитет цен, который в декабре 1969 г. подвергся преобразованию в союзно-республиканский Государственный комитет цен [6, с. 287]. В 1967 г. произошёл пересмотр цен в сторону их увеличения. Мера была своевременной, так как цены 1957 г. были низкими и в новых условиях не отвечали потребностям экономической жизни страны.

Первоначально повышение цен благоприятно сказалось на народном хозяйстве. По данным официальной статистики большинство отраслей вошло в число рентабельных, однако при этом затратный принцип формирования цен сохранился. С позиций рыночной экономики из двух взаимозаменяемых видов сырья рационально выбрать тот, который дешевле. При затратных ценах наоборот. Если потребитель выберет более дорогое сырьё и переработает его в продукт, то и продукт будет дорогой, и цена на него будет выше. Результаты деятельности предприятий после реформы стали оцениваться по сумме реализованной продукции. Цена основывалась на затратах, включающих и стоимость сырья. Следовательно, чем оно дороже и чем больше его израсходовано, тем выгоднее для предприятия. Вместо повышения эффективности производства, снижения затрат на выпуск конечного продукта, улучшения качества предприятия начали постепенно повышать цену на свою продукцию. Многие из них прекратили выпуск дешёвой продукции. Как тревожную нарастающую тенденцию отметил К.Г. Пысин, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, в своём выступлении на семинаре председателей горисполкомов в Совете Министров РСФСР: «...прекратился выпуск дешёвых товаров народного потребления рядом предприятий союзного подчинения. Нередко это происходит с согласия министерств» (ГАРФ. Ф. А-259, оп.45. Д. 5776. Л. 10.).

Важнейший показатель, устанавливаемый предприятиям централизованно, – норма прибыли – выполнялся не путём снижения производственных затрат, а искусственным повышением цен. Тем более что цена определялась не через механизм спроса и предложения, а через систему бюрократических согласований, волевыми решениями. Поэтому начался неконтролируемый рост оптовых цен вместо повышения эффективности. Оптимальной цены, при которой эффективность совпала бы с рентабельностью, достигнуть не удалось. Только в машиностроении в годы восьмой пятилетки цены выросли более чем на 30%. В этом и состоит один из парадоксов реформы: рентабельность отраслей так и не улучшила положения в промышленном производстве, не сделала его более эффективным.

Для Дальнего Востока проведение реформы осложнялось рядом обстоятельств, связанных с особенностями промышленного развития региона. Отрасли специализации имели тесные связи внутри района и более высокую, чем в центральных регионах страны, долю материальных затрат за счёт районного хозяйства. Повышенная фондёмкость обусловила увеличение платы за фонды и соответственно уменьшение фондов экономического стимулирования производства. Существовавший порядок определения платы за фонды был основан на отраслевом принципе. Следовательно, промышленные единицы одной отрасли в регионе и в европейской части страны оказывались в разном положении при прочих равных условиях [9, с. 9-10].

Со временем становится всё более очевидным, что основные замыслы хозяйственной реформы не реализуются. Новый метод управления не получил своего дальнейшего развития. Более того, происходило

усиление административных форм управления производством, признанных ошибочными в начале реформирования. На Дальнем Востоке были введены лимиты на создание фондов экономического стимулирования, сверх которых даже высокорентабельные предприятия не могли увеличивать суммы, оставляемые в фонде [9 с. 9-10]. При фактически не прекращающейся практике планирования от достигнутого уровня предприятия, лишённые достаточного материального поощрения, назывались за высокие результаты. Под контроль вышестоящих организаций попал фонд развития производства, который стал включаться в централизованный план распределения капитальных вложений. Постепенно и так слишком небольшие права предприятий по распоряжению собственными средствами стали очень ограниченными.

Очередной попыткой с помощью управленческой реорганизации повысить эффективность производства в условиях фактически свернутого экономического реформирования стала реорганизация среднего звена управления. В 1973 г. вместо главных управлений министерств создаются производственные и промышленные объединения как основное хозрасчётное звено в промышленности.

Всё большее нарастание негативных тенденций в развитии промышленного производства вызвало к жизни Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (12 июля 1979 г.) «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение экономической эффективности производства и качества работы» [10 с. 78-119].

В целом оно воспроизводило основные положения хозяйственной реформы 1965 г., касавшиеся принципов хозрасчёта, и содержало новую идею глобальной стандартизации и унификации управления предприятиями, суть которой – сведение всей производственной, финансовой и коммерческой деятельности к системе строго определённых нормативов и правил.

Сами по себе эти шаги не имели сколько-нибудь значительных последствий для улучшения экономических показателей как страны, так и Дальнего Востока. На уровне правительственной политики можно констатировать неудачу реформирования. При успехах нового принципа управления отпала бы необходимость в указанном Постановлении партии и правительства.

Социальные последствия реформистской политики на промышленных предприятиях оказались далеко не однозначными как для отдельного работника, так и в целом для социалистической системы. Была попытка заменить принцип уравнительного распределения заработной платы среди рабочих и инженерно-технических работников на многих предприятиях. Знаменитый на всю страну опыт Щёкинского комбината, начавшийся в августе 1967 г., заключался в том, что предприятию определялся стабильный фонд заработной платы на 1967 – 1970 гг., а вся экономия этого фонда при сохранении и повышении производительности труда за счёт сокращения рабочих рук поступала в распоряжение комбината. За два года работы в новых условиях число рабочих на комбинате сократилось на 870 человек. За десять лет объём продукции возрос в 2,7 раза, производительность труда в 3,4 раза, почти в четыре раза повысилась рентабельность, снизились расходы заработной платы на рубль товарной продукции с 13,9 до 5 копеек [2, с. 167-169].

Положительный опыт получил распространение и одобрение ЦК КПСС в октябре 1969 г. С 1967 г. по 1969 г. число предприятий, последователей щёкинского метода, увеличилось с 30 до 200 единиц. Но через некоторое время эксперимент фактически прекратился, работать по такой системе было невыгодно. Причина – в существующей системе пла-

нирования от достигнутого уровня. Несмотря на то, что в 1976 г. комбинат добился 143% использования проектной мощности, с планом он не справился. Это привело к уменьшению фондов экономического стимулирования, лишения тринадцатой зарплаты и потере выплачиваемой ранее надбавки [2, с. 167-169].

На Дальнем Востоке по методу Щёкинского комбината первым начал работать экипаж танкера «Славгород». В составе Дальневосточного морского пароходства на начало 1975 г. на 140 судах в общей сложности было высвобождено 730 чел., что дало экономический эффект около 750 тыс. руб. В Сахалинском морском пароходстве 29 экипажей, т. е. половина транспортного флота, на 1 января 1973 г. уменьшила численность плавсостава на 109 штатных единиц. Такая организация работы к 1974 г. активно внедряется во всех пароходствах региона, более 40% всех транспортных судов Министерства морского флота стали работать с сокращённой численностью экипажей. Но в эти годы началась правительственная политика уменьшения количества судов из-за их изношенности. Дальневосточное морское пароходство за пятилетку сократилось в общей сложности на 20 единиц, поступило же 3 современных судна [3, с. 195].

Партийная и хозяйственная номенклатура боялась, что подобные сокращения могли привести к социальному недовольству, открытому неповиновению рабочих. Именно поэтому в партийных документах дальневосточного региона всегда включалась фраза: «...все лица, попавшие под сокращение, трудоустроены». Повторение событий в г. Новочеркаске вполне могло стать реальностью. На Дальнем Востоке положение обострялось более низким уровнем жизни населения по сравнению с другими регионами страны. Тем не менее, социальная напряжённость отсутствовала, сказывался отток населения в центральные области. Это служило стабилизирующим фактором для управленческой политики «сдиржированного консенсуса».

В условиях бюрократического рынка большинство политико-организационных инициатив исходило от вышестоящих инстанций. Принятые Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развёртывании Всесоюзного соревнования работников промышленности, строительства, транспорта за досрочное выполнение плана 1973 г.» и «О развёртывании социалистического соревнования работников сельского хозяйства за увеличение производства и продажи государству зерна и других продуктов земледелия в 1973 г.» запускали механизм внедрения прогрессивной формы организации работы коллективов в условиях реформы. Предприятия Дальнего Востока, как писалось в партийных документах, «горячо откликнулись на призыв партии», и повсеместные соревнования стали реальностью. Приморским, Хабаровским краями и Амурской областью был заключён договор о проведении социалистического соревнования с повышенными обязательствами.

Материалы Приморского краевого совещания передовиков производства, победителей соревнования за досрочное выполнение народно-хозяйственного плана 1973 г. (23 октября 1973 г.), об итогах социалистического соревнования в крае свидетельствуют об удачных примерах работы многих производственных коллективов. Бригада горнопроходчиков тов. Тупицина была признана победительницей Всероссийского социалистического соревнования среди проходчиков предприятий цветной металлургии и др. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 53. Д. 217. Л. 29-32.).

Несмотря на самоотверженный труд рабочих, цель внедрения передовых методов работы – повышение эффективности производства в условиях реформы – не была достигнута. На всех уровнях управления

– и центральном, и региональном – явно просматривалось стремление к подмене стратегических приоритетов тактическими.

Уровень государственного руководства экономическими процессами в своей стране зависит от ситуации как внутри неё, так и в мире. После окончания Второй Мировой войны наблюдалось усиление роли государственного регулирования, вызванное тяжёлой экономической ситуацией, в которой оказалось большинство стран. С 50-х гг. XX в. в капиталистических странах начинаются процессы, создавшие так называемую «смешанную экономику». Проходили они далеко неоднозначно, но всегда носили характер реформ, их отличало наличие чётко поставленной цели и продуманные средства её достижения. Именно поэтому капитализм, в первую очередь европейский, сумел трансформировать свои политические, экономические и социальные институты таким образом, что результатом стал более позитивный, чем раньше, вариант рыночной экономики.

Трансформация отражала не только повышенное внимание к социальным мотивам, но и была плодом попыток поднять экономическую эффективность рыночной системы путём налаживания сотрудничества между частным бизнесом и государством в области капиталовложений, кредитов, научно-технической революции, подготовки кадров и т.д. В итоге «смешанная экономика» пережила в 1950-1973 гг. беспрецедентный подъём и обеспечила значительное повышение уровня жизни населения [4, с. 496]. Внедрение в капиталистическую экономику элементов социализма принесло свои плоды. Привнесение же элементов рыночной экономики в социалистическую для придания последней большей гибкости и эффективности прекратилось с начала 70-х гг. XX в.

Л.И. Брежнев, мало веривший в целесообразность экономического реформирования, не понимал и не поддерживал сути реформы. По свидетельству А. М. Александрова – Агентова, одного из помощников Л.И. Брежнева, «более консервативный по складу ума, более приверженный к традиционным методам управления производством, Брежнев с самого начала с некоторой иронией отзывался о реформах, предложенных Косыгиным, и в дальнейшем отнюдь не способствовал их претворению в жизнь», [4, с. 496] т. е. практически открыто третировал и саму реформу, и лично А.Н. Косыгина. Обращает на себя внимание один факт: на XXIII съезде партии должны были наметить основные ориентиры развития страны. А.Н. Косыгин, автор одного из двух главных отчётов – экономического, о реформе не говорит ничего. О ней общими фразами упоминает Л.И. Брежнев. Никто из выступавших не отметил важности проводимого курса, что делалось всякий раз, когда КПСС стремилась показать серьёзность преобразований.

На свёртывание элементов экономического курса повлияли и события в Чехословакии (1968 г.). При внешней идентичности их вторжению в Венгрию (1956 г.), они достаточно серьёзно различались по последствиям. В Венгрии реформаторский процесс не прекратился и к 1968 г. реализовался в реформе экономики, ставшей одной из отличительных черт этой страны. Опыт Чехословакии и Венгрии продемонстрировал советскому руководству, что реформы могут выйти из-под контроля. После событий 1968 г. насильственное подавление политики Дубчека в Чехословакии означало, что коммунистический реформизм, или как его называли ещё «социализм с человеческим лицом», приобретает в официальных кругах СССР статус опасного «ревизионизма». Отныне в Венгрии Я. Кадар был вынужден ограничивать свою политику, а лидер, навязанный Чехословакии, не имел возможности для каких – либо изменений, не говоря уже о реформах.

За предоставление символического воинского контингента для вторжения в Чехословакию венгерское правительство получило возможность некоторой свободы манёвра во внутренних делах. В 1968 г. был запущен «новый экономический механизм», который являлся компромиссом между централизованным планированием и системой свободного рынка. Были установлены более тесные экономические и политические связи с Западной Европой [5].

На официальном уровне и в советской прессе постоянно говорили об успехах реформирования, но реально в государстве этот процесс остановился. Если говорить о сути проводимых реформистских преобразований, то они представляли собой попытку внедрения рыночных элементов в экономику социализма, которая началась ещё с реформ Г.М. Маленкова и впоследствии была продолжена Н.С. Хрущёвым и А.Н. Косыгиным. Те тенденции, которые было необходимо преодолеть для достижения большей эффективности экономики в СССР, во многом оказались сходны с существовавшими в капиталистических странах.

Несмотря на утверждение приверженцев чистого либерализма о невмешательстве государства в экономические процессы, на практике всё происходило значительно сложнее. В мире не существует государств, экономика которых функционировала бы строго по этому принципу. Например, две ведущие модели в западной экономике – «англо-американская» и «германская» – предполагают два подхода к решению этого вопроса. Первая более соответствует принципам либерализма, тогда как вторая сочетает эффективное и конкурентное рыночное хозяйство с сильной социальной политикой, обеспечивающей реализацию принципа социальной справедливости. Подчеркнём, что вмешательство государства, правда, в различной степени существовало в обоих случаях, но нигде оно не носило такого всеобщего характера, как в СССР.

Для Советского Союза прекращение реформирования означало нарастание тех явлений в экономической и социальной жизни страны, которые с середины 80-х гг. XX в. называют «застоем». Очевидно, что пятилетка 1965 – 1970 гг. была самой удачной за послевоенное время по темпам экономического роста. Но этот успех объяснялся, в первую очередь, экспортом природных ресурсов нефти, газа и уже потом половинчатыми результатами реформы. С 1970 г. по 1980 г., по сравнению с предыдущим десятилетием, экспорт увеличился в 8 раз, что несомненно свидетельствует о возрастании зависимости всей экономики страны от этого фактора. При условии продолжения реформирования названный показатель мог бы успешно служить модернизации производства в стране и качественного изменения экономической ситуации. Но так как фактически к 1970 г. реформа прекратилась, то благоприятными условиями не воспользовались. И уже к 1970 г. наблюдается ухудшение экономических показателей, которое не удалось преодолеть, оно постепенно и неуклонно увеличивалось.

Реформа мало повлияла на повышение эффективности промышленного производства Дальнего Востока. Местные партийные лидеры в условиях реформирования стали через систему бюрократического рынка согласовывать интересы предприятий и министерств. Право номенклатурного контроля привело к его концентрации в руках партийных властей. Но при этом роль хозяйственников в регионе на разных уровнях управления не только не становилась меньше, но и возрастала. Этому способствовало и явное стремление партийной номенклатуры без особой нужды не вмешиваться в вопросы управления производством.

Литература

1. Александров-Агентов А.М. От Колонтай до Горбачёва. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва. М., 1994. С.38-39.
2. Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988.
3. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999.
4. Западные страны. Особенности социально – экономических моделей. – М., 2002.
5. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
6. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг. М., 1994.
7. Минакир П.А. К вопросу о формировании концепции развития производительных сил Дальнего Востока // Ретроспективный анализ экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1982. С. 2-12.
8. Минакир П.А., Прокопенко О.М. Об устойчивости тенденции экономического развития (на примере промышленности Дальнего Востока) // Ретроспективный анализ экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1983. С. 50-61.
9. Нестеренко А.Д., Кулеш М.М. Экономика российского Дальнего Востока в XX столетии. Владивосток, 2002.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 13. апрель 1979 – март 1981. М., 1981.
11. Татаркин А.И., Берсенев В.Л. Теория и практика реформирования во второй половине XX в. // Социальные трансформации в российской истории. М., 2003. С. 379-393.
12. Экономическое планирование в СССР. М., 1980.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrov-Agentov A.M. Ot Kolontaj do Gorbachyova. Vospominaniya diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshhnika L.I. Brezhneva, YU.V. Andropova, K.U. SChernenko i M.S. Gorbachyova. M., 1994. S.38-39.
2. Valovoj D. EHkonomika v chelovecheskom izmerenii. M., 1988.
3. Derevyanko A.P. Rossijskoe Primor'e na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Vladivostok, 1999.
4. Zapadnye strany. Osobennosti sotsial'no – ehkonomicheskikh modelej. – M., 2002.
5. Kameron R. Kratkaya ehkonomicheskaya istoriya mira ot paleolita do nashikh dnejj. M., 2001.
6. Korzhikhina T.P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991 gg. M., 1994.
7. Minakir P.A. K voprosu o formirovanii kontseptsii razvitiya proizvoditel'nykh sil Dal'nego Vostoka // Retrospektivnyj analiz ehkonomiki Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1982. S. 2-12.
8. Minakir P.A., Prokopenko O.M. Ob ustojchivostitendentsii ehkonomicheskogo razvitiya (na primere promyshlennosti Dal'nego Vostoka) // Retrospektivnyj analiz ehkonomiki Dal'nego Vostoka. – Vladivostok, 1983. S. 50-61.
9. Nesterenko A.D., Kulesh M.M. EHkonomika rossijskogo Dal'nego Vostoka v KHKH stoletii. Vladivostok, 2002.
10. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyajstvennym voprosam. T. 13. april' 1979 – mart 1981. M., 1981.

11. Tatarkin A.I., Bersenev V.L. Teoriya i praktika reformirovaniya vo vtoroj polovine KHKH v. // Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii. M., 2003. S. 379-393.
12. EHkonomicheskoe planirovanie v SSSR. M., 1980.

УДК 316.334.55 (571.621)

*Соловченков С.А.
Solovchenkov S.A.*

Трансформация системы занятости и социальной структуры в приграничном регионе (на примере Еврейской автономной области)

**The transformation of the employment system and social structure
in the border region (on example of the Jewish Autonomous Region)**

В статье на основании проведённых социологических исследований даётся анализ изменений трудовых предпочтений сельских жителей Еврейской автономной области и трансформации социальной структуры, как следствия самоопределения на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, сельская занятость, самоопределение на рынке труда, сельская социология

In the article on the basis of these case studies provides an analysis of changes in employment preferences of rural inhabitants of the Jewish Autonomous Region and the transformation of social structure, as a consequence of self-determination in the labor market.

Key words: labor market, rural employment, self-determination in the labor market, rural sociology

Особенность современной ситуации заключается в том, что традиционная система занятости, сформировавшаяся на селе в советский период, была практически полностью разрушена. Адекватной замены разрушенному выстроено не было. Специфика занятости и самоопределения на рынке труда сельских жителей Еврейской автономной области определяется не только внутренней конъюнктурной характеристикой. В значительной степени его (рынка труда) функционирование связано с исторически сложившимися, устоявшимися схемами трудового поведения.

Для настоящего исследования использовались материалы социологического опроса сельского населения, проведённого автором на территории Еврейской автономной области в 2011 году. Выборка характеризуется следующими параметрами: $n=236$, доверительная вероятность 90%, доверительный интервал 5,36%. Выборка репрезентативна по полу и возрасту.

Оставшись без «официальных» источников средств к существованию, сельское население вынуждено было находить собственные способы выживания, основанные, преимущественно, на самообеспечении [1].

В наибольшей степени описанная ситуация коснулась работников сельского хозяйства, так как именно им пришлось принимать решения о

СОЛОВЧЕНКОВ Сергей Александрович, к.соц.н., научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (г. Биробиджан). **E-mail:** solovchenkov@yandex.ru

Таблица 1. Соотношение сфер занятости по результатам социологического опроса

Сфера деятельности	%
Армия, правоохранительные органы	4,2
Государственная, муниципальная служба, социальное обеспечение	8,9
Транспорт, связь	5,1
ЖКХ и строительство	10,6
Здравоохранение	1,3
Культура	5,1
С\Х	5,1
Образование и дошкольные учреждения	18,6
Торговля	8,5
Безработные	16,9
Пенсионеры	14,0
Не указали сферу занятости	1,7

смене профессиональной деятельности под имеющиеся немногочисленные рабочие места на селе, либо сохранении своей профессиональной направленности в рамках личного подсобного хозяйства.

Работники непромышленных сфер, как-то фельдшеры, учителя, почтальоны и т.д. оказались в несколько лучшем положении. Помимо возможности заниматься личным подсобным хозяйством, хоть и с меньшей интенсивностью, они сохранили свою занятость и источник дохода.

Всё это в значительной степени предопределило особенности самоопределения на рынке труда сельских жителей Еврейской автономной области и современную картину распределения занятости на селе.

Верификация полученных результатов по материалам официальной статистики позволяет сказать, что значительного отклонения данные цифры не имеют.

Как видно из таблицы 1, доля занятых в сельском хозяйстве на настоящий момент достаточно низка. Сложившаяся за время экономических реформ тенденция любыми способами закрепляться в бюджетных и непромышленных сферах привела к тому, что сельское хозяйство утратило в полной мере свою привлекательность как источник занятости.

Из сложившейся ситуации можно сделать двоякие и противоположные выводы. С одной стороны, развитие третичной сферы экономики (транспорт, связь, культура, образование, торговля) говорит о поступательном развитии экономической системы и переход её на качественно новый уровень. Этот вывод выглядит обоснованным, если бы не тенденция «обескровливания» сельского хозяйства.

С другой стороны, это потеря профессиональных кадров, переход на мелкотоварное производство, не способное обеспечить себя ни новой техникой, ни качественным посевным и племенным материалом [3]. По-

**Таблица 2. Привлекательность сельского хозяйства
как источника занятости**

Согласны ли вы приступить к работе на с\х предприятии?	%
да	7,2
да, при серьёзном увеличении зарплаты	14,8
нет, у меня другая специализация	28,8
нет, ни при каких условиях	33,9
в настоящий момент работаю на нём	0,5
затрудняюсь ответить	14,8

мимо этого, непривлекательность сельского хозяйства как сферы постоянной занятости приводит к тому, что перспективы задействовать трудовые ресурсы в процессе восстановления становятся все призрачней.

Как показывают материалы опроса, некоторая часть населения, около 7%, не может сказать, есть ли в их населённом пункте сельскохозяйственное предприятие. Из 19,5% указавших, что в населённом пункте сельскохозяйственных предприятий нет, 11% ошиблись. Чуть более 81% опрошенных считают, что сельскохозяйственные предприятия совершенно не способны обеспечить занятость на селе.

Значительная часть сельского населения Еврейской автономной области перестала воспринимать сельское хозяйство как приемлемую основную сферу занятости (таб. 2).

Лишь крайне незначительная часть опрошенных, около 7%, согласны приступить к работе на сельскохозяйственном предприятии без всяких условий. Ещё около 15% приступят к работе, но только при серьёзном увеличении зарплаты, что крайне маловероятно. Ещё около 29% опрошенных не приступят к работе в силу того, что у них другая специализация. Самым тревожащим, на наш взгляд, является тот факт, что 34% опрошенных ни при каких обстоятельствах не станут работать в сельском хозяйстве.

В некоторой степени компенсирующее воздействие в рамках сельскохозяйственной занятости могло оказать частное производство в рамках ЛПХ. Однако результаты опроса показывают, что даже частное производство утрачивает на селе своё значение.

В наиболее сложный экономический период 90-х годов, жители села, пользуясь почти полным отсутствием контроля за использованием земли, достаточно свободно увеличивали свои земельные наделы. Это явилось одной из приемлемых и достаточно эффективных стратегий социально-экономической адаптации [2]. Около 26% опрошенного населения, указали, что увеличивали размеры своих подсобных хозяйств, в том числе и за счёт земельных наделов. Потенциально, указанная часть населения могла сконцентрировать свою занятость в рамках личного подсобного хозяйства и выступать в роли мелкотоварного производителя. Однако, как показали результаты дальнейшего опроса, только 9% населения продолжают использовать увеличенные наделы, и только 5% реализуют производимую продукцию. Все остальные, вернулись к использованию приусадебных участков исключительно для внутрисемейного потребления.

Достаточно широко используемым элементом самоопределения сельских жителей на рынке труда стал поиск удалённой от места жительства занятости.

Подобная форма занятости сформировалась не так давно, когда на территории области наблюдалось усиление экономического роста и активизация строительной и промышленной деятельности. За счёт семейных и дружеских связей некоторая часть сельского населения была привлечена к промышленной деятельности на территории города Биробиджана. Некоторой разновидностью данной стратегии стало нахождение места работы в ближайшем крупном населённом пункте.

Чаще всего поиск работы вёлся через знакомых и родственников. В дальнейшем, найдя работу за пределами своего населённого пункта, человек постепенно перетягивал в организацию, в которой трудился, близких друзей, родню. Помимо этого, являясь наглядным примером успешного трудоустройства, он инициировал дополнительный поиск мест удалённой занятости среди жителей своего населённого пункта.

Как показало проведённое исследование, данная ситуация наблюдалась в 44% домохозяйств. Здесь учтены только те респонденты, которые отметили, что неоднократно пытались найти и находили работу за пределами своего населённого пункта, либо те, кто и в настоящий момент трудится удалённо от места жительства. При этом стоит отметить, что ещё около 12% опрошенных указали, что они делали попытки, успешные либо не очень, найти работу за пределами своего населённого пункта.

Как показал анализ географического распределения мест трудоустройства при удалённой занятости, подавляющее большинство ориентировалось на: город Биробиджан (единственный город являющийся легко достижимым для жителей области) (около 30%); близлежащие районные центры, такие как Ленинское и Амурзет (9%); незначительное количество опрошенных (4%) указали, что пытались найти работу либо работали в населённых пунктах области не являющихся районными центрами. Достаточно большое количество людей (около 10%) в своих поисках работы ориентировались, преимущественно, на удалённо-вахтовую занятость. Эта категория граждан указала, что неоднократно искали работу и находили её в городах Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске. В эту же группу попали люди, которые работали и работают на длительных вахтах в районах Крайнего Севера.

Анализ временных рамок использования данного метода самоопределения на рынке труда позволяет сказать, что из 44%, указавших, что они использовали данную форму занятости, 32% работали в данном режиме более 3-х лет, либо работают до сих пор. Около 7% использовали данную форму занятости от одного до трёх лет. Оставшийся незначительный процент опрошенных использовали данную форму занятости менее одного года.

Наиболее распространённым методом поиска рабочего места в рамках реализации данного способа трудоустройства явился самостоятельный поиск (27%). Значительно меньшее количество опрошенных (8%) указали, что трудоустроились по рекомендации родственников и знакомых. Однако мы склонны считать, что данные цифры не в полной мере отражают реальность. На наш взгляд, доля задействования межличностных сетей для поиска места работы должна быть значительно выше. Возможно под вариантом «самостоятельный поиск» значительная часть опрошенных подразумевала самостоятельное обращение к родственникам и знакомым с целью протекции при трудоустройстве.

В результате проведённого исследования элементов самоопределения сельских жителей на рынке труда нами были получены следующие результаты:

1. Традиционные схемы занятости на селе были сильно изменены экономическими преобразованиями в стране;

2. Сельское хозяйство утратило свою привлекательность как сфера занятости;

3. В сёлах Еврейской автономной области сформировался неоправданно высокий уровень занятости в бюджетных и непроизводственных сферах;

4. Широкое распространение на селе получила стратегия удалённой занятости, что ещё больше сократило возможный трудовой резерв сельского хозяйства;

5. Увеличение занятости в сфере сельскохозяйственного производства в Еврейской автономной области без значительных изменений в привлекательности сельского хозяйства (как с точки зрения финансов, так и престижности) не возможно.

Решение всех описанных проблем требует серьёзнейшего изменения подходов к поддержке сельскохозяйственного производства, возвращения утраченного статуса села, как основы развития территории с точки зрения продовольственной и демографической безопасности.

Литература

1. Соловченков С.А. Оценка адаптивного потенциала сельского населения юга дальнего востока в условиях длительного экономического кризиса // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал) 2012. № 4. (sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/solovchenkov.pdf)

2. Соловченков С.А. Сельское население Еврейской автономной области – стратегии выживания // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т.7, № 4. С. 55-57

3. Хагуров А.А. Социология российского села. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: ИС РАН, 2010. 470 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Solovchenkov S.A. Otsenka adaptivnogo potentsiala sel'skogo naseleniya yuga dal'nego vostoka v usloviyakh dlitel'nogo ehkonomicheskogo krizisa // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (ehlektronnyj zhurnal) 2012. № 4. (sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/solovchenkov.pdf)

2. Solovchenkov S.A. Sel'skoe naselenie Evrejskoj avtonomnoj oblasti – strategii vyzhivaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. T.7, № 4. S. 55-57

3. KHagurov A.A. Sotsiologiya rossijskogo sela. Izd. 2-e, pererab. i dopoln. M.: IS RAN, 2010. 470 s.

УДК 331.52(571.63)

*Шестак О.И.
Shestak O.I.*

**Структура потребности в специалистах
и кадровые проблемы российской экономики
(на примере анализа рынка труда
в Приморском крае)**

**Structure of requirement in a personnel
and the staff problems of the Russian economy
(on example of the analysis of the market of work in Primorye Territory)**

Статья посвящена анализу профессиональной структуры рынка труда Приморского края. На примере отдельного региона даётся общая характеристика проблем понимания реальной потребности в кадрах в российской экономике в целом, места молодых специалистов в структуре спроса и предложения на рынке труда, раскрываются перспективы дальнейшей трансформации кадровой структуры системы трудовых отношений в России.

Ключевые слова: рынок труда, кадровая структура экономики, кадровые проблемы, кадровые потребности экономики

The article is devoted to the analysis of professional structure of the market of work of Primorye Territory. On example of one region is given the general characteristic of problems of understanding of real requirement in the staff in the Russian economy as a whole, place of the young personnels in structure of a supply and demand in the market of work, are opened the prospects of the further transformation of personnel structure of system of the labour relations in Russia.

Key words: Market of work, Personnel structure of economy, Staff problems, Personnel requirements of economy

В последние годы много говорится о кадровых проблемах российской экономики. Основные тезисы следующие: при очевидной нехватке рабочих профессий рынок переполнен специалистами с высшим образованием, из которых по специальности трудоустраивается, в среднем, 48 – 52%; при острой нехватке инженерных кадров – на рынке значительный переизбыток юристов и экономистов. Эти представления формируют политику государства в сфере профессионального образования, в которой можно выделить несколько ключевых позиций:

1. Необходимо прекратить повсеместную подготовку экономистов и гуманитариев, сократить общее количество вузов в стране. С 2011 года значительно, по сравнению с предыдущими годами, сократился госзаказ на подготовку по экономическим и гуманитарным направлениям.

2. Необходимо повысить престиж инженерного образования. Позиция Правительства следующая: «...государство намерено вплотную за-

ШЕСТАК Ольга Игоревна, к.и.н., доцент центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** olga.shestak@vvsu.ru

няться подготовкой инженеров и поднять престиж «технарей». Самые продвинутые и талантливые студенты технических вузов будут получать повышенную стипендию, а зарплата инженеров должна быть в среднем на уровне 60 тысяч рублей...» [3].

3. Необходимо готовить кадры, строго ориентируясь на потребности рынка труда. В этом случае выпускники профессиональных учебных заведений будут востребованы и трудоустроены по полученной специальности.

4. Для обеспечения рынка рабочими профессиями следует часть вузов превратить в профессионально-технические учебные заведения, заведения среднего профессионального образования.

Однако, реальность не так однозначна.

Что на самом деле происходит на рынке труда? Что лежит в основе представлений государственных структур о потребностях экономики в кадрах? В кадрах с каким образованием действительно испытывает потребность российская экономика? В чём причина нехватки кадров, в том числе инженерных и технических?

Кадровые проблемы – это общероссийская тенденция, где различия между регионами незначительны и обусловлены отраслевой структурой региональных экономик. Принимая этот тезис, мы решили на примере Приморского края попытаться найти ответы на сформулированные вопросы.

Когда мы говорим о кадрах – мы говорим в первую очередь о занятости. По своей сути занятость – это распределение работников по рабочим местам в системе экономики (федеральной, региональной, муниципальной). Прежде чем говорить о спросе и предложении на региональном рынке труда, следует иметь чёткое представление о том, что представляет собой структура занятости на территории, о которой идёт речь. Нужно знать, какое требуется количество работников на предприятиях всех форм собственности и отраслей экономики, каких профессий, с какими навыками и уровнем образования, на какие должности и, наконец, какая предлагается зарплата в разрезе этих предприятий, профессий, навыков и должностей. Необходимо иметь представление о профессиональном потенциале населения трудоспособного возраста – то есть знать совокупное количество населения территории, обладающее требуемым образованием, профессией и навыками, и понимать, готово ли это население предлагаемые вакансии занять. Только с опорой на эти знания можно говорить о структуре спроса и предложения на рынке труда.

Что же мы имеем в реальности? Необходимой объективной информацией для выводов по структуре спроса на рынке труда сегодня в России нет, равно как и нет объективных всесторонних данных о структуре занятости населения ни в одном регионе страны. Причины различны, но ситуация именно такова. Тогда на чём строят свои выводы ведомственные структуры?

В своих дальнейших рассуждениях и выводах мы опираемся на данные государственной статистики за 2010 – первую половину 2012 года, данные службы занятости населения Приморского края, официальные заявления представителей органов власти различных уровней, а также материалы социологических и маркетинговых исследований, как общероссийских, так и собранных центром социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Таблица 1. Распределение предприятий и организаций Приморского края по видам экономической деятельности в 2011 году

Предприятия и организации по видам экономической деятельности	Число	Доля от общего числа (в %)
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22103	35,85
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10419	16,90
Транспорт и связь	6670	10,82
Строительство	5031	8,16
Обрабатывающие производства	4035	6,54
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3920	6,35
Образование	1953	3,16
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1640	2,66
Гостиницы и рестораны	1259	2,04
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1229	1,99
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1152	1,86
Финансовая деятельность	1035	1,67
Рыболовство, рыбоводство	575	0,93
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	339	0,54
Добыча полезных ископаемых	204	0,38
Всего	61642	100,00

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011: статистический сборник. М.: Росстат, 2011. С. 350-354.

1. Структура экономики Приморского края

Для определения потребности экономики в кадрах необходимо представлять её структуру.

На 1 ноября 2011 г. общая численность предприятий и организаций Приморского края составляла 61642 предприятия (Табл. 1), из которых 26374 – предприятия малого и среднего бизнеса (причём из них 23351 – микропредприятия, с численностью персонала до 5 человек), остальные – предприятия крупного бизнеса, учреждения и организации различных форм собственности. Количество индивидуальных предпринимателей в 2011 году составляло 54 215 единиц (Табл. 2). Таким образом, общее число хозяйствующих субъектов в Приморье в 2011 году составило 115857 единиц, из которых 77566 предприятия – микропредприятия и индивидуальные предприниматели.

Общая численность населения трудоспособного возраста в Приморском крае в 2010 году составила 1 081,3 тыс. чел., из которых в экономике была занята 977,0 тыс. чел. На долю малых предприятий пришлось 106,2 тыс. чел., причём 29,0 тыс. чел. – работники микропредприятий. Общая численность безработных в 2010 году составила 105, 2 тыс. чел. [5, с. 123]. Уровень зарегистрированной безработицы составил 3,4% при

Таблица 2. Распределение индивидуальных предпринимателей по видам экономической деятельности в Приморском крае в 2011 году

Предприятия и организации по видам экономической деятельности	Число	Доля от общего числа (в %)
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	33039	60,94
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6012	11,08
Транспорт и связь	3732	6,88
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3037	5,60
Обрабатывающие производства	2693	4,96
Строительство	1940	3,57
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1333	2,45
Гостиницы и рестораны	1184	2,18
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	345	0,63
Финансовая деятельность	343	0,63
Образование	262	0,48
Рыболовство, рыбоводство	103	0,18
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	23	0,04
Добыча полезных ископаемых	9	0,01
Всего	54215	100,00

Источник: Малый бизнес Приморского края. 2011: Сборник. Владивосток: Приморскстат, 2011. С. 22.

общем уровне безработицы – 9,7%. Однако данные официальной статистики не отражают реального состояния занятости.

На III Съезде предпринимателей Приморья, проходившим осенью 2010 года, действующий в тот момент вице-губернатор Александр Костенко, отметил, что в Приморском крае 13,5 тыс. субъектов малого бизнеса и 10,7 тыс. индивидуальных предпринимателей не отчитываются по налогам и сборам, не сдают информацию в Приморскстат, что вносит огромную погрешность в статистическую отчетность. Многие предприятия со статусом «микро», имеют гораздо большее число работников, чем то, что они заявляют в органы статистики и в службу по налогам и сборам. Статистический учёт также не выделяет из общего числа предприятия, деятельность которых на момент учёта приостановлена, т.е. формально эти предприятия существуют и имеют списочный состав работников, которые учитываются как занятые, но в реальности они либо не функционируют, либо уже давно числятся только на бумаге. Да настоящего времени ситуация принципиально не изменилась. В итоге мы не имеем полной картины занятости, а цифры статистического учёта деформируют экономическую реальность. Не ведётся статистический учёт распределения работников предприятий по должностям, который мог бы показать профессионально-должностной профиль занятости.

Не учитывает официальная статистика и совместительство. Результаты опроса «Определение характера социальной дифференциации населения Приморского края» (региональная выборка, N = 1241 чел.),

Таблица 3. Потребность на специалистов и квалифицированных рабочих на предприятиях Приморского края (в %)

№ п/п	Потребность в кадрах	Потребность	Сложность удовлетворения			
			Очень легко	Скорее легко	Скорее сложно	Крайне сложно
1	В квалифицированных рабочих, имеющих диплом об окончании ПТУ, лицей	29,8	5,2	9,0	41,8	44,0
2	В квалифицированных технических специалистах, имеющих диплом об окончании техникума, колледжа	27,3	7,3	13,0	44,4	35,3
3	В квалифицированных инженерах, имеющих диплом об окончании вуза	15,0	3,2	9,1	47,8	39,9
4	В специалистах для непроизводственных подразделений (экономисты, бухгалтера, юристы, менеджеры и т.д.), имеющих диплом об окончании вуза	27,9	4,6	31,7	35,8	27,9

проведённого центром социологических и маркетинговых исследований ВГУЭС в 2011 году, показали, что из работающих респондентов-горожан 14,8% официально работают на «двух работах», а 2,6% заняты на «3-х работах» одновременно. Но главное, чем не располагают органы официальной статистики, – это данные, отражающие реальную потребность предприятий всех типов и форм собственности в кадрах.

Сколько же действительно занято в региональной экономике, и в каких кадрах испытывают потребность предприятия?

2. Нужны ли приморской экономике специалисты с высшим образованием?

Рассмотрим, насколько рынок переполнен специалистами с высшим образованием и какова потребность приморских предприятий в кадрах.

Структура распределения занятого населения Приморского края по уровню образования выглядит следующим образом: Имеющие высшее образование – 29,1%, имеющие среднее профессиональное образование – 23,0%, имеющие начальное профессиональное образование – 26,7%, имеющие среднее общее образование – 21,2% и имеющие начальное общее образование – 0,4% [6, с. 20].

Из приведенных данных мы видим, что значительного переизбытка работников с высшим профессиональным образованием в экономике края нет. Тогда какова структура потребности в кадрах у приморских предприятий? Поскольку мы не имеем объективной информации, которая позволила бы нам дать точный ответ на этот вопрос, то можем только предполагать, опираясь на структуру предприятий, приведённую в таблицах 1-2.

Таблица 4. Тенденция роста спроса на молодых специалистов и квалифицированных рабочих на рынке труда (в%)*

Годы	Спрос на рынке труда		
	На выпускников НПО	На выпускников СПО	На выпускников вузов
2008 г.	100,0	100,0	100,0
2009 г.	104,4	102,8	103,7
2010 г.	109,0	105,7	107,5
2011 г.	113,4	108,7	111,5
2012 г.	118,4	111,7	115,6
2013 г.	123,1	114,8	119,9

Источник: Горшков М.А., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 259.

* (за 100 % принят уровень спроса по состоянию на 2008 г.)

Предприятия оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, бытовых изделий и т.д., составляющие львиную долю в краевой экономике, способны переварить кадры с любым уровнем образования, однако обеспечивающие деятельность этих предприятий специалисты требуют высшего экономического (экономисты, бухгалтер, товароведы, логисты, маркетологи, менеджеры торговых залов и т.д.) и юридического образования. Предприятия, занимающиеся операциями с недвижимым имуществом, составляющие 16,9% от общей численности приморских предприятий и примыкающие к ним организации и учреждения сферы образования, финансовой деятельности, государственного управления также требуют в основном специалистов с высшим экономическим и гуманитарным образованием, специалистов управленческого профиля, юристов. Гостиницы и рестораны нуждаются в специалистах, имеющих высшее и средне-специальное образование сервисной направленности. Производственные предприятия, транспорт и связь, строительство испытывают потребность в технических кадрах с высшим, средним и начальным профессиональным образованием, нуждаясь и в специалистах экономического, юридического, управленческого профиля. Инженерные кадры требуются, но их доля, даже в производственной сфере относительно невелика (по отношению к техническим специалистам и квалифицированным рабочим), как и доля производственной сферы в экономике. Насколько наши вводы соответствуют действительности?

В ноябре 2011 года Центр социологических и маркетинговых исследований ВГУЭС провёл экспертный опрос 341 руководителя и собственника предприятий различных форм собственности. Результаты опроса показали, что величина спроса на специалистов с высшим образованием на Дальнем Востоке составляет 27,9% от общей потребности в кадрах, в специалистах со средним профессиональным образованием – 28,3%, в квалифицированных рабочих – 28,3% (Табл. 3). Также руководители предприятий отметили острую потребность в квалифицированных кадрах, при высокой сложности её удовлетворения (Таб. 3).

В 2008 году Центр социального прогнозирования и маркетинга (г. Москва) рассчитал и тенденцию спроса на период до 2013 года, которая показывает неуклонный рост потребности в молодых специалистах и квалифицированных рабочих (Таб. 4).

Таблица 5. Молодые специалисты, востребованные работодателями (по результатам опроса руководителей предприятий Приморского края, 2011 год)

Вид деятельности	Степень востребованности в %	Требования к образованию
Экономика и финансы	33,7	Высшее
It и связь	19,2	Высшее
Продажи	10,3	Высшее, среднее профессиональное
Обслуживающий персонал	9,6	Высшее, среднее профессиональное
Бухгалтерский учет и аудит	8,7	Высшее
Менеджмент и управление	6,8	Высшее
Производство	6,7	Высшее, среднее профессиональное, начальное профессиональное
Маркетинг, реклама, PR	4,9	Высшее

Потребность в молодых специалистах в Приморском крае распространяется преимущественно на лиц с высшим экономическим образованием (Табл. 5). Потребность в квалифицированных рабочих, технических специалистах и инженерах больше распространяется на людей среднего возраста и с опытом работы.

Таким образом, потребность приморской экономики в специалистах с высшим образованием достаточно велика. Это подтверждается и структурой вакансий краевых кадровых агентств и служб занятости.

Лист объявленных вакансий на 10 октября 2012 года, на сайте Центра занятости населения г. Владивостока [2], на момент просмотра, содержал 510 вакансий, из которых: 218 (42,7% от общего числа) требовали высшего образования (из них экономические специальности составляли 56,3%); 78 (15,3%) были предназначены для лиц со средним профессиональным образованием, 24 (4,7%) предполагали общее среднее образование, 5 – начальное профессиональное образование. В 185 вакансиях (36,3%) не было обозначено требование к образованию, но характер должности указывал на потребность в кадрах с высшим и средним профессиональным образованием.

На сайтах кадровых агентств Приморского края («Перспектив», «Карьера-форум», «Успех»), на момент просмотра, вакансии для лиц с высшим образованием составляли от 63 до 92%, из которых преобладали вакансии, требующие экономического образования.

Если спрос на работников с высшим образованием в экономике Приморского края действительно высок, тогда чем обусловлены представления о перепроизводстве специалистов с высшим образованием, катастрофической нехватке инженеров и квалифицированных рабочих? Причины как объективные, так и субъективные.

Субъективной причиной, обусловившей приведенные выше представления, стали данные, подаваемые Государственной службой занятости населения в органы власти всех уровней.

По оценкам Управления государственной службы занятости населения (УФГСЗН) Приморского края, на 8 октября 2012 года численность официально зарегистрированных безработных составила 18 242 человек при общем количестве заявленных в Службу вакансий – 47,0 тыс. ед.

ниц [4]. По структуре вакансий – 77,8% рабочие профессии (квалифицированные каменщики, штукатуры, слесари, различные техники, механизаторы, животноводы для сельского хозяйства и т.д.). Из общей же численности зарегистрированных безработных – 72,6% приходится на лиц с высшим образованием. Отсюда следует вывод об избытке специалистов с высшим образованием на рынке труда.

Среди лиц с высшим образованием наиболее востребованы специалисты инженерно-технических направлений, специалисты для работы в нефтегазовой и судоремонтной промышленности, в энергетической и машиностроительной отраслях, специалисты сферы самолёто- и вертолётостроения, строительства, здравоохранения, образования, правоохранительных органов. Количество обратившихся в службу занятости специалистов с высшим образованием по престижным специальностям значительно превышает спрос на них, что, на первый взгляд, действительно подтверждает вывод о переподготовке по этим специальностям. Так, на 10 октября 2012 года на 1 вакансию экономиста претендовали 24 безработных, на 1 вакансию юриста – 12 безработных, на 1 вакансию бухгалтера – 10 безработных. Однако, по свидетельству той же Службы занятости, многие заявленные вакансии на специалистов не занимаются от 1 до 3-х месяцев, а затем снимаются работодателями. Как это возможно при таком количестве состоящих на учёте безработных?

Прежде всего, посмотрим на предприятия, которые подают вакансии в службы занятости. Это предприятия сферы образования и здравоохранения, социальной сферы, малорентабельные предприятия малого и среднего бизнеса, которые не могут предложить достаточную для привлечения квалифицированного специалиста заработную плату. Бюджетные учреждения и организации предлагают заработную плату от 5,5 до 13,0 тыс. руб. Предложения предприятий малого и среднего бизнеса имеют промежуток от 5 до 15 тыс. рублей [2]. Это вакансии экономистов, бухгалтеров, юристов, должности управленческого профиля. Большое количество малооплачиваемых вакансий предлагают сферы здравоохранения и образования – это вакансии врачей, учителей, особенно в сельской местности. Размер предлагаемой оплаты труда рабочих иногда доходит до 20 тыс. рублей, но такие вакансии приходятся на города Владивосток, Уссурийск, Находку [3], для которых эта заработная плата считается низкой. Искать персонал на «свободном» рынке труда такие предприятия не могут, будучи не в состоянии предложить достаточную заработную плату квалифицированным работникам, ищущим работу через кадровые агентства, поскольку их ожидания от зарплаты значительно превышают возможности указанных предприятий и учреждений. Дают объявления о вакансиях и предприятия, нацеленные на экономию средств на работниках и набирающие через службу занятости низкооплачиваемый, недостаточно квалифицированный, чаще всего временный, персонал.

Теперь рассмотрим, кто регистрируется в службе занятости. В большинстве, это те, кто был уволен по сокращению с прежних мест работы. Это люди среднего и старшего возраста, экономисты, в том числе бухгалтеры, специалисты с гуманитарным образованием, не обладающие достаточными профессиональными навыками и качествами, в том числе знаниями в области It-технологий, которые требуются на современных предприятиях. Это проживающие в сельской местности, в малых, в том числе в монопрофильных городах, где нет вообще никакой работы. Это и выпускники вузов, к причинам регистрации которых в службе занятости мы подойдём позже.

Обратимся ещё раз к исследованию «Определение характера социальной дифференциации населения Приморского края», где одной из

задач было определение причин, по которым люди регистрируются в качестве безработных. Эти причины мы определили как «неформальные практики» в сфере трудовых отношений.

В 2011 году 8376 зарегистрированных безработных были направлены Приморской краевой службой занятости населения на переобучение и повышение квалификации за счёт бюджетных средств. Они не только получили новые профессии и навыки, но и обучились компьютерным программам, востребованным на рынке. По данным нашего опроса, 77,8% от зарегистрированных в качестве безработных выпускников вузов и 56,7% высвобожденных по факту сокращения имели целью при постановке на учёт в службе занятости воспользоваться возможностями бесплатного переобучения и повышения квалификации с изучением востребованных компьютерных программ. Это бухгалтера, экономисты, дизайнеры, психологи, социальные работники и др., которые либо не владели такими программами, либо не изучали их в вузе (выпускники). Они изначально не были ориентированы на трудоустройство. 6,8% из зарегистрированных в качестве безработных выпускниц также не были ориентированы на поиск работы и встали на учёт в службу занятости для того, чтобы получать денежное пособие в период беременности. На получение пособия, а не на трудоустройство, оказалось ориентировано до 83% безработных респондентов, проживающих в местности, где нет работы, а пособие равнозначно заработной плате.

Таким образом, с одной стороны, большинство из зарегистрированных в службе занятости лиц, не нацелены на поиск работы, стремясь лишь воспользоваться преимуществами, которые даёт статус безработного. С другой стороны, вакансии, предлагаемые службами занятости, не востребованы из-за низкой заработной платы.

Приведённые факты, свидетельствуют, что угол зрения служб занятости на рынок труда крайне узок и не объективен. Описанные выше содержательные характеристики в структуре вакансий и поведенческие практики зарегистрированных безработных либо заведомо игнорируются службами занятости, либо в силу формализованности учёта не фиксируются. В итоге, совершаются стратегические ошибки в политике в сфере трудовых отношений и в сфере профессионального образования.

Объективных причин, обуславливающих тезисы об острой нехватке квалифицированных рабочих и инженеров, особенно молодых специалистов, несколько.

Во-первых, это – деквалификация «старых» кадров – инженеров и технических рабочих, – уволившихся с предприятий в период их массового банкротства в 1990-е годы и уже давно потерявших свои профессиональные навыки, в силу чего эти люди, которым сегодня от 40 до 50 лет уже не могут работать по полученным ранее специальностям и профессиям. В то время как большинство инженерно-технических работников на действующих предприятиях имеют возраст от 60 до 80 (!) лет [1].

Во-вторых, это – низкое качество подготовки инженеров и рабочих технического профиля в вузах и профтехучилищах. С закрытием в 1990-е годы заводов, у профессиональных учебных заведений, осуществляющих подготовку технических кадров, исчезла производственная база, а кризис финансирования привёл к невозможности обновления старой лабораторной базы – специалистов перестали готовить для работы на современном оборудовании. Уже давно не владеют навыками работы на реальном оборудовании и преподаватели специальных дисциплин. Это привело к тому, что выпускаемые инженеры и технические специалисты не востребованы рынком, поскольку не обладают необходимыми компетенциями. Качество подготовки технических специалистов сохранили только те учебные заведения, которые не потеряли за период

экономических реформ своей производственной базы. Примером чему могут служить филиалы ДВФУ (бывшего ДВГТУ) в городах Арсеньев и Большой камень, где базой производственных практик для студентов стали заводы «Прогресс» и «Звезда». Основной же контингент выпускников Инженерной школы ДВФУ (бывшего ДВГТУ), осуществляющей подготовку инженеров, не трудоустраивается по специальности, в том числе и по причине недостаточных знаний и навыков.

И, наконец, в-третьих, предприятия промышленности в большинстве своём дотационные, зависимые от скудного государственного заказа, а потому размеры заработной платы, предлагаемые на них, низкие (от 8 до 16 тыс. руб.) и не могут заинтересовать молодых выпускников, в силу чего последние не идут на эти предприятия работать.

Таким образом, инженеры и технические специалисты выпускаются учебными заведениями, но они либо не обладают необходимыми производственными навыками и не востребованы на рынке, либо не идут работать на предприятия из-за низкой заработной платы, и в условиях постоянно совершенствующихся технологий быстро деквалифицируются, в то время как региональная экономика испытывает острую потребность в инженерно-технических кадрах. Одновременно, доля промышленных предприятий в структуре экономики края очень мала, и потребность в инженерно-технических кадрах, хоть и чрезвычайно острая, но крайне незначительная на фоне общей потребности в специалистах экономического и социально-гуманитарного профиля. В результате сложилась ситуация, когда острота потребности в инженерных кадрах затмила её объёмы.

3. Антология проблем кадрового обеспечения российской экономики

Факторы, породившие проблемы кадрового обеспечения российской экономики, носят глубинный, системный характер, и не решаемы командно-административными методами. Следует ли увеличить объём подготовки инженерно-технических кадров и глобально сократить подготовку по экономическим и гуманитарным направлениям в вузах. Ответ однозначный – не в таких масштабах. Тогда как быть с выпускниками вузов, которые не трудоустраиваются по полученной специальности?

По результатам ежегодного мониторинга трудоустройства выпускников, проводимого Центром социологических и маркетинговых исследований ВГУЭС, мы видим, что процент работающих выпускников, че-

Таблица 6. Факторы, определяющие выбор работы выпускниками (По результатам опроса выпускников ВГУЭС 2011 года)

Ранг	Факторы	% выбора
1	Высокая заработная плата	62,3
2	Интересная работа	42,8
3	Возможность карьерного роста	40,3
4	Работа по специальности	31,6
5	Наличие социального пакета	19,2
6	Комфортные условия труда	19,1
7	Стабильность организации/предприятия	17,3
8	Гибкий график работы	13,6
9	Престижность организации/предприятия	9,2
10	Престиж самой работы	3,8

рез год после выпуска не ниже 91,5%. Те же, кто не работает – имел работу, но уволился по личным причинам, из которых основная – поиск более привлекательного места работы. По специальности действительно трудоустраиваются не более 56,0%. Однако, работа не по специальности связана вовсе не с невозможностью по ней трудоустроиться, а с совершенно иными причинами. Трудоустройство не по специальности обусловлено ориентацией молодёжи на высокую заработную плату, карьерный рост, социальный пакет, комфортные условия труда и другие социальные блага, которые не всегда может дать работа по специальности (Табл. 6).

Кадровые проблемы порождены и массовой миграцией молодёжи из Приморского края в другие регионы России и за рубеж. Выпускники также ориентированы на проживание во Владивостоке, а потому ищут любую работу, чтобы остаться в городе после окончания вуза. Из выпускников ВГУЭС 2011 года за пределы Приморского края выехали, на март 2012 года, 13,3% выпускников; 71,2% трудоустроились во Владивостоке, и только 15,5% нашли работу на территории края. Ежегодный мониторинг показывает, что за пределами Владивостока трудоустраиваются от 9,3 до 16,5% выпускников, окончивших ВГУЭС. Выпускники владивостокских вузов не стремятся возвращаться в свои населённые пункты, расположенные в Приморье. Причины – низкий уровень жизни в муниципальных образованиях края, отсутствие культурно-досуговой инфраструктуры, отсутствие работы, возможностей развития, в том числе – профессионального. Уровень заработных плат за пределами Владивостока очень низок – для специалиста с высшим образованием от 5 до 13,5 тыс. руб. Предприятия, учреждения и организации, которые нуждаются в специалистах – это социальная сфера и малорентабельные промышленные предприятия, которые не могут предложить достойной зарплаты. При высоком стандарте жизни современного российского общества молодые люди не хотят жить в бедности, в местности с неразвитой инфраструктурой и без каких-либо перспектив. Они хотят высокой зарплаты, интересной работы, стабильности, возможности проживать на более благоустроенных территориях, пользоваться широко рекламируемыми телевидением «благами современной цивилизации». В итоге предприятия, учреждения и организации, расположенные за пределами крупных городов остаются без кадрового обеспечения.

Одновременно малый и средний бизнес даёт широкие возможности профессионального манёвра для работников различных категорий и уровня образования. Эти предприятия доминируют в экономической структуре, развиваются, нуждаются в кадрах и предлагают хорошую заработную плату. Работник сегодня ориентируется на уровень оплаты труда, и для него не имеет значения то, что он работает не по специальности. Такова объективная ситуация. Добавим, что не по специальности, в основном трудоустраиваются «технари» и «естественно-научники», медики и педагоги, социальные работники, с позиции Службы занятости – пользующиеся острым спросом на рынке труда. Перспектива трудоустройства по специальности для этих специалистов – малооплачиваемая работа в учреждениях социальной сферы, но они этой работы не хотят. Так, например, ежегодно Владивостокский государственный медицинский университет выпускает от 400 до 500 молодых специалистов. Они идут работать в фармацевтические и косметологические компании, в косметические салоны, в частные клиники, на работу, вообще не связанную с полученным образованием. Одновременно, одна из самых острых потребностей в кадрах в муниципальных образованиях Приморского края – это потребность во врачах всех специализаций. Из-за отсутствия

врачей в сельской местности повсеместно закрываются больницы и фельдшерские пункты.

Таким образом, основа кадровых проблем российской экономики лежит в её структуре, в нерациональной экономической и налоговой политике, в непонимании реальной ситуации на рынке труда. Реагируя на острую потребность промышленности в инженерно-технических кадрах, государство обещает высокую зарплату инженерам, но её размеры определяются рентабельностью предприятий. Чтобы на заводах (а государству подконтрольна только «оборонка») зарплата инженеров была не менее 60 тыс. рублей, должен быть огромный госзаказ: для этого нужна тотальная модернизация экономики и армии в частности. Для развития социально-экономической сферы, необходимо создавать возможности выбора большего количества жизненных траекторий для населения, в том числе обучения и последующего трудоустройства по экономическим направлениям и специальностям, востребованным на рынке. Если сегодня значительно сократит набор в вузы на экономические направления, то через 4-5 лет, с учётом депопуляции населения, наступит экономическая катастрофа – рынку труда требуются экономисты всех профилей, и этот спрос будет только расти. Для проведения взвешенной политики в области трудовых отношений и профессионального образования нужны глубинные исследования рынка труда и его структуры.

Литература

1. Берчанская Л. Вымрем, как инженеры... // «Владивосток». 5 мая 2011 года. С. 5.
2. Вакансии от 10 октября 2012 года // Лист вакансий Краевого государственного казенного учреждения «Центр занятости населения г. Владивостока». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zanvlad.ru/vakalist.htm> [Дата обращения: 01.11.2012.].
3. Дефицитный инженер: Госзатраты на подготовку технарей вырастут с 78 до 112 тысяч рублей // Пресс-релиз Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 марта 2011 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/press/smi/8370/> [Дата обращения: 01.11.2012.].
4. Информация о ситуации на рынке труда Приморского края по состоянию на 10 октября 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://zanprim.regiontrud.ru/home/zan/statistics/runtrud.aspx> [Дата обращения: 01.11.2012.].
5. Российский статистический ежегодник. 2011: статистический сборник. М.: Росстат, 2011. 795 с.
6. Труд и занятость населения в Приморском крае: Статистический сборник. Владивосток: Приморскстат, 2011. 78 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berchanskaya L. Vymrem, kak inzhenery... // «Vladivostok». 5 maya 2011 goda. S. 5.
2. Vakansii ot 10 oktyabrya 2012 goda // List vakansij Kraevogo gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdeniya «TSentr zanyatosti naseleniya g. Vladivostoka». [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.zanvlad.ru/vakalist.htm>

3. Defitsitnyj inzhener: Goszatraty na podgotovku tekhnarej vyrastut s 78 do 112 tysyach rublej // Press-reliz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii ot 30 marta 2011 goda. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://mon.gov.ru/press/smi/8370/>

4. Informatsiya o situatsii na rynke truda Primorskogo kraja po sostoyaniyu na 10 oktyabrya 2012 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://zanprim.regiontrud.ru/home/zan/statistics/runtrud.aspx>

5. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2011: statisticheskij sbornik. Rosstat. M.: 2011. 795 s.

6. Trud i zanyatost' naseleniya v Primorskom krae: Statisticheskij sbornik. Vladivostok: Primorskstat, 2011. 78 s.

УДК 341.222

Киреев А.А.
Kireev A.A.

К вопросу о типологии азиатских границ России (I часть)

On the typology of Asian boundaries of Russia (I part)

Статья посвящена концептуальным и методологическим проблемам исторической типологизации особенностей азиатской границы России и её отдельных участков. В первой части статьи автор критически анализирует основные направления современных отечественных исследований границ России в Азии и предлагает свою типологическую схему для описания развития последних.

Ключевые слова: *Азиатская Россия, азиатские границы, исследования границ, лимитроф, линейная граница, типология, фронтир, широкая граница*

The article is devoted to conceptual and methodological problems of historical typologization of the features of Asian boundaries of Russia and its sections. In the first part of the article the author critically analyzes the main directions of current domestic studies of the boundaries of Russia in Asia and offers own typological scheme for the description of the development of these boundaries.

Key words: *Asian Russia, Asian boundaries, border studies, limitrof, linear border, typology, frontier, broad border*

В современную эпоху, когда внешние контакты обществ по своей интенсивности быстро приближаются к их внутренним отношениям, а в некоторых случаях и превосходят их, всё более очевидным становится тот факт, что государственные границы принадлежат к числу важнейших общественных ресурсов. Осознание того, что границы могут быть для общества не только тяжким бременем и источником тревоги, но и мощным средством развития, имеет особую значимость для России. Обладая периметром государственной границы протяжённостью свыше 61 тыс. км., Россия является величайшей пограничной державой мира.

Конечно, само по себе данное обстоятельство ещё не может служить основанием для каких-либо преувеличенных ожиданий. Использование такого ресурса как граница – это деятельность, связанная с куда большими вложениями и рисками, чем эксплуатация месторождений углеводородов и других природных богатств российских земель. И, пожалуй, самым серьёзным препятствием к его использованию является необходимость предварительных значительных инвестиций того, что можно было бы назвать интеллектуальным капиталом. Ведь государственная граница – это общественно-природный объект высокой системной сложности и большого типологического разнообразия. Условием

эффективного, продуктивного управления подобным объектом является его комплексное научное изучение и решение целого ряда теоретических проблем.

Сама протяжённость российского пограничного периметра достаточно ясно указывает на ту научную и практическую актуальность, которую имеет проблема его внутренней неоднородности. Различные формы ландшафтно-климатической, экономической, социально-демографической, культурной, религиозной и политико-административной дифференциации территории России и сопредельных с ней стран дают множество критериев для аналитического деления, сегментации этого периметра. Однако в этой многослойной мозаике российской границы присутствует исторический субстрат, заслуживающий, на мой взгляд, приоритетного исследования. Роль такого субстрата выполняет фундаментальное деление границы России на европейский и азиатский сегменты.

Исключительная глубина и устойчивость дифференциации российской сухопутной границы на европейскую и азиатскую части, местом встречи которых с конца I тыс. н.э. служило Северное Причерноморье (а точнее, западные пределы северо-причерноморских степей), а с XVIII в. – восточное побережье Чёрного моря¹, имеют под собой комплекс предпосылок, ещё требующих своего внимательного изучения.

Наиболее общими и очевидными² из этих предпосылок являются различия природной и социетальной среды формирования европейских и азиатских границ. Сравнительно мягкий климат, отсутствие резко выраженных естественных (орографических) барьеров, лесные ландшафты на западном краю российских земель создавали в целом более благоприятные условия для колонизации, всех видов сообщений и, в конечном счёте, лимогенеза, нежели те, что были на их азиатской окраине, где действие сурового континентального климата усугублялось огромными расстояниями, сложной структурой рельефа с труднопроходимыми горными массивами и, вместе с тем, наличием лишённых какой-либо природной защиты обширных степных пространств. Не меньшая контрастность была присуща европейскому и азиатскому порубежьям России с точки зрения этнокультурного облика, уровней и форм социально-экономического и политического развития прилегающих к ним обществ. Если на европейских рубежах Россия соприкасалась с культурно и отчасти этнически близким и относительно однородным христианским миром, страны которого в целом опережали её в историческом развитии, то на азиатских границах картина была значительно более пёстрой. Здесь непосредственными соседями Руси/России первоначально являлись разнообразные и значительно более далёкие в расовом и культурном отношении от её великорусского ядра этнические общности тундры, лесной и степной полосы Северной Евразии, в большинстве своём безгосударственные и бесклассовые³, а позднее – государства древних буддо-конфуцианской и мусульманской цивилизаций, социально-экономическая и политическая организация которых, однако, к моменту

¹ Таким образом, значения терминов «европейский» и «азиатский» в рамках данной статьи несколько отличаются от их определений в физической географии. Территориальное расширение автором азиатского сегмента границ Руси/России связано с отнесением районов, населённых кочевниками восточно-европейской степи и горскими народами Северного Кавказа, к «Азии» по культурно-историческим причинам.

² К сожалению, эта очевидность сохраняется лишь при первом, панорамном, взгляде на изучаемый объект.

³ Наиболее развитые политические образования этого региона – прежде всего, Золотая Орда и её наследники – как правило, балансировали на грани суперсложного вожества и государства.

территориального сближения с Россией едва ли в чём-либо превосходили российские.

Специфика основных природных и общественных условий месторазвития европейских и азиатских границ России не могла не оказать значительного влияния на темпы, направленность и результаты их генезиса. Не столь очевидным, но, судя по всему, не менее сильным дифференцирующим фактором для свойств двух главных сегментов российского пограничного периметра на протяжении длительного времени являлась и государственная политика. Геополитическая двуликость российского государства, в своих отношениях с Западом и Востоком не только преследовавшего различные цели, но и прибегавшего к разным дискурсам, стала реальностью задолго до петровской эпохи. При этом, в данном случае под разными дискурсами понимаются не только особенности символического, церемониально-дипломатического языка, но и одновременная укоренённость российской власти в двух глубоко своеобразных формах мировосприятия. Это западно-восточное раздвоение культурно-психологических оснований и символических, нормативных и институциональных средств внешней, региональной и, практически не отделявшейся от них в то время, пограничной политики России может быть достаточно чётко прослежено вплоть до середины XIX в.

В настоящей работе я постараюсь охарактеризовать воздействие названных предпосылок на генезис европейских и азиатских границ России, а также выявить содержание сложившихся в ходе этого процесса их важнейших типологических особенностей. При этом основное внимание будет уделено раскрытию специфики азиатских границ страны, тогда как особенности европейских рубежей будут затрагиваться лишь в качестве сравнительного материала. Это связано не только с относительно лучшей изученностью европейских границ, обусловленной, прежде всего, общей, не преодоленной до сегодняшнего дня географической асимметрией социогуманитарных исследований в России. Существенно и то, что исследователи этого сегмента российских границ имеют возможность, и во многих случаях необходимые основания, для того, чтобы опереться на опыт и концептуальные построения зарубежной и, в первую очередь, европейской, лимнологии. Что же касается азиатской части пограничного периметра России, то пространственная и временная плотность его научного изучения пока остаётся разительно меньшей, а обоснованность применения в нём различных теоретических заимствований (как я далее намериваюсь показать) – весьма проблематичной.

Несмотря на пока сравнительно небольшой общий объём, массив отечественной научной литературы, посвящённой вопросам формирования и развития азиатских границ России, демонстрирует (со второй половины 90-х гг. XX в.) высокие темпы роста и состоит на сегодня не только из описательных, но и из обобщающих, концептуальных и даже методологических работ. Хотя теория и, в т.ч. типология, российских границ в Азии в настоящее время только начинают своё становление, уже беглый обзор позволяет констатировать существование в этой области двух в разной мере оформившихся направлений, маркерами которых выступают такие ёмкие категории как «фронтир» и «лимитроф».

Лидирующим из этих направлений, с точки зрения, как числа приверженцев, так и длительности и степени развития, безусловно, является концепция «фронтира». По мнению В.Н. Чернавской, впервые в современной историографии Азиатской России понятие «фронтир» было использовано в 1989 г. в научном докладе Е.В. Алексеевой, посвящённом колониционному движению на восток и освоению Русской Америки во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. [20, с. 6]. Вместе с тем, на американском эмпирическом материале «фронтирная» концепция

анализировалась в отечественной науке ещё в советский период [3], а прямые параллели в характере процессов территориального роста российского и американского обществ проводились в работах отечественных исследователей, в частности Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, уже во второй половине XIX в. [1, с. 429-432].

Тем не менее, заслуга создания и первоначальной разработки «фронтирной» концепции принадлежит американским, и, шире, англоязычным, исследователям. Основоположителем данной концепции и возникшего под её влиянием с конца XIX в. научного направления является американский историк Ф.Дж. Тернер, определявший «фронт» как границу между освоенными и неосвоенными территориями [25]. Следует подчеркнуть, что помимо подвижности, важнейшей чертой границы этого типа для Тернера был её общественный, вольно-переселенческий характер: исходя из тернеровского подхода, американское государство являлось скорее продуктом «фронтира», нежели его создателем [1, с. 213-214].

На протяжении всего XX в. популярность «фронтирной» концепции, несмотря на её острую критику в США, во всём мире неуклонно возрастала. Свои «фронтиры» были обнаружены в различных регионах планеты – от Канады до Южной Америки и Австралии [21; 22; 24]. В то же время, параллельно с расширением научного и внеучного употребления данного понятия в тернеровском значении, оно приобретало и иные, дополнительные смыслы. Уже в первой половине XX в. «фронтиром» начинают именовать любую зональную границу, не только общественную, но и государственную, если последняя отличалась от «линейной» границы современного национального государства (например, границу империи)¹. Возможно, что такая трактовка «фронтира» восходит к изданной в 1916 г. работе английского геополитика Т.Х. Холдича, в которой проводилось концептуальное различие между пограничной полосой (*frontier*) и пограничной линией (*boundary*) [12, с. 119].

Подобный же процесс расширения объёма понятия «фронт» в настоящее время характерен и для исследований азиатских границ России. В рамках их изучения «фронтирная» концепция всё более воспринимается как некое универсальное средство, пригодное для описания и анализа всех направлений и участков российской экспансии XVI – XX вв. на Восток – от Кавказа до Аляски². К этой концепции или, по крайней мере, к её центральному понятию считают необходимым прибегать авторы исследований по проблемам и вольно-народной, и правительственной колонизации, а также по вопросам внешней политики и военных захватов Российской империи в Азии [5; 6; 14; 17]. Более того, в некоторых отечественных работах понятие «фронт» приобретает футурологический оттенок и применяется к рубежам, пролегающим в киберпространстве и даже в космосе [15, с. 100].

В отличие от понятия «фронт», категория «лимитроф» встречается в работах исследователей азиатских границ России заметно реже. Если «фронтирная» концепция сегодня взята на вооружение представителями уже довольно широкого круга социогуманитарных наук, то «лимитрофная» – связана в основном с такими дисциплинами как политология, геополитика и теория международных отношений.

¹ В таком широком значении понятие «фронт» использовалось, в частности, в работах О. Латтимора. Например: [23].

² Как откровенно утверждает в связи с этим один из отечественных авторов – «Фронтиры можно найти повсюду» [15, с. 100].

Хотя в международно-политической практике это понятие эпизодически употреблялось с XVIII в.¹ [11, с. 25], в научный оборот оно было введено относительно недавно – в 90-е гг. XX в. – благодаря усилиям российских учёных С.В. Хатунцева и В.Л. Цымбурского. Отвлекаясь от некоторых разногласий, можно сказать, что в целом оба эти автора трактовали «лимитроф» как протянувшуюся через Евразию широкую зону (полосу) межцивилизационного пограничья [18; 19].

Следует отметить, что явления подобного же рода зачастую рассматриваются в различных социогуманитарных исследованиях (в т.ч. посвящённых Азиатской России) под другими терминами (например, «буферная территория» или «контактная зона») [2; 4; 7; 11]. Это указывает на значительный познавательный потенциал «лимитрофной» концепции, существующие возможности для её много- и междисциплинарного развития, проведения сравнительных исследований и построения масштабных теоретических обобщений.

Вместе с тем, серьёзным препятствием к реализации потенциала этой концепции является наблюдающаяся тенденция к метафоризации понятия «лимитроф», к его превращению в многозначный, содержательно перенасыщенный символ. В разных исследованиях и даже одновременно в одной и той же работе «лимитроф» выступает в качестве то рубежа, то вполне самодовлеющего пространства (региона (регионов) или страны (стран)), представляется как межцивилизационная и как межгосударственная территория, ассоциируется и с внешним окружением государства и с его внутренними периферийными районами² [7, с. 106-107, 111; 13, с. 5; 16, с. 15-20].

Такая семантическая многогранность категории «лимитроф» свидетельствует о том, что сегодня за ней скрывается целый комплекс более или менее тесно сопряжённых (а порою просто случайно связанных) явлений. Дальнейшее продуктивное изучение этих явлений настоятельно требует разделения данной категории на ряд более точно и узко дефинированных понятий.

С точки зрения целей данного исследования особый интерес представляет вопрос о соотношении понятий «лимитроф» и «фронтир». В научной литературе, рассматривающей особенности азиатских границ России, эти понятия (если учитывать упоминавшийся выше термин-заместитель «лимитрофа» – «буферная (барьерная) территория») в некоторых случаях употребляются совместно и взаимодополнительно [8, с. 14-17; 10, с. 10-14; 16, с. 13-20]. В этих работах азиатская граница России описывается как носительница одновременно «фронтирных» и «лимитрофных» черт. Более того, поскольку многие из таких черт содержательно совпадают (зональность, подвижность, стихийность), то понятия «фронттира» и «лимитрофа» оказываются почти синонимами, практически сливаются друг с другом.

Таким образом, для современных исследований азиатских границ России характерны размытость и логическая несоотнесённость понятий, претендующих на выражение сущностной специфики изучаемого объекта. При этом, практика их нынешнего использования исследователями говорит о том, что азиатскому сегменту российских границ свойственны не только общие особенности, но и значимая внутренняя неоднородность, которая, однако, до сих пор не нашла воплощения в какой-либо чёткой типологической схеме. С отсутствием подобной достаточно определённо сформулированной типологии тесно связана и вторая актуальная про-

¹ Так, по окончании первой мировой войны оно применялось к новым государствам, возникшим на западной окраине бывшей Российской империи.

² В последнем значении «лимитроф» близко соответствует такому лимнологическому понятию как «приграничье» (или «borderlands»).

блема – неясность пределов географической и хронологической применимости понятий «фронтир», «лимитроф» и других категорий лимнологического анализа, а значит и невозможность последовательного описания процессов исторического генезиса границ России в Азии.

Построение типологии азиатских границ России, прежде всего, требует уточнения определений понятий, которые должны стать её главными составляющими. Место исторически и логически исходного элемента в этой типологии, с моей точки зрения, принадлежит понятию «фронтир». Определяя место «фронтира» таким образом, я отталкиваюсь от первоначального, тернеровского, его понимания, как негосударственной (в т.ч. догосударственной), общественной границы, текущего результата стихийного, вольно-народного колонизационного процесса. Из общественной природы «фронтира» вытекают такие его признаки как высокая, перманентная (объективная и субъективно полагаемая) подвижность, связанная со стихийностью формирования границы; зональная территориальная форма, отражающая неравномерность, мозаичность заселения и освоения новых земель; нерегулируемость, отсутствие или номинальность государственного контроля над границей и трансграничными контактами.

Как уже отмечалось, в западных, а под их влиянием и в отечественных, исследованиях, «фронтир» часто противопоставляется границе линейного типа. Действительно, если охарактеризовать «линейную» границу по тем же параметрам, которые были использованы выше в описании «фронтира», то можно увидеть, что эти типы рубежей во многом противоположны. «Линейным» границам свойственны выражаемая в идеале их «нерушимости» и закрепляемая международно- и национально-правовыми нормами высокая стабильность; точно (линейно) зафиксированные в результате делимитации и демаркации географические координаты; основанная на системе развитых институционально-правовых механизмов (погранохранных, таможенных, миграционных и иных) комплексная регуляция трансграничных потоков. Высокий уровень организации границы линейного типа соответствует структурной сложности исторически наиболее развитой формы государства (социальной системы) – государства-нации, органической частью которого эта граница является.

Имея под собой достаточно прочные основания, типологическая дихотомия «фронтирной» и «линейной» границы сама по себе, однако, слишком упрощает описываемый ею процесс исторического развития границ. Исходя из того, что главным вектором этого развития является прогрессирующее огосударствление границы, историческая типология границ не может не учитывать факта существования форм государственной организации, отличных от современного государства-нации. Эти, в целом более примитивные с точки зрения своей структуры, государства часто принято объединять под именем «доиндустриальных»¹. Внешние рубежи подобных «доиндустриальных» государств обладают существенными особенностями, которые, по мнению автора, можно обобщить в понятии «широкая» граница. К основным признакам «широкой» границы я отношу периодическую подвижность, связанную с волнообразным, пульсирующим характером государственной экспансии и представлением о временности каждого из достигнутых в ходе неё рубежей; зональную форму, обусловленную неделимитированностью (в т.ч. вполне сознательной) пределов государственного суверенитета, его градуированной

¹ В действительности под этим довольно неточным термином скрывается множество очень разных политических образований – от близких к вождествам «зачаточных» ранних государств до рабовладельческих и феодальных (и даже более поздних) империй. См.: [9, с. 195-210].

(в виде концентрически расходящихся от центра сфер фактической и символической власти) природой¹; военно-политическую регуляцию трансграничных потоков, при низкой актуальности иных регулятивных задач и неразвитости соответствующих механизмов государственного контроля.

Как можно видеть из этого схематического описания, «широкая» граница особым образом соединяет в себе, синтезирует характеристики «фронттира» и «линейной» границы, занимая тем самым промежуточную, переходную позицию в задаваемой ими исторической типологии. Здесь необходимо подчеркнуть, что предлагаемая схема рассматривается автором именно как типология, а не как стадияльная теория развития. Выделенные типы расположены в исторической последовательности их появления и порядке возрастания сложности их организации (производной от сложности формирующих их социальных систем). Однако это не означает, что указанные типы должны в той же последовательности, с необходимостью и необратимостью, присутствовать в развитии каждой конкретной границы. Напротив, в истории отдельного территориального рубежа черты «фронттира», «широкой» и «линейной» границы могут сменяться как в прямом, так и обратном порядке, и в различной последовательности. Более того, разные участки границы одного и того же государства (общества) или его региона в одно и то же время могут иметь различную типологическую сущность.

Что же касается категории «лимитроф», то, на мой взгляд, она не может быть непосредственно включена в представленную типологию. Понятие «лимитрофа» скорее относится не к границам в собственном смысле слова, но к явлениям более высокого географического ранга – пространствам, а точнее – к промежуточным социальным пространствам, разделяющим более крупные и плотнее структурированные. «Лимитроф» выступает месторазвитием некоторого общества или ряда обществ, и в силу этого является не только объектом, но и субъектом пространственных отношений. Подвергаясь мощному воздействию смежных более развитых социальных систем, «лимитроф», в отличие от границы, не является их органической частью. Он формируется не только извне, но и изнутри, под действием своих собственных закономерностей и принимаемых его представителями решений. Условиями существования «лимитрофа» являются, во-первых, наличие пронизанных «гравитационными полями» соседствующих социальных систем (обществ и государств), но не поглощённых ими «ничейных земель», а, во-вторых, низкая степень огосударствления границ этих систем, и, как следствие, их высокая проницаемость, слабо регулируемая контактностью.

Подобные условия характерны для эпохи «доиндустриальных» обществ и государств с границами «фронттирного» и «широкого» типов. Именно эта эпоха и является временем расцвета между- и трансграничных пространств, которые можно отнести к категории «лимитрофов». Формирование же современных государств-наций, сопровождающееся разделом «ничейных земель» и укреплением государственного контроля над границами, ведёт к разрушению аутентичных «лимитрофов», остатки которых сохраняются в некоторых случаях лишь в виде удерживающих определённую специфику в структуре национальных пространств «приграничий» («borderlands»).

Окончание следует

¹ В эпоху, предшествовавшую появлению государств-наций, как в европейских, так и в азиатских странах, источниками государственного суверенитета являлись монархи (суверены). Такой персонифицированный характер суверенитета был тесно связан с его пространственной эластичностью и градуированностью.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. 600 с.
2. Арутюнова-Фиданян В.А. Армянско-византийская контактная зона (X – XI вв.). М.: Наука; Восточная литература, 1994. 236 с.
3. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США: (Критический анализ концепции Ф. Тернера) // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57-74.
4. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: «Муравей», 2004. 600 с.
5. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Тюменский фронт (методологические заметки) // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 4. С. 187-192.
6. Дубман Э.Л. Некоторые особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник СамГУ. 2009. № 7. С. 6-11.
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
8. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 12-21.
9. Классен Х.Дж.М. Теория раннего государства сегодня // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 190-218.
10. Лысенко А.В. Концептуальные основания изучения культурных ландшафтов Северного Кавказа в контексте феномена пограничности // Вопросы современной науки и практики / Университет им. В. И. Вернадского. 2009. № 1. С. 8-16.
11. Маргарян Е.Г. На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приевфратской контактной погранзоны // Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 10–11 марта 2012 года. Пенза – Ереван – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 5-33.
12. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
13. Пикулин А.Ю. Лимитрофы как межцивилизационные пространства // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 3-7.
14. Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 4. С. 191-203.
15. Приходько Н.Н. Фронтальная теория в геополитике на востоке России // Вестник ТГУ. 2007. № 298. С. 98-102.
16. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX-начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
17. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. На фронтах империи // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 16-36.
18. Хатунцев С.В. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Ч.1. Воронеж, 1994.
19. Цымбурский В.Л. Земля за великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Бизнес и политика. 1995. № 9. С. 50-62.
20. Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.
21. Eccles W.J. The Canadian Frontier. N.Y., 1969.
22. Hennessy A. The Frontier in Latin American History. L., 1978.

23. Lattimore O. Studies in frontier history. Collected papers. 1928 – 1958. L.: Oxford University Press, 1962.
24. Perry T.M. Australian's First Frontier. L., 1963.
25. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // The Annual Report of the American Historical Association. 1893. P. 199-227.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoj i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI – XX vv./ V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. M., 2004. 600 s.
2. Arutyunova-Fidanyan V.A. Armyansko-vizantijskaya kontaktnaya zona (X – XI vv.). M.: Nauka; Vostochnaya literatura, 1994. 236 s.
3. Bolkhovitinov N.N. O roli «podvizhnoj granitsy» v istorii SSHA: (Kriticheskij analiz kontseptsii F. Ternera) // Voprosy istorii. 1962. № 9. S. 57-74.
4. Voskresenskij A.D. Kitaj i Rossiya v Evrazii: Istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyanij. M.: «Muravej», 2004. 600 s.
5. Ganopol'skij M.G., Litenkova S.P. Tyumenskij frontir (metodologicheskie zametki) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4. S. 187-192.
6. Dubman E.H.L. Nekotorye osobennosti osvoeniya yugo-vostoka Evropejskoj Rossii v kontse XVI – nachale XVIII v. // Vestnik SamGU. 2009. № 7. S. 6-11.
7. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov. SPb.: Aletejya, 2003. 331 s.
8. Zamyatin D.N. Fenomenologiya geograficheskikh obrazov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 8. S. 12-21.
9. Klassen K.H. Dzh.M. Teoriya rannego gosudarstva segodnya // Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshhestv: materialy mezhdunarodnoj konferentsii /otv. red. N.N. Kradin. Vladivostok: Izd. dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 190-218.
10. Lysenko A.V. Kontseptual'nye osnovaniya izucheniya kul'turnykh landshaftov Severnogo Kavkaza v kontekste fenomena pogrannichnosti // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki / Universitet im. V. I. Vernadskogo. 2009. № 1. S. 8-16.
11. Margaryan E.G. Na styke rimskogo i vostochnoevrazijskogo tsivilizatsionnykh «nomosov». Iz istorii prievfratskoj kontaktnoj pogranizny // Aktual'nye problemy sovremennykh politiko-psikhologicheskikh fenomenov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii 10–11 marta 2012 goda. Penza – Erevan – Kolin: Nauchno-izdatel'skij tsentr «Sotsiosfera», 2012. S. 5-33.
12. Osnovy regionovedeniya. / Pod red. I.N. Barygina. M.: Gardariki, 2007. 399 s.
13. Pikulin A.YU. Limitrofy kak mezhtsivilizatsionnye prostranstva // Regional'nye issledovaniya. 2008. № 2. S. 3-7.
14. Poberezhnikov I.V. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya // Izvestiya UrGU. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2011. № 4. S. 191-203.
15. Prikhod'ko N.N. Frontirnaya teoriya v geopolitike na vostoке Rossii // Vestnik TGU. 2007. № 298. S. 98-102.
16. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX-nachala KHKH vekov. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. 552 s.
17. Remnev A.V., Suvorova N.G. Na frontirakh imperii // Tartaria Magna. 2011. № 1. S. 16-36.
18. KHatuntsev S.V. Novyj vzglyad na razvitie tsivilizatsij i taksonomiyu kul'turno-istoricheskikh obshhnostej // TSivilizatsionnyj podkhod k istorii: problemy i perspektivy razvitiya. CH.1. Voronezh, 1994.

19. TSymburskij V.L. Zemlya za velikim Limitrofom: ot «Rossii-Evrazii» k «Rossii v Evrazii» // *Biznes i politika*. 1995. № 9. S. 50-62.
20. CHernavskaya V.N. «Vostochnyj frontir» Rossii XVII – nachala XVIII veka. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 176 s.
21. Eccles W.J. *The Canadian Frontier*. N.Y., 1969.
22. Hennessy A. *The Frontier in Latin American History*. L., 1978.
23. Lattimore O. *Studies in frontier history. Collected papers. 1928 – 1958*. L.: Oxford University Press, 1962.
24. Perry T.M. *Australian's First Frontier*. L., 1963.
25. Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History* // *The Annual Report of the American Historical Association*. 1893. P. 199-227.

УДК 314 (571.54)

*Бадмаева Л.В., Баикуева Е.Ю.
Badmaeva L.V., Bashkueva E.Yu.*

Отношение принимающей среды региона-реципиента к иностранным трудовым мигрантам как показатель толерантности социума в Республике Бурятия

The relation of the accepting environment of the region-recipient to foreign labor migrants as an indicator of tolerance of society in the Republic of Buryatia

Рассматривается отношение принимающей среды региона-реципиента к иностранным трудовым мигрантам. Анализируется природа ксенофобий в российских реалиях, в частности, в условиях полиэтничного региона (Республики Бурятия). Выявлены признаки социально-демографического профиля респондентов, определяющие толерантность либо интолерантность принимающей среды. Выявлено отношение опрошенного населения к браку с иностранными гражданами.

Ключевые слова: *иностранцы, трудовые мигранты, принимающая среда, толерантность, ксенофобия, интолерантность*

We considered the relation of the accepting environment of the region – recipient to the foreign labor migrants. The nature of xenophobias in the Russian realities, in particular, in the conditions of the multi-ethnic region (Republic of Buryatia) is analyzed. The signs of a social and demographic profile of the respondents, defining tolerance or intolerance of the accepting environment are revealed. The relation of the respondent of the population to marriage with foreign citizens is revealed.

Key words: *the foreign labor migrants, the accepting environment, tolerance, xenophobia, intolerance*

Одной из актуальных проблем современного российского общества является рост ксенофобии, интолерантности и межнациональных конфликтов, который существенно усилился в связи с притоком в РФ большого количества трудовых мигрантов как из стран ближнего, так и дальнего зарубежья. В связи с этим, анализ факторов конфликтогенности внешней миграции, которые выражаются в ксенофобных настроениях и невысоком уровне толерантности принимающей среды, является одной из ключевых задач современных исследований в области социологии миграции.

В настоящее время Республика Бурятия как приграничный регион Байкальской Азии, наряду с Забайкальским краем и Иркутской областью, стал одним из крупных регионов-реципиентов, принимающих иностранных мигрантов. Бурятия, как развивающийся национальный субъект

БАДМАЕВА Людмила Владимировна, к.соц.н., старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ)

БАШКУЕВА Елена Юрьевна, к.и.н., младший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ)

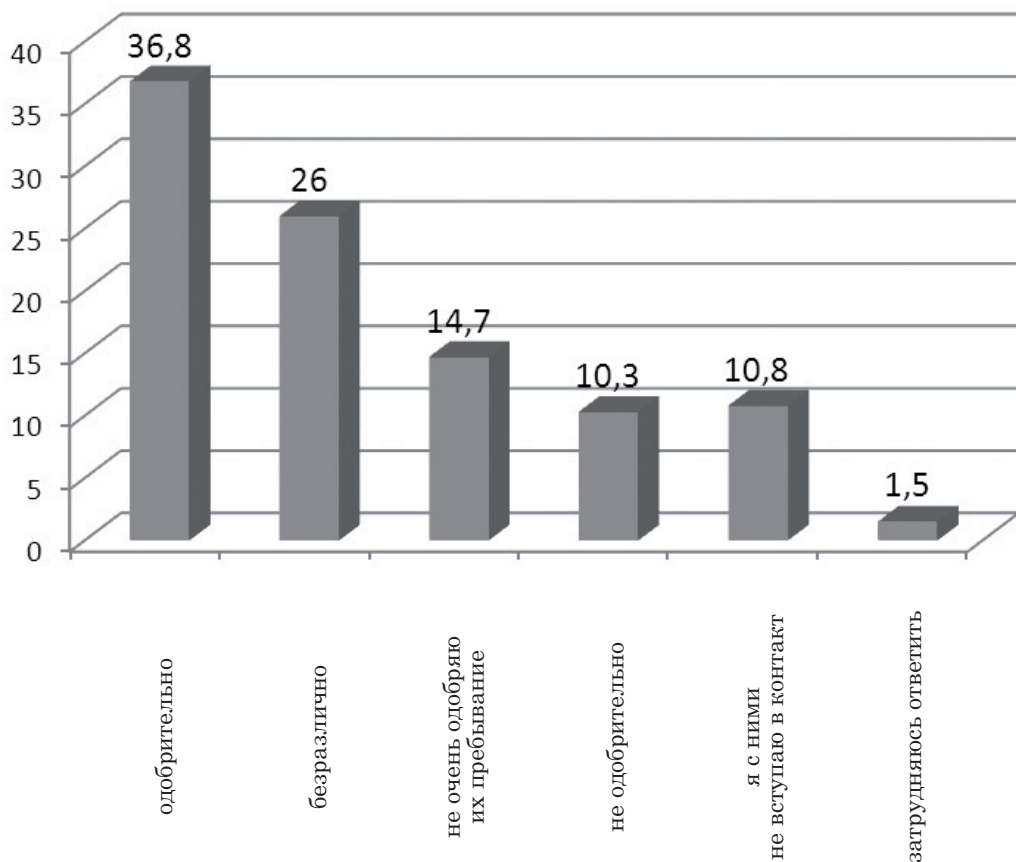

Рис. 1. Отношение населения принимающего региона к внешним мигрантам (на примере г. Улан-Удэ, 2012 г.) (в%)

ект федерации, нуждается в привлечении иностранной рабочей силы на рынок труда региона. Приоритетными для республики выглядят как традиционные отрасли аграрного сектора, например, животноводство, овощеводство, так и другие. Интенсивное развитие строительства в РБ за последние годы и включение региона в туристический кластер – путём создания ОЭЗ «Байкальская гавань», обусловили приток иностранной рабочей силы в республику за последние годы. Бурятия выглядит в глазах трудовых мигрантов как относительно спокойный и привлекательный регион для расселения и осуществления трудовой деятельности, см. например, [1]. Вместе с тем, присутствие в регионе внешних трудовых мигрантов, возрастающая конкуренция на рынках труда в связи с их пребыванием в РБ, создают определённое напряжение среди местного населения.

Прежде чем перейти к анализу отношения принимающей среды Республики Бурятия к иностранным мигрантам, следует детально разобраться с современными трактовками понятия «ксенофобия» и «толерантность», ввиду того, что это достаточно новые понятия, к примеру, практически не употреблявшиеся во времена существования СССР и господства социалистической идеологии. На наш взгляд, весьма убедительно выглядит трактовка термина «ксенофобия» в понимании российского социолога Л. Гудкова. Размышляя о природе этого понятия, он пишет: «Ксенофобия – «нормальная» реакция модернизирующегося общества

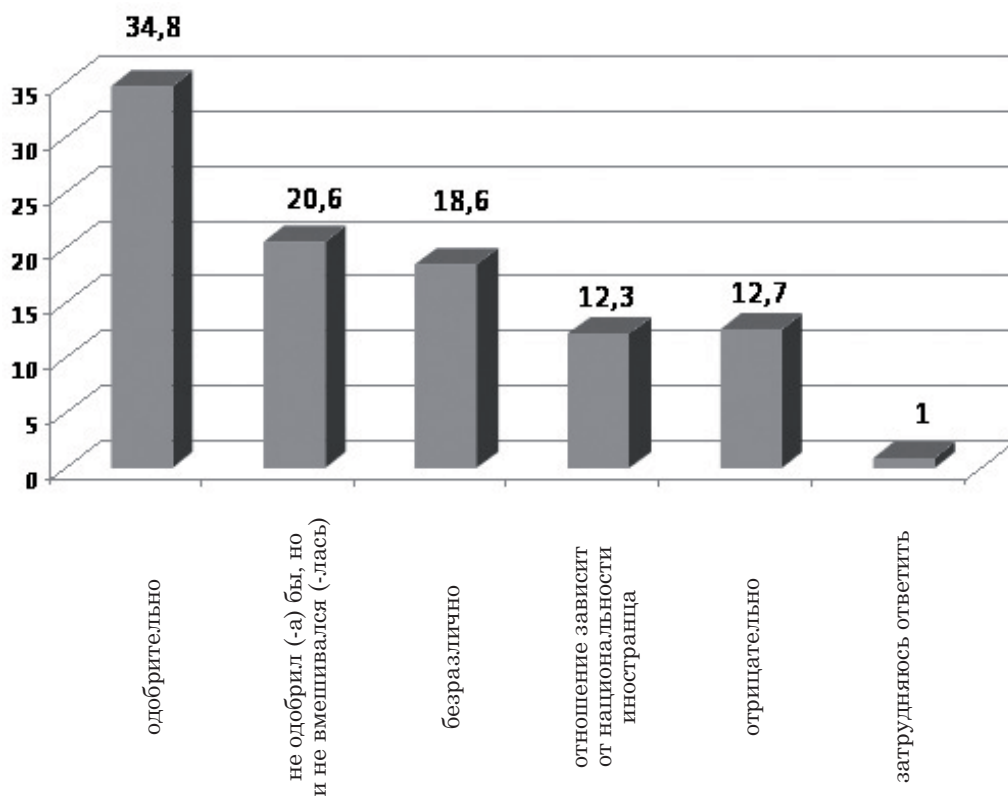

Рис. 2. Отношение населения принимающего региона к бракам с иностранцами (на примере населения г. Улан-Удэ, 2012 г.) (в%)

на ослабление прежних территориально-этнических, социальных и профессиональных барьеров, ломку аскриптивных границ и социальных дистанций, интенсивные процессы социальной мобильности, перемещения населения, усиления социальной и культурной дифференциации общества. Природа этнических фобий или неприязни к мигрантам представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов...» [2; с. 60]. Анализируя фобии как механизм коллективной интеграции, Л.Гудков делает акцент на том, что «ксенофобия вызвана дефицитом социальных гратификаций и представляет собой набор реакций закрытого и неуверенного в себе общества или его отдельных групп и слоёв, не имеющих надежд или благоприятных перспектив на улучшение своего положения...» [2; с. 60].

Что касается понятия «толерантность», то существуют как официальные, декларативные определения этого понятия, так и более либеральные трактовки, сформулированные учёными-обществоведами. Например, в соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется следующим образом: «Ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, поли-

тическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [3]. Российский же этносоциолог Л.М. Дробижева трактует толерантность как «ценность воздержания от употребления своей силы во вред принципиально неприемлемому отклонению», тем самым подчёркивая мирный, добрососедский характер этого понятия [4; с. 16].

Информационной базой для написания статьи послужили материалы опроса экспертов, проведённого авторами в 2011 г. (г. Улан-Удэ, N=42), а также анкетного опроса населения г. Улан-Удэ (2012 г.) (N=204). Экспертами выступили руководители, специалисты ведомств, осуществляющих учёт, контроль и надзор за мигрантами, государственных структур, взаимодействующих с мигрантами, а также руководители национально-культурных центров и представители диаспор. Анкетный опрос населения г. Улан-Удэ проводился в крупных торговых центрах города рыночного типа («Народный», «Тумэр Морин», «Туяа», «Сагаан-Морин», товарная площадь на ул. Борсоева и т.д.). В ходе экспертного опроса респонденты дали оценку отношению к иностранным гражданам различных групп, осуществляющих взаимодействие с мигрантами. Выявлено, что в целом отношение к мигрантам представителей властных органов оценивается участниками опроса как «нейтральное» (42,5%). «Нейтрально» относятся к рассматриваемой категории и представители сферы обслуживания (в магазинах, столовых, кафе, ресторанах и т.д.) – (42,5%). Отношение органов правопорядка характеризуется большинством экспертов как «не вполне доброжелательное» (55%). Установлено, что отношение работодателей к трудовым мигрантам, по мнению участников опроса, расценивается неоднозначно – двое из пяти респондентов охарактеризовали его как «не вполне доброжелательное», тогда как каждый третий оценивает отношение к иностранным мигрантам как «доброжелательное». Мнения экспертов разделились и по оценке отношения местного населения (на улице, в транспорте, в других местах общественного пребывания и т.п.) к внешним мигрантам – треть респондентов охарактеризовало его как «доброжелательное», четверть – как «нейтральное», ещё одна треть – как «не вполне доброжелательное». Следовательно, некоторая часть населения региона интолерантна к внешним мигрантам, по-видимому, чувствуя конкуренцию с их стороны, прежде всего, на рынках труда. Оценочные суждения экспертов относительно уровня толерантности принимающего общества Республики Бурятия вполне схожи (сопоставимы) с результатами анализа материалов анкетного опроса, которые показали степень толерантности принимающей среды по отношению к внешним мигрантам, настрой жителей г. Улан-Удэ к иностранным гражданам и т.д. Выявлено, что средний улан-удэнец демонстрирует не столь высокий уровень толерантности по отношению к иностранным гражданам (см. рис. 1).

Так, по материалам (рис. 1), установлено, что сравнительно высокий уровень толерантности по отношению к иностранным гражданам показали свыше трети улан-удэнцев (36,8%), проявил безразличие к их пребыванию в нашем городе каждый четвёртый респондент (26%), каждый десятый ответил, что не вступает в контакт с ними (своеобразный уход от ответа), но 25%, или же каждый четвёртый респондент по совокупности отрицательных ответов: (варианты «не очень одобряю их пребывание – 14,7%, не одобряю – 10,3%) показал высокий уровень этнической нетерпимости. Затруднились с ответом 1,5% (ничтожно малая доля респондентов).

Тем не менее, на фоне крупных мегаполисов (г. Москва и г. Санкт-

Петербург) и регионов страны с преимущественно однородным этносом, сравнительно невысокий уровень толерантности населения нашего города не выглядит столь уж проблематично. Аналогичные опросы общественного мнения, проведённые в других городах страны, дают ещё более негативные результаты (см., например, данные Аналитического центра Юрия Левады). По материалам вторичного анализа результатов исследований Левада-центра в стране фиксируется резкое возрастание общего диффузного недоброжелательства к приезжим пропорционально сокращению социальной дистанции «свой-чужой». В данном случае для среднего россиянина этническое неприятие «чужого» транслируется в «расовое», проецируясь порой в проявления агрессии и ксенофобных настроений. Так, например, по этим данным всего лишь 5% респондентов, попавших в выборку, одобрительно относятся к внешним мигрантам. Результаты наших замеров выглядят на этом фоне более оптимистично.

При этом, нельзя исключать и влияние на мнения населения populistских заявлений, декларируемых некоторыми средствами массовой информации Республики Бурятия. Так, например, на первой полосе газеты «Бурятия-7» (№ 214 от 18.11.2011 г.) опубликовано фото трудового мигранта – строителя из Средней Азии с анонсом статьи под заголовком «Таджикки содержат бурятских женщин», а на странице 13 этого же номера издания данная статья опубликована под заголовком «Кому в Бурятии жить хорошо». Думается, что такая двусмысленная лексика не только унижает достоинство местного населения, но и формирует негативное отношение к мигрантам в принимающем обществе [5; с. 13].

Своеобразным показателем толерантности населения принимающего региона служит отношение опрошенного населения к браку с приезжими мигрантами.

Выявлено, что свыше трети респондентов могут одобрить брак родственника, т.е. члена своей семьи с иностранцем (34,8%); откровенный негативизм же прозвучал в ответах каждого восьмого респондента (12,7%); почти такая же доля обследованных (12,3%) высказались, что их отношение к предполагаемому браку будет зависеть от национальности иностранца. Равнодушно безразличную, даже отстранённую позицию по отношению к предполагаемому брачным намерениям своих близких с иностранными гражданами занимает абсолютное большинство обследованных: 20,6% ответов «не одобрил бы, но и не вмешивался»; и 18,1% безразличных ответов, что в сумме составляет 38,7%. Представляется, что на фоне других регионов страны с наиболее высокой концентрацией мигрантов, срез общественного мнения по отношению к браку с иностранными гражданами, проведённый в столице Бурятии – г. Улан-Удэ свидетельствует о преобладании доли позитивных ответов (34,8%) над отрицательными (12,8%). Согласно ответам респондентов, наш регион выглядит всё же в глазах иностранных трудовых мигрантов, особенно из ближнего зарубежья, более привлекательно, см. [1].

Остановимся более подробно на природе мигрантофобии и интолерантности в российских реалиях, в частности, в условиях нашего региона. На наш взгляд, это своего рода защитная реакция определённых слоёв населения на реальные или выдуманые (воображаемые) угрозы, проявляющиеся в сложных жизненных ситуациях, так называемые «мифы». Такая реакция со стороны некоторых социальных групп населения региона-реципиента проявляется, как правило, в условиях ограничения ресурсов выживания, или же в случаях конфликтогенной среды обитания, например, при невозможности сохранения своих интересов. По материалам интервью с экспертами из числа трудовых мигрантов, установлено, что некоторые обследуемые признавались, что сталкивались со случаями неприятия их как конкурентов на местных рынках

труда, в частности на некоторых обследованных рынках. Реакцию отторжения от «чужих» в лице внешних трудовых мигрантов проявляют по материалам нашего обследования наименее защищённые слои населения: лица старших возрастных групп, люди с низким уровнем образования, низкодоходные группы населения и т.д.

В то же время, другие социально-демографические признаки обследованного населения не столь существенно влияют на уровень толерантности населения г. Улан-Удэ. Так, например, гендерная принадлежность мало влияет на величину показателя толерантности. Доля же интолерантного населения (кто не одобряет пребывание иностранных граждан в нашем городе): показатель подсчитан по сумме отрицательных ответов: это варианты ответов «не очень одобряю их пребывание» и «не одобряю» практически идентична по величине, как для мужчин, так и женщин. Интолерантное отношение к внешним трудовым мигрантам высказали 23,2% мужчин и 26,6% женщин, хотя доля мужчин, одобрительно относящихся к иностранным трудовым мигрантам и несколько выше, чем соответствующий показатель у женщин: 41,1% – 33% = 8,1%.

В процессе исследования нами были проанализированы и другие признаки социально – демографического профиля респондентов, которые могли так или иначе повлиять на величину показателя толерантности, в частности, уровень доходов респондентов, (см. табл. 1).

Выявлено, что в более высокодоходных группах населения толерантность жителей столицы РБ гораздо выше¹, см. 1 строку таблицы 1. Так, например, в группе самого высокодоходного слоя («можем приобрести всё, ни в чём себе не отказывая») вес показателя толерантного отношения – 57,1% почти в три раза превышает величину соответствующего показателя в группе самых бедных (денег не хватает даже на самое необходимое): 57,1%: 20,8% = 2,7 и почти в четыре раза соответственно превышает в следующей группе респондентов; доходов которых хватает только на питание: 57,1% : 14,3% ≈ 4. В нашем понимании, высокодоходные группы населения – это массив респондентов, одобряющих пребывание иностранных трудовых мигрантов в г. Улан-Удэ, в Республике Бурятия. По сумме отрицательных ответов наибольшие веса показателя интолерантного отношения фиксируются опять-таки в самых низкодоходных группах, о которых говорилось выше: 37,5% и 42,8% (по сумме отрицательных ответов в 3 и 4 строках таблицы 2 соответствующих столбцов, см. табл.2). Самый низкий же показатель интолерантного (недоброжелательного) отношения фиксируется в самом высокодоходном слое обследованных улан-удэнцев – 14,2% по сумме отрицательных ответов (7,1% + 7,1% = 14,2%, см. 3 и 4 строки табл. 1). Отметим, что к высокодоходным группам населения, согласно практикуемой в отечественных социологических кругах классификации, мы относим слой населения, который может приобрести «всё, ни в чём себе не отказывая» и тех, кто «может позволить себе купить автомобиль, недвижимость».

На наш взгляд, зафиксированные проявления агрессии, неприятия «чужих» по отношению к внешним трудовым мигрантам есть не что иное, как проявление неуверенности в завтрашнем дне, недоверия к структурам государственной власти, к социальным институтам и т.д. Представляется, что сегодня Республика Бурятия, как уже упоминалось ранее, относительно спокойный полиэтничный регион по сравнению с другими субъектами федерации. Тем не менее, нельзя отрицать и очевидное. Зафиксированное нами, по самооценкам респондентов, срез общественного мнения населения г. Улан-Удэ демонстрирует наличие в РБ определённого массива интолерантных граждан. В перспективе, при

¹ Толерантность населения региона-реципиента определялась посредством показателя «одобрительно отношусь к пребыванию иностранных трудовых мигрантов в РБ».

нарастании темпов миграционного прироста населения республики за счёт внешних трудовых мигрантов, это может вылиться в более заметные проявления агрессии и неприятия к «чужим» и привести к непредсказуемым геополитическим последствиям. На наш взгляд, назревшую проблему по предотвращению роста ксенофобии и интолерантности в принимающем обществе можно разрешить только консолидированными усилиями органов государственной власти, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций и научной общественности любого субъекта РФ, в том числе и РБ.

Литература

1. Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Иностранная рабочая сила в Республике Бурятия: мотивация приезда и правовые основы пребывания // Проблемы народонаселения Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Улан-Удэ, 14-17 июня 2012 г.) Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. С. 81-85.
2. Гудков Л. Смещённая агрессия: отношение россиян к мигрантам. // Вестник общественного мнения. 2005. № 6 (80). С. 61-77.
3. Декларация принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mepi.ru...directions...principov_tolerantnosti.doc [Дата обращения: 01.10.2012 г.].
4. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2003. 222 с.
5. Хабитуев Ф. «Кому в Бурятии жить хорошо». // Бурятия-7. 2011. 18 ноября. С. 13.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Badmaeva L.V., Bashkueva E.YU. Inostrannaya rabochaya sila v Respublike Buryatiya: motivatsiya priedza i pravovye osnovy prebyvaniya // Problemy narodonaseleniya Sibiri: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Ulan-Udeh, 14-17 iyunya 2012 g.) Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012. S. 81-85.
2. Gudkov L. Smeshhyonnaya agressiya: otnoshenie rossiyan k migrantam. // Vestnik obshhestvennogo mneniya. 2005. № 6 (80). S. 61-77.
3. Deklaratsiya printsipov tolerantnosti (YUNESKO, 1995 g.) [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.mepi.ru...directions...principov_tolerantnosti.doc [Data obrashheniya: 01.10.2012 g.].
4. Sotsiologiya mezhehtnicheskoy tolerantnosti / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN. 2003. 222 s.
5. KHabituev F. «Komu v Buryatii zhit' khorosho». // Buryatiya-7. 2011. 18 noyabrya. S. 13.

УДК 314.727

*Бреславский А.С.
Breslavskiy A.S.*

Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения

**Rural Migrants in the Post-Soviet Ulan-Ude:
expectations, strategies, practices of settling**

В фокусе внимания статьи – практики расселения сельских мигрантов (выходцев из сельской Бурятии) в постсоветском Улан-Удэ (столице республики). Исследование опирается на академические и административные материалы, статистические сведения, данные полевого исследования. В работе автор выделяет основные стратегии и зоны расселения сельских мигрантов в городе, анализирует их миграционные ожидания, а также барьеры, с которыми они сталкиваются.

Ключевые слова: *сельско-городская миграция, практики расселения, Улан-Удэ*

The article focuses on practices of settling of rural migrants (from rural settlements of Buryatia) in the post-soviet Ulan-Ude (capital of the republic). The research is based on academic and administrative materials, statistical data and field work. In the article the author identifies key strategies and areas of settling of rural migrants in the city, analyzes their migration expectations and barriers.

Key words: *rural-urban migration, practices of settling, Ulan-Ude*

Основной замысел настоящей статьи – определить, как и где в Улан-Удэ предпочитают (вынуждены) жить сельские мигранты, вслед за этим понять, сформировались ли за последние двадцать лет более или менее устойчивые направления их расселения в городе. Исследование было реализовано в 2009-2010 гг. и включало два этапа. Первый этап – анализ материалов академического и административного дискурсов, касающихся сельско-городской миграции в Бурятии. Второй этап – «полевой» – запись нарративных и фокусированных интервью с информантами (всего – 23 интервью) – лицами, переехавшими в Улан-Удэ из сельских районов Бурятии в период с 1989 по 2009 г.

Стоит отметить сразу, что проблематика «сельско-городской миграции в постсоветской Бурятии» при своей очевидной социальной и политической актуальности, не получила, на наш взгляд, достаточного внимания со стороны регионального научного сообщества. Количество

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, к.и.н., младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по теме «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков» в научно-образовательном центре Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

работ, посвящённых собственно миграции из села в город, сравнительно невелико [1; 2; 4; 5; 10; 11]. Общая характеристика миграционных процессов в постсоветской Бурятии также обозначена в сравнительно небольшом количестве работ [3; 6; 7], большая часть которых появилась уже в 2000-е гг.

Общее состояние миграционных процессов в Бурятии в период с 1991 по 2009 г. может быть определено как достаточно негативное. Уровень миграционной убыли в большинстве сельских районов превышает уровень прибытия, по имеющимся прогнозам данная ситуация существенно не изменится в три ближайших десятилетия [9]. Во внутривнутрирегиональном перемещении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных из сельских поселений в городские, особой притягательностью обладает столица республики – г. Улан-Удэ [2, с. 136; 3, с. 4]. В силу экономических барьеров значительная часть сельчан оседает на окраинах города и в пригороде [1]. Пригородом для Улан-Удэ (что отличает его, к примеру, от Иркутска) выступают исключительно сельские поселения, входящие в состав приграничных к столице сельских районов (в первую очередь Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского, Прибайкальского). Повседневная жизнь части из обозначенных сельских поселений за последние двадцать лет настолько оброслась с «городом», что это, пожалуй, даёт возможность назвать их частью Улан-Удэ. Одновременно, в период с 1990 г. по 2009 г. значительно расширились границы самого городского округа – город Улан-Удэ. За счёт плановой и нерегулируемой застройки территории городских окраин в некоторых микрорайонах почти вплотную слились с сельским пригородом. Своего рода неинституализированная «агломерация» постепенно формируется на уровне социальных, в том числе деловых сетей, подкрепляется микропроектами частного бизнеса (строительством на территориях городских окраин крупных супермаркетов, расширением маршрутов внутригородских пассажирских перевозок, развитием производственных отношений между городом и деревней в сельскохозяйственной сфере и пр.). Вместе с тем на уровне публичных дискуссий, в нормативно-правовом поле вопрос о формировании агломерации или какой-либо другой формы объединения города и пригородных территорий сегодня не стоит. Для этого, очевидно, не сформировались предпосылки, прежде всего экономического характера.

В целях сдерживания миграционной убыли, закрепления населения на местных территориях Народных Хуралом РБ (высший орган представительной власти республики) совместно с Правительством РБ был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов (НПА). Часть из них не только установила общие принципы и политические задачи в области миграционного развития, но и предполагала программы действий по изменению проблемной ситуации [8]. При этом на республиканском уровне, равно как и на уровне администрации г. Улан-Удэ, согласно имеющимся у нас данным, не было разработано каких-либо НПА, программ, которые бы определяли механизмы активного регулирования миграции из сельской местности в г. Улан-Удэ. Иными словами, сельские жители республики, решив переехать в Улан-Удэ, с одной стороны, не располагают возможностью включиться в какие-либо специально разработанные для них программы, а с другой стороны, и не ограничены в возможностях расселения в городе. Каких-либо официальных административных барьеров, препятствующих или ограничивающих перемещение сельских жителей в город Улан-Удэ сегодня нет. Вместе с тем актуальными при переезде и расселении в Улан-Удэ для многих сельских мигрантов остаются другие группы барьеров, прежде всего адаптационные, информационные и экономические.

На процесс расселения сельских мигрантов существенное влияние оказывают имеющиеся у них знания и представления «о переезде в Улан-Удэ», «в город», полученные ими до переселения. Здесь мы выявили следующее. Во-первых, Улан-Удэ, будучи в дискурсном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. Во-вторых, представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остаётся отстранённым, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдалённых от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем, развернувшиеся в последние 15-20 лет процессы массового переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встаёт практически перед каждым новым мигрантом. Наконец, в представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ является сообществом, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов – сельских жителей республики. Это сообщество отнюдь не однородно и, как отмечали сельчане-информанты, восприятие ситуации миграции в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько схожими являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших схожие пути социализации, имеющих схожий уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований за счёт организации соответствующих исследовательских кейсов. В настоящий момент имеющиеся аналитические исследования и характер собираемой статистики, на наш взгляд, не позволяют решить эту задачу. В этом смысле, решая главную задачу данного исследования – выявить направления расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ в целом, мы не будем дополнительно разделять сообщество сельских мигрантов на какие-либо подгруппы, соотносить эти группы с отдельными направлениями расселения. Здесь необходимо сделать важное уточнение: когда речь заходит о реальном, а не воображаемом, представляемом переезде, на формирование стратегий расселения начинают воздействовать и иные факторы, прежде всего, наличие у мигрантов – сельских жителей необходимого экономического и социального капитала для обустройства в городе. Отметим сразу, что влияние этих факторов может и не быть определяющим. К примеру, совсем не очевидно, что сельская

семья, располагающая значительным экономическим капиталом, будет стараться перебраться в город, также как не очевидно, что, перебравшись в город, она поселится в удобной благоустроенной квартире, а не в собственном доме на окраине.

Владение достаточным экономическим капиталом, в нашем случае наличными средствами, – это в сущности единственное, что нужно было для покупки жилья в Улан-Удэ с первых лет его постсоветской истории. Одновременно у самих горожан с началом Перестройки появилось законное право сдавать в аренду свои квартиры, дома и комнаты. При этом финансовая возможность приобрести жильё в Улан-Удэ в первые годы 1990-х была не намного, но все же реальней, чем, к примеру, сегодня. Именно поэтому многим из тех сельских жителей, кто приобрёл недвижимость до острого роста цен в середине-конце 1990-х гг., решить эту задачу сегодня было бы намного сложнее. К середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что аграрный сектор экономики, вокруг которого организовывалась социальная жизнь большинства деревенских жителей, вступил в конечную фазу стагнации, потребность в выстраивании новых жизненных стратегий значительно возросла. При этом миграционные стратегии, как отмечали наши информанты, всё ещё считались достаточно «дикивинной» практикой, поскольку решение о кардинальной перемене места жительства, «места жизни», расходилось с распространёнными культурными нормами и ценностями.

Наличие экономического капитала продолжает играть определяющую роль в реализации сельскими жителями стратегии расселения в Улан-Удэ. При этом реальной финансовой возможностью приобрести, к примеру, благоустроенную квартиру хотя бы в околоцентральной зоне, обладают сегодня единицы. Продажа добротного 3-4 комнатного дома в любом из сельских районных центров республики вместе с хозяйственными постройками (зимовьем, баней, кладовыми и т.п.) не позволяет в подавляющем большинстве случаев приобрести 2-3 комнатную благоустроенную квартиру в Улан-Удэ, причём даже в черте города.

Именно экономические барьеры, создаваемые рынком городской недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности в Улан-Удэ. Большинство из тех, кто всё же решает переехать, по крайней мере, в первые годы пребывания в Улан-Удэ приобретают жильё в отдалённых от центральной части города микрорайонах, в посёлках, входящих в состав городского округа и пр. Обычно жильём для «новых» горожан становятся одноэтажные или реже двухэтажные (многоквартирные, барачного типа) деревянные дома с небольшим участком в так называемом «частном секторе» того или иного городского микрорайона. Специфика же наиболее отдалённых микрорайонов практически по всей территории Улан-Удэ – в их транспортной недоступности (замкнутости), крайне слабой развитости социальной и бытовой инфраструктуры, а также в целом неблагоприятном социальном окружении.

Решением проблемы для многих сельских семей становится аренда (покупка) городской дачи и её переобустройство. Уже с конца 1980-х гг. по сей день в улан-удэнских дачных кооперативах происходит активное преобразование летних домиков в отапливаемое «полноценное» жильё, на участках появляются гаражи, бани. Большинство из дач находятся в черте города, некоторые в 15-20 мин. от его центра, здесь есть электричество, место для разведения небольшого огорода, пробурены скважины. Это делает дачи достаточно привлекательным и удачным вариантом для сельских мигрантов.

Не менее распространённой практикой является постройка дома «нуля» на купленном или, если нет возможности, самовольно захвачен-

ном участке, а также перевоз сельского дома в город (пригород). Частный сектор на окраинах Улан-Удэ за последние 10-15 лет значительно расширился именно за счёт реализации сельскими жителями подобных стратегий. В некоторых местах, где в советские годы были широкие поля, пустыри, сегодня можно увидеть построенные сельскими «горожанами» новые микрорайоны. При этом здесь может отсутствовать необходимая бытовая и социальная инфраструктура – электрическая сеть, водоканалы, магазины, аптеки и пр.

Сельчане особенно на начальном этапе расселения часто вынуждены жить в стеснённых условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, что уже переехали в Улан-Удэ и живут рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр. Не во всех случаях поддержка сельских друзей, родственников, земляков считается само собой разумеющимся делом, между тем в ней редко отказываются.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда в результате переезда в Улан-Удэ сельчане приобретали, строили себе жильё в городе. Между тем в структуре исследуемой миграции такого рода стратегии не составляют подавляющего большинства среди прочих миграционных историй. Не менее характерными в нашем случае в последние два десятилетия остаются практики аренды, временного съёма жилья, в которые включена преимущественно главная группа мигрантов из сельской местности – трудоспособная, молодёжь (в основном от 17 до 35 лет). Экономические барьеры рынка недвижимости, а также достаточно высокая конкуренция на городском рынке труда, в действительности, не позволяют многим сельчанам, прибывающим в Улан-Удэ, обучающимся, активно работающим в городе, приобрести собственное жильё. И здесь обычно срабатывает одна из трёх стратегий – люди либо обращаются за временной помощью к городским родственникам, знакомым, живущим в городе, либо идут в агентство за съёмной квартирой (комнатой, домом и пр.), либо, что не менее характерно, первое время живут у своих родственников, земляков, уже перебравшихся в город.

Социальный капитал сельчан, их семей, в частности «полезные знакомства», «связи», родственники в городе – всё это порой играет решающую роль в судьбе сельского мигранта, однако не каждого и не всегда. К родственникам обращаются чаще на этапе приезда, «на первое время», в особенности, когда речь заходит о жилищном устройстве детей в городские образовательные учреждения. Достаточно часто этап проживания «у городских родственников» предваряет «самостоятельную жизнь».

Итак, можно ли, опираясь на обозначенные в разделе тезисы, выявить наиболее характерные, сущностные черты, присущие процессам расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ? При всём многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, которые нами были собраны, можно с достаточной уверенностью сказать «да». Направления расселения всё же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задаётся уровнем материального достатка того или иного мигранта. Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной

(реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города – в отдалённых от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и посёлках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна, как показало исследование для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом жильё, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

Следует отметить, что часть сельчан, приезжая в Улан-Удэ, как двадцать лет назад, так и сейчас, имеет возможность и приобретает благоустроенное жильё в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ. При этом одни из сельчан, очевидно, привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие – нет. До сих пор сложно говорить и о том, сложился ли в Улан-Удэ «городской образ жизни», и, если «да», то каковы границы его локализации. В этом смысле сложно судить и том, насколько сельская миграция в постсоветский период истории Улан-Удэ видоизменила культурное пространство города.

В последнее время, по пришествии периода массового выбытия сельчан из «умирающих» деревень республики, выезд на постоянное место жительства «в город» становится, как говорят информанты, более обдуманым, взвешенным. Возможно, это говорит о том, что и этап спонтанной миграции наименее обеспеченных сельчан, малопривлекательный для городского сообщества, в целом пройден.

Литература

1. Бреславский А.С. Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии: трансформация поселений и местных сообществ // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 447-463.
2. Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 132-155.
3. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002, 1 ноября. С. 4.
4. Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) // Вестник Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47-61.
5. Итыгилова Л.М. Миграционные настроения молодёжи Бурятии: выпускники вузов и «репатриантов» // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 94-101.
6. Козулин А.В. Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования // Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 80-91.
7. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
8. Постановление Правительства РБ от 29.04.2002 г. «Концепция демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 г.» (включает

раздел «Миграция и расселение»). [Электронный ресурс]. URL: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcpyhi.htm> [Дата обращения: 17.04.2010 г.].

9. Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г. // Статистический сборник № 02-03-00. Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 4.

10. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 115 с.

11. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Prigorody Ulan-Udeh v migratsionnykh protsessakh postsovetsoj Buryatii: transformatsiya poselenij i mestnykh soobshhestv // Mestnye soobshhestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX-XX i XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2012. S. 447-463.

2. Breslavskij A.S. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v postsovetsoj Buryatii: praktiki rasseleniya v Ulan-Udeh / A.S. Breslavskij // Migratsii i diasporы v sotsiokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX-XX XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk: Ottisk, 2010. S. 132-155.

3. Budaeva TS.B. Migratsiya naseleniya v zerkale obshhegosudarstvennykh peremen // Buryatiya. 2002, 1 noyabrya. S. 4.

4. Guntypova EH., SHulunova R. Migratsiya i vysshee obrazovanie (po rezul'tatam oprosa v Buryatskoj sel'khozakademii) // Vestnik Evrazii. 2006. № 2 (32). S. 47-61.

5. Itygilova L.M. Migratsionnye nastroyeniya molodyozhi Buryatii: vypuskniki vuzov i «repatriantov» // Gorod i selo v usloviyakh globalizatsii (na primere Respubliki Buryatiya): mat-ly mezhdunar. seminar. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 94-101.

6. Kozulin A.V. Migratsionnye protsessы v Buryatii na sovremennom ehtape: osnovnye tendentsii i puti regulirovaniya // Gorod i selo v usloviyakh globalizatsii (na primere respubliki Buryatiya): mat-ly mezhdunar. seminar. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 80-91.

7. Mangataeva D.D. Naselenie Buryatii: tendentsii formirovaniya i razvitiya. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 1995. 155 s.

8. Postanovlenie Pravitel'stva RB ot 29.04.2002 g. «Kontseptsiya demograficheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya na period do 2010 g.» (vklyuchaet razdel «Migratsiya i rasselenie»). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcpyhi.htm> [Data obrashheniya: 17.04.2010 g.].

9. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Respubliki Buryatiya do 2030 g. // Statisticheskij sbornik № 02-03-00. Buryatstat. Ulan-Udeh. 2009. S. 4.

10. Randalov YU.B., KHaraev B.V., CHukreev P.A. Migratsionnye nastroyeniya sel'skikh zhitelej: dejstvuyushhie faktory i tendentsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya). Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2005. 115 s.

11. Sodnompilova M.M. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovanie translokall'nogo prostranstva // Gorod i selo v postsovetsoj Buryatii: sotsial'no-anthropologicheskie ocherki. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 163-184.

УДК 314 (=512.36)

Бадарев Д.Д.
Badaraev D.D.

Внутренние миграционные процессы в современном монгольском обществе

Internal migration processes in modern mongolian society

Статья посвящена рассмотрению миграционных процессов в современном монгольском обществе. На основе данных статистики, с использованием результатов исследований последних лет проанализированы причины, факторы и последствия внутренней миграции населения из сельской местности Монголии в урбанизированные центры страны. Затронута проблема кочевого животноводства как основы сохранения культуры и традиций монгольского народа.

Ключевые слова: *монгольское общество, внутренняя миграция, модернизация, урбанизация, номадизм*

Article is devoted to consideration of migratory processes in modern mongolian society. The reasons, factors and consequences of internal migration of the population of Mongolia from rural areas to the urbanized centers of the country are analysed on the basis of data of statistics and results of researches of the last years. Also the problem of nomadic animal husbandry, as bases of preservation of culture and traditions of the mongolian people is mentioned

Key words: *mongolian society, internal migration, modernization, urbanization, nomadizm*

Современное монгольское общество сформировалось в результате социально-экономических и политических преобразований последних 20 лет, после перехода на относительно новый, неизведанный ранее путь развития. Началом кардинальной переориентации на путь рыночных отношений принято считать 1990-ый год. Распалась социалистическая система. Победа демократической революции в Монголии привела страну к обретению фактически независимого статуса в международных отношениях. Трансформационные процессы переходного периода носили неоднозначный характер для населения страны, поскольку для многих граждан обретение свободы оказалось тяжёлой ношей, с которой не каждый вчерашний идеологически подкреплённый монгол мог справиться. Изменение форм собственности на основе принятого в 1992-м году Закона о приватизации в стране, череда кризисных явлений в экономике, эпизодическое воздействие галлопирующей инфляции до 325% в год оказали негативное влияние на широкие массы населения, на их социальное самочувствие, приведшее к заметному снижению уровня жизни. Социальная сфера Монголии претерпевала существенные изменения,

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич, к.соц.н., научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** damdin80@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии, 2012-2013, № 12-23-03002а/Моп, «Возвращение» России в Монголию: модели и сценарии»

поскольку в ней происходили форсированные явления и процессы, обусловленные действием рыночных законов. Вместе с тем, процессы преобразования монгольского общества открыли широкие возможности для свободного передвижения населения Монголии как внутри страны, так и за её пределами в поисках лучших условий жизни.

Вопросы миграции населения в современном монгольском обществе рассмотрены в работах В.В. Грайворонского, Н.Галиймы, Х. Гундсамбуу, Ц. Цэцэнбилэг и других исследователей, а также в ряде научных трудов академических и образовательных учреждений Монголии. Современные процессы миграции населения становятся актуальной проблемой для такой скотоводческой страны как Монголия, подразумевая под собой обострение социальных проблем общества, таких как безработица, бедность, мобильность трудовых ресурсов, усиление нагрузки на инфраструктуру городских территорий, а также решение вопросов цивилизационного характера, связанных с изменением образа жизни и быта исконных кочевников монгольских степей.

Кочевники-скотоводы вынуждены приспосабливаться к новым рыночным условиям, применяя различные стратегии развития своих домохозяйств. Важнейшей основой для включения кочевников в процессы модернизации является их высокий адаптационный потенциал, выработанный предыдущими поколениями, а также тысячелетний опыт приспособления к условиям окружающего мира. Способность быстрой адаптации к меняющимся условиям окружающей действительности помогает представителям кочевого социума минимизировать потери. Как показывает ряд исследований, с переходом к рыночной экономике около 60-70% монголов получили или скорее получили возможность увеличить свои доходы, соответственно, улучшить социально-экономическое положение своей семьи. Лишь 30-40% отмечают, что рыночная система отрицательно повлияла на их социальный статус [1, с. 110; 4, с. 191]. Таким образом, миграция или же перемещения внутри страны и за её пределами является одним из основных каналов приспособления кочевников-монголов к современным процессам глобализации, модернизации и интеграции. Однако нерегулируемые миграционные потоки населения приводят в основном к различным последствиям как позитивного, так и негативного характера, что становится объектом обсуждения при принятии социально-экономических и политических программ развития страны, включая демографические.

Считаем целесообразным представить статистические данные 2011 года [5]. Население Монголии составило 2811,6 тыс.чел., из них постоянно проживают в Монголии 2704,5 тыс.чел., за пределами страны – 107,1 тыс.чел. Экономически активное население составляет 1124,7 тыс.чел., из них 1037,7 тыс.чел.- занятые (уровень занятости – 62,5%), 87,0 тыс. чел. – безработные (уровень безработицы – 7,7%). На 1000 человек населения: коэффициент смертности составил 6,9, коэффициент рождаемости – 25,1, коэффициент заключения браков – 4,3, уровень разводов – 1,2. Средняя продолжительность жизни в стране составила 68,3 лет: у мужчин – 64,7 лет, у женщин – 73,7 лет. В столице страны в г.Улан-Батор проживало 1287,1 тыс.чел. В среднем на 1 км.кв. территории страны приходится менее 2 чел. Сохраняется тенденция урбанизации страны. Внутренняя миграция населения в города, в частности, в центральные районы и в столицу страны, продолжается.

Доля сельского населения страны – 33,8% (915,4 тыс. человек), городского – 66,2% (1789,1 тыс.человек). Вопросы качества жизни населения остаются не в полной мере решёнными, особенно в сельской местности, о чём свидетельствуют показатели уровня бедности и среднего прожиточного минимума. Уровень бедности по стране составил 29,8%,

при этом в городах данный показатель равен 26,6%, а в сельской местности – 33,3%. Средний показатель прожиточного минимума по стране составил 117,8 тыс. тугриков (курс 1 рубля = 42 – 45 тугр.). В 2011 году Монголия занимала 155-е место в мире по уровню валового внутреннего продукта.

В условиях модернизации одним из значимых признаков изменения социального состава населения являются процессы сельско-городской миграции населения. Соотношение городского и сельского населения в монгольском обществе имеет своеобразие, связанное, с одной стороны, с процессами реномадизации, а с другой стороны – урбанизации. По данным В.В. Грайворонского, «впервые с середины XX века, когда начался интенсивный процесс индустриализации и урбанизации страны, в 1989-2000 годах темпы роста сельского населения (17,2%) опередили темпы роста городского (15,2%), что свидетельствовало о замедлении темпов урбанизации и, более того, об обратном процессе, то есть об оттоке части городского населения в сельскую местность. При этом среднегодовые темпы роста сельского населения в 1989 – 2000 годах возросли до 1,6% против 1,3% в 1979 – 1989 годах. Именно в эти годы наблюдался процесс реномадизации, то есть обратного перехода части населения от оседлого образа жизни к кочевому и полукочевому. Данное явление имело кратковременный характер, поскольку оно было связано с ухудшением условий жизни в городах Монголии. В дальнейшем, процесс урбанизации усилился, городское население стало расти быстрее, чем сельское» [2, с. 29]. Действительно, новейшие факты и цифры свидетельствуют о том, что процесс урбанизации будет продолжаться только в сторону усиления. Наиболее значимыми факторами внутренней миграции в современном монгольском обществе принято считать:

- потерю поголовья скота, как основного источника существования, «движимого имущества» кочевника. Причинами уменьшения или потери скота могут быть: бескормица (дзут), истощение пастбищ из-за климатических условий, массовое нападение волков, инфекционные заболевания животных, скотокрадство и др. В совокупности эти причины способствуют обеднению скотоводов и, в конечном итоге, они не выдерживают жёсткой конкуренции с наиболее обеспеченными и состоятельными скотоводами и вынуждены мигрировать в города;

- высокий уровень безработицы в сельской местности (до 18-20%). Из-за ограниченности сфер занятости, отсутствия доходов в условиях степи некоторые скотоводы готовы выполнять в городах низкоквалифицированную, сезонную или временную работу, чтобы обеспечивать себя пропитанием, удовлетворяя хотя бы свои первичные потребности;

- ухудшение качества образования во многих сельских школах подталкивает родителей давать возможность детям получать более качественное образование в аймачных (районных) центрах или в городах. Часть родителей переезжает вместе с детьми, когда те поступают в старшие классы или же в высшие учебные заведения, а часть меняет место жительства на городское после трудоустройства детей;

- ограниченная доступность социальных и медицинских услуг. Отсутствие врачей узких специальностей и слабая оснащённость медицинским оборудованием в больницах сомонов и аймаков становится причиной больших расходов для сельчан, выезжающих на обследование и лечение в крупные города;

- отсутствие электричества, средств связи и транспорта. По некоторым данным, 130 сомонов не подключены к электрическим сетям, 180 тыс. скотоводов не имеют возможности пользоваться благами цивилизации;

- низкая платёжеспособность сельского населения, ограниченность рыночной сферы, слабость инфраструктуры. Предприимчивые люди предпочитают перебазироваться в города с целью ведения своего бизнеса.

Интенсивные внутренние миграционные потоки в урбанизированные районы страны влекут за собой обострение социальных проблем общества, имеющих глубокие социально-экономические корни. На примере столицы Монголии г.Улан-Батора можно видеть масштабы и скорость этого процесса. В апреле 2007 года в столице был преодолен миллионный рубеж, г.Улан-Батор был вписан 452-м в список городов мира с миллионным населением, а в Азии – 182-м. Плотность населения столицы составляет 222 человека на 1 кв.км., практически каждый второй житель страны проживает в г. Улан-Баторе. На каждую столичную семью приходится 4,2 чел. В среднем ежедневно в г.Улан-Батор иммигрируют из аймаков и городов 78 человек, а обратно выезжают – 29 человек. Количество иностранцев, приезжающих по служебным делам, а также в качестве туристов или на временное проживание, составляет 1284 человек [7, с. 6].

Приведённые данные демонстрируют тенденцию ускорения миграции и урбанизации населения в столице Монголии. С этими процессами связаны как положительные, так негативные изменения в социальной сфере г. Улан-Батора. К положительным последствиям миграции в города можно отнести: улучшение конкуренции на рынке рабочей силы, увеличение доли граждан трудоспособного населения, расширение рынка, рост покупательской способности населения, обеспечение социальными услугами, доступность образования, медицинских услуг для мигрантов из сельской местности.

Негативные факторы внутренней миграции в города, в том числе и в столицу, больше связаны с появлением большого количества мигрантов из сельской местности в пригородах, в так называемых «юрточных микрорайонах». Данное явление влечёт за собой углубление неравенства, рост уровня бедности, безработицы, обострение социальной напряжённости, рост уровня преступности, асоциальных и девиантных форм поведения, алкоголизацию населения. Расширение юрточных микрорайонов становится большой проблемой при решении задач градостроительства, всей стратегии социально-экономического развития столицы страны. Низкий уровень развития инфраструктуры, слабая развитость сети социальных учреждений, школ, поликлиник, детских садов на таких территориях ставит в трудное положение руководство столицы, поскольку масштабы проблем постоянно расширяются. Пятая часть жителей столицы не обеспечена самым необходимым, живёт в условиях ограниченной доступности образования и медицинских услуг. Из-за своей низкой платёжеспособности 79,4% сельских мигрантов не обеспечены электроэнергией, 25,5% не имеют разрешительных документов на занимаемый ими участок земли. Кроме того, усугубляется проблема экологической безопасности перенаселённых территорий. Загрязнение атмосферы в столице превышает допустимые нормы в 28 раз, что главным образом связано с использованием в юртах каменного угля, а также с увеличением количества автотранспорта в столице. Нарастает нагрузка на почвенный покров, что превышает нормативы в 10-16 раз [6]. Повсеместное появление несанкционированных туалетов, мусора и помоек не самым лучшим образом сказывается на общем состоянии данных территорий, демонстрируя высокий уровень загрязнённости. Негативные последствия внутренней миграции населения в столицу страны представляют собой комплекс взаимосвязанных социальных проблем урбанистики. Решение таких проблем требует скоординированных действий со стороны органов

государственной власти, общественных организаций, а также международных финансовых организаций, активно поддерживающих Монголию в решении проблем бедности, безработицы, социальной сферы, медицины и сельского хозяйства.

Состояние миграционного вопроса в сельской местности Монголии демонстрирует скорее негативные последствия, нежели положительные. Уменьшение численности молодёжи в сельской местности и миграция семей в города дестабилизирует устойчивое развитие сельской местности; снижается производительная сила в агропромышленном секторе, поскольку 74% мигрантов в возрасте 15-64 года, а 26% – 0-14 лет [7, с. 9]; при снижении численности сельского населения ограничивается развитие производства и уменьшается объём сельского рынка, уменьшается и без того низкая плотность сельского населения, происходит «опустынивание» обширных территорий, скотоводы оставляют ранее обжитые кочевья. Однако наблюдается и другая, но очень интересная тенденция, характерная для сельской местности: изменение соотношения городского и сельского населения в пользу первых не приводит к уменьшению поголовья скота в стране. В традиционной отрасли хозяйства - скотоводстве задействовано 154,9 тыс. семей или 311,2 тыс. скотоводов с общим поголовьем 36335,8 тыс. голов скота. Внутренняя политика государства, направленная на дальнейшее развитие скотоводства, способствует поддержанию поголовья скота на определённом уровне, несмотря на самый высокий дзут (бескормицу) 2010 года, когда в стране пало по разным оценкам более 8 млн. голов скота (в 2009 году поголовье скота составляло 44023,9 тыс. голов.). Сельское хозяйство занимает в структуре ВВП страны третье место с показателем 13%, после добывающей промышленности – 21,7% и оптово-розничной торговли – 18,9% [5, с. 133]. Рост экономического развития Монголии за 2011 год на 14,1%, демонстрирует, на наш взгляд, перспективы для дальнейшего роста экономики, с возможными позитивными последствиями в социальной сфере.

Таким образом, за последние годы внутренняя миграция в города и аймачные центры Монголии стала последовательно набирать обороты, отмечается тенденция увеличения доли городского населения. В связи с этим рассмотрение и решение вопросов внутренней миграции, её причин, факторов и последствий представляет собой актуальнейшую социальную проблему в монгольском обществе. Сложившаяся ситуация требует дальнейшего научно-обоснованного изучения, проведения мониторинговых исследований, результаты которых необходимо использовать для выработки оптимальных решений социально-экономического развития перенаселённых территорий и рационального использования трудовых ресурсов страны в разных отраслях экономики. Важнейшей задачей является развитие отраслей добывающей и перерабатывающей промышленности, утверждение частной собственности в сельской местности при сохранении традиционного номадного животноводства, которое вобрало в себя тысячелетний опыт жизнедеятельности, традиций и культуры монгольского этноса.

Литература

1. Бадараев Д.Д. Социально-стратификационная структура населения Монголии и Республики Бурятия в изменяющемся обществе начала XXI в. (сравнительные аспекты) / отв.ред. Ю.Б. Рандалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 172 с.
2. Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 254 с.
3. Цэцэнбилэг Ц. Проблемы модернизации монгольского общества. УБ., 2002. 148 с.
4. Монголын нийгмийн оорчлолт. УБ., 2008. 512 х. (Трансформация монгольского общества. Улан-Батор, 2008. 512 с.)
5. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл. УБ., 2011. 462 х. (Статистический ежегодник Монголии. Улан-Батор, 2011. 462 с.)
6. Монгол улсын хун амын дотоод шилжих ходолгооний чиг хандлага, ур дагавар, УБ., 2009, х.107. (Тенденции развития, последствия внутренней миграции населения Монголии. Улан-Батор, 2009. 107 с.)
7. Н. Галиймаа. 1990 2010 онууд дахь хун амын дотоод миграци: Улаанбаатар хотын жишээн дээр // Даяаршлын уеын соёл ба миграци. – УБ., 2011. х.5-9. (Н. Галиймаа. Внутренняя миграция населения в 1990-2010 гг.: на примере г. Улан-Батор // Монголия на перекрёстке внешних миграций. Улан-Батор, 2010. С.5-9.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Badaraev D.D. Sotsial'no-stratifikatsionnaya struktura naseleniya Mongolii i Respubliki Buryatiya v izmenyayushhemsya obshhestve nachala XXI v. (sravnitel'nye aspekty) / отв.red. YU.B. Randalov. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2011. 172 s.
2. Grajvoronskij V.V. Reformy v sotsial'noj sfere sovremennoj Mongolii. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2007. 254 s.
3. TSehtsehnibileh TS. Problemy modernizatsii mongol'skogo obshhestva. UB., 2002. 148 s.
4. Mongolyn nijgmijn oorchlolt. UB., 2008. 512 kh. (Transformatsiya mongol'skogo obshhestva. Ulan-Bator, 2008. 512 s.)
5. Mongol ulsyn statistikijn ehmkhtgehl. UB., 2011. 462 kh. (Statisticheskij ezhegodnik Mongolii. Ulan-Bator, 2011. 462 s.)
6. Mongol ulsyn khun amyn dotood shilzhikh khodolgoonij chig khandlaga, ur dagavar, UB., 2009, kh.107. (Tendentsii razvitiya, posledstviya vnutrennej migratsii naseleniya Mongolii. Ulan-Bator, 2009. 107 s.)
7. N. Galijmaa. 1990 2010 onuud dakh' khun amyn dotood migratsi: Ulaanbaatar khotyn zhishehehn dehehr // Dayaarslhyn ueyn soyol ba migratsi. – UB., 2011. kh.5-9. (N. Galijmaa. Vnutrennyaya migratsiya naseleniya v 1990-2010 gg.: na primere g. Ulan-Bator // Mongoliya na perekryostke vneshnikh migratsij. Ulan-Bator, 2010. S.5-9.)

УДК 311.14

*Андреева О.Н.
Andreeva O.N.*

Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие

**Standard of living and quality of life:
the content of concepts and their components**

Данная статья посвящена анализу содержания и структуры социально-экономических понятий «уровень жизни» и «качество жизни». В статье предпринята попытка преодоления терминологической путаницы в определении значений данных понятий.

Ключевые слова: *уровень жизни, качество жизни, социальные показатели, социальные индикаторы уровня жизни, социальные индикаторы качества жизни*

This article is devoted to the content and structure of the socio-economic concept of «standard of living» and «quality of life». The article attempts to overcome the terminological confusion in determining the values of these concept.

Key words: *Standard of living, quality of life, social performance, social indicators standard of living, social indicators quality of life*

Развитие Владивостока и Приморского края – это шанс для России удачно интегрироваться в Азиатско-Тихоокеанский регион, и превратить этот российский регион в плацдарм для реализации самых передовых достижений в различных областях социально-экономической жизни. Приморский край в отличие от других субъектов Дальневосточного федерального округа занимает выгодное географическое положение, отличается более устойчивым развитием столичной агломерации и портов; выделяется более мобильным и адаптивным населением и характеризуется динамичным развитием высшего образования.

За последние пять лет регион получил огромные госинвестиции в развитие объектов инфраструктуры. Казалось бы, небывалые объёмы строительства, резкое изменение облика г. Владивостока, небывалый объём бюджетных вливаний должны были в значительной степени повысить уровень и качество жизни населения. Но даже по завершении реализации проекта по подготовке к проведению саммита АТЭС-2012, следует констатировать, что традиционные для Приморского края проблемы так и остались не решёнными. К таковым проблемам следует отнести, прежде всего: 1) неустойчивую динамику развития промышленности и кризисное состояние агросектора; 2) высокую долю теневой экономики при низких легальных доходах; 3) высокий уровень бедности, особенно в сельской местности и промышленных городах; 4) миграцион-

АНДРЕЕВА Ольга Николаевна, к.соц.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Agloolga@gambler.ru

ный отток населения; 5) пониженное долголетие и широкое распространение социальных заболеваний, свёртывание сети учреждений здравоохранения и недостаточная обеспеченность медицинской помощью; 6) высокая стоимость жилищно-коммунальных услуг.

В средствах массовой информации, в преддверии саммита АТЭС-2012, можно было встретить оптимистичные официальные оценки количественных показателей уровня и качества жизни: например, заверения официальных властей о существенном снижении уровня безработицы до 2,6 за 2010 г. и до 1,9% за 2011г. и 1,7% по состоянию на сентябрь 2012 г. [3; 14], росте средней заработной платы на 12,4% за восемь месяцев 2012 г. и снижению задолженности по выплате заработной платы за тот же период на 5,3% [11; 4].

Но почему же, несмотря на такие огромные инвестиции и позитивную динамику социальных показателей, среди населения г. Владивостока и Приморского края так сильны протестные настроения? Ответ на этот вопрос очевиден: вместо кардинальных изменений институциональных условий обеспечивающих рост уровня и качества жизни, на практике применяются «статистические методы» борьбы с бедностью. Эта ситуация обусловлена рядом проблем оценки уровня и качества жизни, имеющих теоретико-методологический и прикладной характер: 1) при всей популярности категорий «уровень жизни» и «качество жизни» в настоящее время не существует не только единого взгляда на их оценку, но даже общепризнанных подходов к определению содержания данных понятий; 2) ограниченность используемых показателей оценки уровня и качества жизни; 3) отсутствие единой эффективной методики оценки качества жизни населения; 4) низкая эффективность индикативного управления в социальной сфере.

Первым шагом в решении приоритетной проблемы повышения уровня и качества жизни населения является определение содержания понятий «уровень жизни» и «качество жизни» и выявление составляющих. В данной статье предпринимается попытка решить эту первую из обозначенных выше проблем.

Уровень жизни населения и качество жизни населения являются важнейшими социальными категориями. Для того чтобы преодолеть путаницу в определении содержания понятий «уровень жизни населения» и «качество жизни населения» необходимо выделить широкий и узкий подходы к трактовке данных понятий.

Так, например, в широком смысле понятие «уровень жизни населения» (подразумевающее, прежде всего «...обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей...» [17, с. 64]), а также условия жизни, труда и занятости, быта и досуга, его здоровье, образование, природную среду обитания и т. д. синонимично понятию «качество жизни». Необходимо также отметить, что обеспеченность населения необходимыми благами и услугами обозначают ещё и понятием «благополучие населения», а денежная оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домохозяйстве в течение известного промежутка времени и соответствующих определённому уровню удовлетворения потребностей обозначается термином «стоимость жизни» [17, с. 64].

Для того чтобы избежать подобной терминологической путаницы в рамках данного исследования будем всё же придерживаться традиционных «узких» определений данных понятий. Итак, уровень жизни населения – социально-экономическая категория, отражающая степень удовлетворения потребностей населения в материальных благах и нематериальных услугах, а также условия, имеющиеся в обществе для

развития и удовлетворения этих потребностей [1, с. 686]. Исследователи выделяют четыре уровня жизни населения [17, с. 64; 6, с. 38]: 1) достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); 2) нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); 3) бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как низшей границы воспроизводства рабочей силы); 4) нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддержать жизнеспособность человека).

Повышение уровня жизни (социальный прогресс) составляет приоритетное направление общественного развития. Благо народа и есть критерий прогресса. Особую значимость этот критерий приобретает в социально ориентированной рыночной экономике, где центральной фигурой ставится человек. Возможны три аспекта изучения уровня жизни человека [17, с. 65]: 1) применительно ко всему населению; 2) к его социальным группам; 3) к домохозяйствам с различной величиной дохода.

Важную роль в изучении уровня жизни населения играют социальные нормативы как научно обоснованные ориентиры направленности социальных процессов в обществе. Различаются социальные нормативы: развития материальной базы социальной сферы, доходов и расходов населения, социального обеспечения и обслуживания, потребления населением материальных благ и платных услуг, условий жизни, состояния и охраны окружающей среды, потребительского бюджета и др. Они могут быть уровневыми, выражающими абсолютную или относительную величину нормы соответственно в натуральных показателях или процентах (возможные варианты нормативов: моментные, интервальные, минимальные, максимальные), а также природными, представленными в виде соотношения природных двух показателей.

Непосредственное отношение к уровню жизни имеет потребительский бюджет, суммирующий нормативы (нормы) потребления населением материальных благ и услуг, дифференцированные по социальным и половозрастным группам населения, климатическим зонам, условиям и тяжести труда, месту проживания и т. д. Различают минимальный и рациональный потребительские бюджеты.

К основным социальным нормативам относятся: минимальная заработная плата и пособие по временной нетрудоспособности, пособие по безработице для трудоспособных лиц, минимальные трудовые и социальные пенсии для пожилых и нетрудоспособных граждан, инвалидов; минимальные стипендии учащимся, регулярные или разовые целевые пособия наиболее уязвимым в материальном отношении группам населения (многодетным и малообеспеченным семьям, матерям-одиночкам и др.). В совокупности они образуют систему минимальных социальных гарантий как обязанность государства обеспечить гражданам: минимальные размеры оплаты труда и трудовой пенсии, право на получение пособий по социальному страхованию, минимальный набор общедоступных и бесплатных услуг в области образования, здравоохранения и культуры.

Существующие нормативы отражают современные научные представления о личных потребностях людей. Однако последние не следует абсолютизировать, так как личные потребности отражают объективную необходимость в определённом наборе и количестве материальных благ и услуг и социальных условий, обеспечивающих всестороннюю деятельность конкретного человека.

Личные потребности подразделяются на физиологические (физические), интеллектуальные (духовные) и социальные. Физиологические

потребности являются определяющими. Интеллектуальные и социальные потребности относятся к потребностям не первой необходимости и удовлетворяются после того, как наступает определённая степень удовлетворения первостепенных потребностей. Прямой оценки они не имеют, хотя во многом зависят от состояния культуры в обществе, общего уровня и качества жизни населения. Условия же для их удовлетворения характеризуются бюджетом времени населения. По величинам рабочего, нерабочего и свободного времени можно оценить эффективность рабочего времени и возможности удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей человека [17, с. 66-67].

Различаются рациональные (разумные) и иррациональные потребности. Первые (рациональные) отвечают научным представлениям о потреблении благ и услуг, необходимых для поддержания здорового образа жизни человека и гармоничного развития личности. Вторые (иррациональные) потребности выходят за рамки разумных норм, принимают гипертрофированные, иногда извращённые формы, в частности по отношению к питанию.

Внешней формой проявления личных потребностей выступает спрос населения, хотя и количественно, и качественно он отличается от действительной потребности. Различают общий потребительский спрос, объём и структура которого соответствуют объёму потребления населением материальных благ и услуг, и платёжеспособный спрос на них, отражающий платёжеспособные возможности населения. В данном случае речь идёт уже о социальных потребностях общества.

Для характеристики жизненного уровня в настоящее время используют различные показатели, которые, как правило, включают следующие подсистемы:

1) Обобщающие показатели жизненного уровня [1, с. 686]: а) производство валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и его динамика в сопоставимых ценах; б) величина использованного ВВП на душу населения и его динамика в сопоставимых ценах; в) фонд потребления на душу населения и его динамика в сопоставимых ценах.

2) Показатели доходов населения [17, с. 85-86]: 1) показатели совокупных доходов, 2) номинальные доходы, 3) располагаемые и 4) реальные доходы.

3) Показатели расходов населения себя [5]: 1) текущие расходы (затраты, связанные с удовлетворением текущих, 2) расходы на приобретение потребительских товаров длительного использования (год и более), 3) расходы на приобретение материальных благ и расходы на оплату услуг (расходы на приобретение продуктов питания, потребительских товаров и расходы населения на оплату жилищно-коммунальных, бытовых транспортных услуг, услуг связи, образования, здравоохранения, физической культуры и спорта туризма и отдыха и т.д.).

4) Показатели потребления населения сводятся в основном к показателям оценивающим уровень индивидуального потребления [17, с. 111-126].

5) Показатели обеспеченности населения жильём и предметами длительного пользования [2]: 1) жилищный фонд (совокупность всех жилых помещений, независимо от форм собственности, включая жилые дома, специализированные дома, 2) обеспеченность населения жильём, 3) показатели жилищного строительства.

6) Показатели денежных сбережений населения [2]: 1) прирост сбережений во вкладах и ценных бумагах; 2) покупка жилых помещений; 3) расходы на приобретение иностранной валюты; 4) деньги, отосланные по переводам.

7) Показатели занятости, условий труда и отдыха населения [17, с. 214-252; 15]: 1) показатели численности занятых и безработных как составных частей рабочей силы, 2) показатели уровня занятости и безработицы, 3) обеспеченность работой, 4) соотношение рабочего и свободного времени, 5) условия труда, 6) обеспеченность работой, 7) время на ведение домашнего хозяйства, 8) свободное время, 9) время передвижения к месту работы и обратно и т.д..

8) Показатели экологической обстановки в местах обитания человека [12]: 1) выбросы загрязняющих веществ в атмосферу; 2) показатели лесовосстановления, 3) повреждение лесных массивов из-за пожаров; 4) текущие затраты на охрану природы.

9) Демографические показатели включают в себя прежде всего показатели рождаемости, смертности и миграции.

10) Прочие показатели жизненного уровня населения включает в себя санитарные показатели, образовательные показатели, показатели потребления населением услуг культуры, искусства и туризма, показатели политической и общественной жизни, показатели потребления информации и т.д. [17; 2; 13].

Перейдём далее к анализу содержания понятия «качество жизни населения». Качество жизни населения – собирательное понятие, обозначающее количественный уровень и разнообразие тех материальных и духовных потребностей, которые способен удовлетворить человек в условиях определённого общества [19, с. 417]. Один из авторов Социологической энциклопедии Национального общественно научного фонда В.М. Капицын предлагает следующее определение понятия «качество жизни»: «качество жизни – состояние удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, характеризующееся посредством сопоставления со стандартом, определяемым на основе агрегированных или дезагрегированных индикаторов [8, с. 427-428]. В советский период в России вместо термина «качество жизни населения» использовалась альтернативная категория «образ жизни».

Для наших целей понятие качества жизни удобно разделить на две части – содержательную и операциональную. В содержательной части раскрывается суть понятия, в операциональной части говорится о процедурах измерения качества жизни.

Содержательные характеристики понятия качества жизни являются, пожалуй, наиболее спорным моментом определения. Во-первых, налицо довольно широкая трактовка качества жизни разными дисциплинами. Например, в медицине (в западной традиции) принято считать качеством жизни набор физических характеристик, позволяющих эффективно противостоять внешним угрозам в процессе естественного старения организма. При этом отдельно выделяется определение качества жизни как набора условий внешней среды, непосредственно оказывающих влияние на эффективное противодействие болезням и прочим внешним угрозам (т.н. «связанное со здоровьем» и «не связанное со здоровьем» определения качества жизни). Во-вторых, проблему представляет набор концептуальных элементов дефиниции, которые бы определяли сущность понятия. Наименее дискуссионным является мнение, что качество жизни следует определять, исходя из опоры на феномен удовлетворения индивидом своих разнообразных потребностей. Говоря об удовлетворённости индивида, мы, таким образом, привносим элемент соотношения текущей ситуации в обществе с некоторым идеалом. По мере изменения этого соотношения и происходит социальное развитие. Идеалом в этом случае является ситуация удовлетворённости всех или большинства потребностей индивида [18; 9].

В центре внимания современных дискуссий – проблемы включения в определение категорий «интересы», «свобода», «свободное развитие», «реализация творческого потенциала». Соответственно, принципиальным моментом является несводимость понятия качества жизни только к удовлетворению материальных потребностей, материальному благосостоянию. В свете этого важное значение может иметь отграничение понятия качества жизни от близких к нему по содержанию концептов социального развития.

В ряде случаев показателем качества жизни выступает индекс развития человеческого потенциала, разработанный ООН. Индекс развития человеческого потенциала рассчитывается как среднеарифметическая величина трёх индексов: индекса ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекса достигнутого уровня образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, каждый из которых выступает как результирующая множества факторов [7, с. 4]. Формально концепция индекса развития человеческого потенциала была разработана с целью ухода от преимущественного акцента на вопросах роста уровня материального производства в сторону учёта нематериальных факторов расширения пространства возможностей для индивида.

Фактически, однако, главной проблемой индекса человеческого потенциала является его слабая универсальность. С одной стороны, относительная ограниченность числа необходимых для расчёта операциональных статистических показателей позволяет, в силу широкой доступности всех этих показателей, рассчитывать индекс для подавляющего большинства стран мира и территорий в их составе. С другой стороны, в силу страновой специфики, не во всех случаях индекс развития человеческого потенциала может адекватно отражать степень развития конкретного общества – что, в определённой степени, является следствием сознательной редукции числа показателей индекса его разработчиками.

В этой связи индекс качества жизни, не будучи ограничен – в теории – по числу включаемых показателей, обладает большим потенциалом универсальности и более адекватно отражает качество жизни в принципе. Индекс развития человеческого потенциала, таким образом, может выступать по отношению к нему своего рода специализированным подиндексом.

По определению ЮНЕСКО, качество жизни – это степень соответствия условий жизни человека его потребностям [16]. Совокупность факторов, формирующих качество жизни, включает: среду обитания (атмосферный воздух, вода, природно-климатические условия и т.д.), состояние общества (политическое и социальное устройство, экономика), качество человека (здоровье, культура, образование).

По мнению одного из исследователей проблем качества жизни населения, А.А. Мироедова, экономическая категория «качество жизни населения» может быть определена как «сформировавшаяся в массовом сознании обобщённая оценка совокупности характеристик условий жизни населения» [10]. В конечном счёте, категорию «качество жизни» он сводит к следующим семи интегральным свойствам: 1) качество населения, 2) благосостояние, 3) условия жизни населения, 4) информируемость населения, 5) социальная безопасность, 6) качество окружающей среды, 7) природно-климатические условия.

Понятие «качество жизни населения» содержит в себе взаимоисключающие моменты: интенсивность и количество производительного труда, обеспечивающего удовлетворение всевозрастающих потребностей людей, с одной стороны, и минимизация вследствие этого количества

свободного времени у граждан, с другой стороны. Возникнув в связи с вопросами охраны окружающей среды, здоровья людей и обновления городов, проблема качества жизни приобрела затем более общее смысловое значение, включающее проблему целей и ценностей общества. В этом контексте исследовалась возможность интеграции в данное понятие таких ценностей, как свобода, демократия, равенство, права человека, ответственность, а также измерений такой интегрированности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень жизни населения характеризуется прежде всего степенью величины потребления конкретных благ, обеспеченности различными услугами и значимостью удовлетворения населения духовными ценностями. Понятие «качество жизни» указывает прежде всего на совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих жизнь представителей различных социально-демографических групп и населения в целом. Качество жизни следует отличать от терминологически и содержательно близкого понятия уровня жизни. Главное отличие между ними – в объёмах понятий. Уровень жизни – показатель, отражающий благосостояние населения, сконцентрирован, на подсчёте объёма доходов граждан и степени удовлетворения базовых потребностей (еда, одежда, жильё, лекарства и т.д.). Фактически он является производным показателем экономического развития. В сравнении с ним качество жизни – гораздо более широкий показатель, включающий в себя оценку благосостояния в числе прочих критериев качества жизни, но также учитывающий и ещё целый ряд показателей удовлетворения разного рода потребностей (здравоохранение, социальное обеспечение, транспорт, связь и коммуникации, обеспеченность учреждениями культуры и т.д.).

Литература

1. Башкатов Б.И. Уровень жизни населения/ Б.И. Башкатов // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 /Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю.Семигин; Главный редактор В.Н.Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 686-688.

2. Брагин И.Ф. Статистические методы и приёмы изучение уровня жизни населения РФ/ И.Ф. Брагин // Сайт социальная статистика: исследования и публикации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soustat.ru/?p=37750>

3. В Приморском крае снижается уровень безработицы // Приморская газета 2010. 12 августа URL <http://primgazeta.ru/news/2010-08-12-v-primorskom-krae.htm> [Дата обращения: 20.10.12].

4. В Приморье снижается задолженность по выплате заработной платы // Официальный сайт Приморского края. [Электронный ресурс]. URL <http://www.primorsky.ru/press-release/2504> [Дата обращения: 20.10.12].

5. Верба А.И. Статистические методы анализа расходов населения/ А.И. Верба // Сайт Проректор. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prorektor.ru/planv.php?id=V2541> [Дата обращения: 15.05.12].

6. Жуков В.И. Российские реформы: социология, экономика, политика. М.: РИД ИСПИ РАН, 2002. 508 с.

7. Индекс качества жизни регионов России: методология и методика оценки: отчёт о НИР / Лаборатория математических методов политического

анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова Института региональной информации М., 2010. 19 с.

8. Капицын В.М. Качество жизни / В.М.Капицын // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 /Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 427-428.

9. Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. 2007, № 2. С.28-37.

10. Мироедов А.А. К оценке качества жизни населения среднего класса России / Инвестиции и доверительное управление, фондовый рынок и недвижимость, ПИФы, банки. Как лучше сохранить и приумножить ваши капиталы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evrodol.ru/vladimir/vladimir_39.htm [Дата обращения: 16.04.11].

11. О заработной плате работающих Приморского края // Официальный сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primstat.ru/news/newdoc/dox0812p.htm> [Дата обращения: 20.10.12].

12. Основные показатели экологической обстановки и Природоохранной работы // Сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Карачаево-черкесской республике публикации. [Электронный ресурс]. URL: http://kchrstat.gks.ru/digital/region6/DocLib/pokazatel_6_1.doc; <http://kchrstat.gks.ru/digital/region6/operativinfo/eklog.doc> [Дата обращения: 16.04.11].

13. Проблемы социально-экономического развития России: доклад института статистики и экономических исследований Госкомстата России / Международная научная конференция "Воспроизводство населения, миграция и занятость населения в Российской Федерации в период 2000-2010 гг." М.: Информационно-издательский центр Госкомстата России. 2010. 24 с.

14. Рынок труда и занятость населения // Официальный сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primstat.ru/digital/region9/default.aspx> [Дата обращения: 20.10.12].

15. Савелов А.Н. Понятие и система показателей жизненного уровня населения / Сайт социальная статистика: исследования и публикации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econom.ru/13404-2010-09-05-15-24-11> [Дата обращения: 16.04.11].

16. Сергеев А.Г. Качество жизни в России и обучение качеству во Владивостокском регионе / Инвестиции и доверительное управление, фондовый рынок и недвижимость, ПИФы, банки. Как лучше сохранить и приумножить ваши капиталы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.evrodol.ru/vladimir/vladimir_41.htm [Дата обращения: 15.05.12].

17. Социальная статистика: Учебник / Под ред. чл.-кор. РАН И.И.Елисейевой. 2-е изд., доп. М.: Финансы и статистика, 1999. 416 с.

18. Ткачев А.Н., Луценко Е.В. Качество жизни населения как интегральный критерий оценки эффективности деятельности региональной администрации // Научный журнал КубГАУ. 2004, № 2 (4) С. 125-138.

19. Tauber E. Качество жизни / E. Tauber // Социология: Энциклопедия/ Сост. А.А. Грицанов, В.Л.Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н.Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 417.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bashkatov B.I. Uroven' zhizninaseleniya / B.I. Bashkatov // Sotsiologicheskaya ehntsiklopediya: V 2 t. T. 2 / Natsional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond / Rukovoditel'

nauchnogo proekta G.YU.Semigin; Glavnyj redaktor V.N.Ivanov. M.: Mysl', 2003. S. 686-688.

2. Bragin I.F. Statisticheskie metody i priyomy izuchenie urovnya zhizni naseleniya RF / I.F. Bragin // Sajt sotsial'naya statistika: issledovaniya i publikatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.soustat.ru/?p=37750>

3. V Primorskom krae snizhaetsya uroven' bezrabotitsy // Primorskaya gazeta 2010. 12 avgusta URL <http://primgazeta.ru/news/2010-08-12-v-primorskom-krae.htm> [Data obrashheniya: 20.10.12].

4. V Primor'e snizhaetsya zadolzhennost' po vyplate zarabotnoj platy // Ofitsial'nyj sajt Primorskogo kraja. [EHlektronnyj resurs]. URL <http://www.primorsky.ru/press-release/2504> [Data obrashheniya: 20.10.12].

5. Verba A.I. Ctatisticheskie metody analiza raskhodov naseleniya / A.I. Verba // Sajt Prorektor. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.prorektor.ru/planv.php?id=V2541> [Data obrashheniya: 15.05.12].

6. Zhukov V.I. Rossijskie reformy: sotsiologiya, ehkonomika, politika. M.: RID ISPI RAN, 2002. 508 s.

7. Indeks kachestva zhizni regionov Rossii: metodologiya i metodika otsenki: otchyot o NIR / Laboratoriya matematicheskikh metodov politicheskogo analiza i prognozirovaniya fakul'teta politologii MGU im. M.V.Lomonosova Instituta regional'noj informatsii M., 2010. 19 s.

8. Kapitsyn V.M. Kachestvo zhizni / V.M.Kapitsyn // Sotsiologicheskaya ehntsiklopediya: V 2 t. T. 1 /Natsional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond / Rukovoditel' nauchnogo proekta G.YU. Semigin; Glavnyj redaktor V.N. Ivanov. M.: Mysl', 2003. S. 427-428.

9. Malikov N.S. K voprosu o sodержanii ponyatiya «kachestvo zhizni» i ego izmereniyu // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2007, № 2. S.28-37.

10. Miroedov A.A. K otsenke kachestva zhizni naseleniya srednego klassa Rossii / Investitsii i doveritel'noe upravlenie, fondovyy rynek i nedvizhimost', PIFy, banki. Kak luchshe sokhranit' i priumnozhit' vashi kapitaly. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.evrodol.ru/vladimir/vladimir_39.htm [Data obrashheniya: 16.04.11].

11. O zarabotnoj plate rabotayushhikh Primorskogo kraja // Ofitsial'nyj sajt Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu krayu. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.primstat.ru/news/newsdoc/dox0812p.htm> [Data obrashheniya: 20.10.12].

12. Osnovnye pokazateli ehkologicheskoy obstanovki i Prirodookhrannoj raboty // Sajt Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Karachaevo-cherkesskoj respublike publikatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://kchrstat.gks.ru/digital/region6/DocLib/pokazatel_6_1.doc; <http://kchrstat.gks.ru/digital/region6/operativinfo/eklog.doc> [Data obrashheniya: 16.04.11].

13. Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii: doklad instituta statistiki i ehkonomicheskikh issledovaniy Goskomstata Rossii / Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Vosproizvodstvo naseleniya, migratsiya i zanyatost' naseleniya v Rossijskoj Fezhderatsii v period 2000-2010 gg." M.: Informatsionno-izdatel'skij tsentr Goskomstata Rossii. 2010. 24 s.

14. Rynek truda i zanyatost' naseleniya // Ofitsial'nyj sajt Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gossudarstvennoj statistiki po Primorskomu krayu. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.primstat.ru/digital/region9/default.aspx> [Data obrashheniya: 20.10.12].

15. Savelov A.N. Ponyatie i sistema pokazatelej zhiznennogo urovnya naseleniya / Sajt sotsial'naya statistika: issledovaniya i publikatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.econom.ru/13404-2010-09-05-15-24-11> [Data obrashheniya: 16.04.11].

16. Sergeev A.G. Kachestvo zhizni v Rossii i obuchenie kachestvu vo Vladimirskom regione / Investitsii i doveritel'noe upravlenie, fondovyy rynek i nedvizhimost', PIFy, banki. Kak luchshe sokhranit' i priumnozhit' vashi kapitaly. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.evrodol.ru/vladimir/vladimir_41.htm [Data obrashheniya: 15.05.12].

17. Sotsial'naya statistika: Uchebnik / Pod red. chl.-kor. RAN I.I.Eliseevoj. 2-e izd., dop. M.: Finansy i statistika, 1999. 416 s.
18. Tkachev A.N., Lutsenko E.V. Kachestvo zhizni naseleniya kak integral'nyj kriterij otsenki ehffektivnosti deyatel'nosti regional'noj administratsii // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2004, № 2 (4) С. 125-138.
19. Tauber E. Kachestvo zhizni / E. Tauber // Sotsiologiya: EHntsiklopediya / Sost. A.A. Gritsanov, V.L.Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N.Sokolova, O.V. Tereshhenko. Minsk: Knizhnyj Dom, 2003. С. 417.

УДК 94(100-87)

Лухарев Д.В.
Likharev D.V.

**Англо-французское соглашение
по морским вооружениям 1928 г.:
последний антиамериканский шаг Великобритании**

**Anglo-French agreement on naval armaments in 1928:
the last anti-American step of the UK**

1920-е гг. стали свидетелями острого англо-американского соперничества в области морских вооружений. Президент Кулидж полагал, что в распоряжении Соединённых Штатов имеется достаточно рычагов, чтобы принудить Великобританию отказаться от своего военно-морского превосходства. Однако это только укрепляло решимость англичан не уступать дипломатическому шантажу. Англо-французское соглашение по морским вооружениям 1928 г. стало британским ответом на американское давление.

Ключевые слова: *морские вооружения, стратегия, дипломатия, военно-морское соперничество*

1920-s became witnesses of sharp Anglo-American naval rivalry. President Coolidge believed that the United States had enough means for forcing Britain to concede her naval supremacy. This resulted only in British determination not to buckle under such diplomatic blackmail. The Anglo-French Naval Compromise of 1928 was the British answer to the American Pressure.

Key words: *naval armaments, strategy, diplomacy, naval rivalry*

1920-е гг. стали свидетелями серьёзного обострения отношений между Великобританией и Соединёнными Штатами. Главная проблема заключалась в военно-морском соперничестве двух англосаксонских держав, когда встал вопрос о том, кто будет господствовать на морях в послевоенном мире. Уничтожение германского флота в 1916 г. полностью изменило соотношение сил и формулу распределения морской мощи в мире. Таким образом, двум сильнейшим морским державам пришлось устанавливать новое геополитическое равновесие. В конечном итоге проблема была разрешена дипломатическим путём. После Первой мировой войны в распоряжении США оказалось достаточно рычагов давления, используя которые, они смогли принудить Великобританию признать свои притязания на паритет в морских вооружениях. Однако «владычица морей», со своей стороны, также предприняла ряд шагов, направленных на то, чтобы удержаться в своих ослабевших руках ускользающий «трезубец

Нептуна». Одной из таких попыток противопоставить что-либо заокеанскому гиганту стал англо-французский морской компромисс 1928 г.

В отечественной историографии эта дипломатическая акция английского правительства впервые получила освещение в статьях морских офицеров А.А. Ловягина и В.Е. Егорьева (писавшего под псевдонимом Всегов), опубликованных в 9-м и 10-м номерах «Морского сборника» за 1928 г. [1; 3]. Поскольку эти работы писались по горячим следам событий, их авторы не удержались от поспешных выводов и далеко идущих прогнозов, которые в дальнейшем не подтвердились. С тех пор этот сюжет ни разу не привлекал внимания отечественных англоведов или военно-морских историков. Данная статья имеет целью заполнить существующий пробел на основе зарубежных публикаций дипломатических документов, материалов прессы и публицистики того времени, а также с учётом данных новейших англоязычных исследований.

Итак, каковы были цели данного дипломатического демарша, вошедшего в историю под названием англо-французского компромисса 1928 г.? Немногие соглашения в истории дипломатии получили столь противоречивые оценки современников и последующих историков, как это детище Остина Чемберлена. Начнём с того, что англо-французский морской компромисс явился для всех полнейшей неожиданностью. «В начале 1928 г. ничто не казалось такой далёкой перспективой, как соглашение между Францией и Великобританией по поводу контроля над вооружениями» [6, p. 143; 9, p. 831]. По окончании Первой мировой войны, на протяжении всех послевоенных лет вплоть до 1928 г. Франция и Великобритания демонстрировали полную несовместимость своих взглядов на эту проблему. В области сухопутных вооружений, например, Франция вместе со своими восточноевропейскими союзниками настаивала на сохранении всеобщей воинской повинности, тогда как Великобритания на всех конференциях и в Лиге Наций выступала за её запрещение.

Ещё более фундаментальная разница в подходах двух стран имела место в отношении морских вооружений. Великобритания стремилась к ограничению морских вооружений путём установления лимитов тоннажа по отдельным классам боевых кораблей, в то время как Франция предпочитала установить предел только для суммарного тоннажа всего флота, независимо от категорий кораблей [6, p.143]. Метод, предлагаемый французами, дал бы им возможность сосредоточить свои ограниченные ресурсы на создании тех видов морских вооружений, которые представляли собой наибольшую угрозу для флотов крупнейших морских держав - Великобритании, Соединённых Штатов и Японии. Их протяжённые океанские коммуникации требовали значительно количества крупных надводных кораблей. Франция же стремилась к созданию мощного подводного флота, в то время как Англия вообще настаивала на запрещении строительства подводных лодок.

Исходя из этой ситуации, легко понять удивление дипломатов и военных Европы и Америки достижением летом 1928 г. соглашения между этими двумя странами, получившего название англо-французского компромисса по ограничению вооружений. Нас будет интересовать только та часть договорённости, которая касалась морских вооружений. Согласно проекту англо-французского соглашения ограничению подлежали: 1) линейные корабли, водоизмещением свыше 10 тыс. т., вооружённые орудиями калибром более 203 мм; 2) авианосцы, водоизмещением более 10 тыс. т.; 3) военные надводные корабли, водоизмещением менее 10 тыс. т., вооружённые артиллерией калибром от 152 до 203 мм; 4) океанские подводные лодки, т.е. подводные лодки, водоизмещением более 600 т. [7, p.780].

Таким образом, это соглашение оставляло без ограничения строительство лёгких крейсеров, эскадренных миноносцев и малых подводных лодок.

30 – 31 июля 1928 г. содержание англо-французского морского компромисса было сообщено английским и французским правительствами через их послов американскому, японскому и итальянскому правительствам, которым предложили принять компромисс в качестве образца ограничения морских вооружений [7, p. 780]. В прессе содержание англо-французского проекта долгое время не публиковалось.

Ответ правительства США на англо-французский проект последовал только 28 сентября. Администрация К. Кулиджа наотрез отказалась признавать эту договорённость [11, p. 265]. Другой реакции со стороны США и не могло быть. Англо-французский проект не только ограничивал те классы боевых кораблей, в которых Соединённые Штаты были заинтересованы в наибольшей степени, и оставлял неограниченными классы боевых кораблей, выгодных для Франции и Великобритании. Этот проект, по сути дела, перечёркивал прежние соглашения по морским вооружениям, достигнутые на Вашингтонской конференции 1921 – 1922 гг. Содержание англо-французского морского компромисса вызвало также чрезвычайное недовольство в политических и военно-морских кругах Италии. Эта страна заявила свой протест ещё раньше Соединённых Штатов [7, p. 856; 11, p. 280].

Последствие англо-французского морского компромисса стало резкое ухудшение англо-американских отношений. В прессе обеих стран всё чаще стали раздаваться голоса о возможности и даже неизбежности грядущего конфликта между двумя англосаксонскими державами. 11 ноября 1928 г., в десятую годовщину перемирия, завершившего Первую мировую войну, президент Кулидж произнёс речь на собрании Американского легиона, ставшую политической сенсацией. Выступление президента было преисполнено необычайного шовинизма. Кулидж подчеркнул необходимость военных приготовлений, оправдывая их моральными соображениями, и сделал ряд выпадов против англо-французского морского соглашения [13]. В сущности, уже несколько дней спустя после получения известия об англо-французском морском компромиссе президент Кулидж и его госсекретарь Ф.Б. Келлог пришли к выводу, что «лучшим ответом» англичанам должно стать «скорейшее принятие Билля о военно-морском строительстве» [8, p. 90].

Крейсерский билль прошёл через сенат 5 февраля 1929 г. 69 голосами против 12, и стал законом после подписания его президентом Кулиджем [2, с. 78]. Таким образом, англо-американское морское соперничество вступило в стадию крайнего обострения. Оно проявилось не только в форме соревнования в строительстве крейсеров, но и в противопоставлении друг другу диаметрально противоположных доктрин морской политики, отражавших коренные противоречия обеих держав в этом вопросе.

Поводом для всплеска антианглийской пропаганды в Соединённых Штатах и конкретных шагов по расширению программы военно-морского строительства послужило не только и не столько содержание англо-французского проекта по сокращению морских вооружений. Положение, на наш взгляд, осложнялось ещё и тем фактом, что некоторые весьма авторитетные английские публицисты того времени были склонны вкладывать в англо-французский морской компромисс такой смысл, который, по всей видимости, не имели в виду его авторы

Известный английский специалист по военно-морским вопросам отставной капитан-лейтенант Дж. М. Кенуорти узрел в этом соглашении возобновление Антанты, продолжение традиционной английской

политики создания блоков против той державы, которая угрожала её гегемонии. Кенуорти утверждал, что Великобритания собирается использовать Францию против Соединённых Штатов так же, как она уже однажды использовала её против Германии. Соображения Кенуорти до широкой публики донесла немецкая газета «Берлинер Тагеблат» [5]. Эта публикация вызвала большое беспокойство и раздражение не только в Соединённых Штатах, но в Германии. Признание Англией французских претензий в области сухопутных вооружений затрагивало интересы безопасности Веймарской республики самым существенным образом. Обеспокоенность Вашингтона и Берлина становится вполне понятной, если вспомнить, что Дж. М. Кенуорти был не просто военно-морским обозревателем, но и депутатом британского парламента.

Но, пожалуй, самые далеко идущие оценки англо-французского морского компромисса содержались в большой редакционной статье декабрьского номера журнала «Раунд Тэйбл» за 1928 г., называвшейся «Призыв к независимой внешней политике». В статье утверждалось, что «англо-французский морской компромисс представляет собой новую ориентацию британской внешней политики и завершение военной и морской Антанты с Францией ... Морской компромисс даёт понять Соединённым Штатам, что все их прежние договорённости с Англией о паритете в морских вооружениях теряют свой смысл, поскольку будут аннулированы англо-французской морской Антантой, а если они хотят паритета, то им придётся строить флот двухдержавного стандарта» (т.е., равный английскому и французскому флотам вместе взятым. Д.Л.) [4, p. 19].

12 декабря 1928 г. У. Черчилль представил кабинету меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Без сомнения, правильно в интересах мира говорить, что война с Соединёнными Штатами «невообразима». Каждый знает, что это не так. Какой бы безумной и разрушительной такая война ни была, именно, исходя из её возможности, велись переговоры в Женеве (Черчилль имел в виду Женевскую морскую конференцию трёх держав 1927 г. – Д.Л.). Мы не можем отдавать себя во власть Соединённых Штатов. Мы не можем предвидеть, что они сделают, если в один прекрасный день они смогут отдавать нам распоряжения о нашей политике в Индии или в Египте, или ещё где-нибудь. Я бы не доверил Америке командовать, а Англии подчиняться» [7, p. 857-858]. Антиамериканская пропаганда в Англии достигла своего апогея. «Некоторые официальные лица из министерства иностранных дел чувствовали себя очень неловко, не смея за завтраком смотреть в глаза своим жёнам-американкам» [14, p. 59].

Однако наиболее дальновидные и здравомыслящие политики и журналисты в Великобритании склонны были рассматривать это соглашение совсем по-другому. 20 июня 1928 г., т.е. более чем за месяц до опубликования содержания англо-французского проекта, заместитель министра иностранных дел Великобритании В.Уэллести представил кабинету министров меморандум, в котором предупреждал: «Если мы всё же заключим предлагаемое соглашение с Францией, ... мы окончательно убьём всякую надежду на соглашение с Соединёнными Штатами» [7, p. 711]. Р.Л. Крэйги также настаивал на нецелесообразности этого соглашения: «С самого начала такая политика, без сомнения, послужит обострению существующей напряжённости в англо-американских отношениях. Этого мы себе позволить не можем» [7, p. 833]. После опубликования протестов Италии и США против англо-французского морского компромисса, Р. Кэмпбелл считал ситуацию, в которую попала Великобритания, крайне неблагоприятной: «В условиях положения, созданного американским и итальянским отказом признать англо-французский

компромисс, мы должны ясно представлять себе не только, что мы хотим сделать, но и что мы можем сделать. Наши возможности очень ограничены» [7, p. 847].

В Адмиралтействе также были недовольны англо-французским соглашением по морским вооружениям. Первый морской лорд Ч. Мэдден представил О. Чемберлену докладную записку, в которой излагалась позиция адмиралов по этому вопросу. «В Адмиралтействе полагают, что мы будем иметь шаткую позицию, если заключим соглашение с Францией. Если последнее вызовет действительно серьёзное сопротивление со стороны Америки и Италии, то нам придётся заключить тесный союз с Францией против этих двух стран на таких условиях, которые нам потом очень трудно будет оправдать» [6, p. 147]. Для того, чтобы понять причины оппозиции в британских военно-морских кругах, следует также иметь в виду, что содержание окончательного варианта военно-морского компромисса с Францией в значительной степени отличалось от того первоначального проекта, с которым англичане начали переговоры в марте. Великобритании пришлось поступиться значительной частью своих условий. Тем не менее, 28 июля англо-французский морской компромисс стал реальностью. Часть английских газетчиков, в том числе редакторы некоторых солидных периодических изданий, склонны были смотреть на англо-французскую договорённость по ограничению вооружений как на последнее средство огромной глупости со стороны английских руководителей внешней политики [9; 12].

Какую же оценку англо-французскому морскому компромиссу может дать современный исследователь, рассматривая его в ретроспективе, спустя восемь десятилетий после этих событий? Со стороны Франции этот шаг вполне понятен. Она стремилась добиться дипломатической изоляции Италии и, ратифицировав этот документ, Франция практически ничего не теряла. Положение Великобритании в данном случае было совершенно другим. Поэтому понятно то удивление, которое вызвал этот шаг с её стороны у наиболее дальновидных политиков, как в Англии, так и на континенте.

В конце 20-х гг. Великобритания уже не могла проводить свою морскую политику вполне самостоятельно, т.е. без оглядки на Вашингтон. Вся морская политика Великобритании после Первой мировой войны представляла собой сплошную цепь уступок Соединённым Штатам: вначале отказ от двухдержавного стандарта, затем отказ от англо-японского союза и, наконец, признание паритета с США по линейным кораблям и авианосцам.

Несомненно, что одной из причин, толкнувших Великобританию в объятия Франции, был провал Женевской морской конференции 1927 г. В таком случае англо-французский морской компромисс следует рассматривать как первую и единственную попытку англичан на протяжении 20-х гг. покончить с политикой уступок Соединённым Штатам. Английский исследователь этой проблемы Д. Карлтон ставит вопрос таким образом: «Был ли предпринят этот шаг англичанами намеренно или он явился скорее результатом недалёковидной, плохо продуманной дипломатии?» [6, p. 144]. Нам представляется такая постановка вопроса не вполне правомерной, поскольку англо-французский морской компромисс являлся одновременно и тем, и другим. Этот дипломатический шаг был намеренным, поскольку Чемберлен и другие участники переговоров отдавали отчёт в своих действиях и с его помощью намеревались достичь определённых целей. Более того, эта дипломатическая акция отразила устремления определённой группировки антиамерикански настроенных английских политиков и военных. И в то же время, этот шаг оказался не продуманным, поскольку не учитывал новой международной ситуации.

Проводить морскую политику, идущую вразрез с интересами Вашингтона, Англия уже не могла. Жёсткая реакция Соединённых Штатов заставила англичан отказаться от этого соглашения. Морской компромисс не только поссорил Лондон с Вашингтоном и Римом. Признание британским кабинетом права Франции и её восточноевропейских союзников на сохранение всеобщей воинской повинности в мирное время повлекло за собой ухудшение отношений с Германией [6, p.151].

С любой точки зрения англо-французский морской компромисс 1928 г. следует рассматривать как одну из крупнейших неудач британской дипломатии межвоенного периода. Провал этой дипломатической акции вслед за фиаско Женевской морской конференции 1927 г. явился также одной из главных причин падения консервативного кабинета в 1929 г.

Литература

1. Всегов Е. Англо-французский морской компромисс и ограничение морских вооружений. Морской сборник. 1928. № 9. С. 111-129.
2. Иванов Л.Н. Морская политика и дипломатия империалистических держав. М.: Наука, 1964. 444 с.
3. Ловягин А. Рецидив англо-французской морской антанты. Морской сборник. 1928. № 10. С. 83-96.
4. A Plea for Independent Foreign Policy. The Round Table. December 1928. Vol. XXVIII. № 73. P. 1-25.
5. Berliner Tageblatt. 22.IX.1928.
6. Carlton D. The Anglo-French Compromise on Arms Limitation 1928. Journal of British Studies. May 1969. Vol. VIII. № 2. P. 141-163.
7. Documents on British Foreign Policy. 1919 – 1939. Ser. 1a. Vol. 5. London: H/M/Stationary Office, 1973. LXIII, 928 p.
8. Fanning R.W. Peace and Disarmament. Naval Rivalry and Arms Control. 1922 - 1933. Lexington: Kentucky Univ. Press, 1995. 290 p.
9. Literary Digest. 22.IX.1928.
10. McKercher B.J.C. "A Certain Irritation": the White House, the State Department and the Desire for a Naval Settlement with Great Britain. 1927 - 1930. Diplomatic History/ November 2007. Vol. 31. P. 829-863.
11. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1928. Vol. 1. Washington: Government Printing Office, 1942. CXXII, 1057 p.
12. The Nation and Athenaem. 27.IX.1928.
13. The New York Times. 12.XI.1928.
14. Watt D.C. Succeeding John Bull. America in Britain`s Place. 1900 – 1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. XII, 302 p.
15. Watt D.C. Succeeding John Bull. America in Britain`s Place. 1900 – 1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. XII, 302 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vsegov E. Anglo-frantsuzskij morskoy kompromiss i ogranichenie morskikh vooruzhenij. Morskoy sbornik. 1928. № 9. S. 111-129.
2. Ivanov L.N. Morskaya politika i diplomatiya imperialisticheskikh derzhav. M.: Nauka, 1964. 444 s.
3. Lovyagin A. Retsidiv anglo-frantsuzskoj morskoy antanty. Morskoy sbornik. 1928. № 10. S. 83-96.
4. A Plea for Independent Foreign Policy. The Round Table. December 1928. Vol. XXVIII. № 73. R. 1-25.
5. Berliner Tageblatt. 22.IX.1928.
6. Carlton D. The Anglo-French Compromise on Arms Limitation 1928. Journal of British Studies. May 1969. Vol. VIII. № 2. R. 141-163.
7. Documents on British Foreign Policy. 1919 – 1939. Ser. 1a. Vol. 5. London: H/M/Stationary Office, 1973. LXIII, 928 p.
8. Fanning R.W. Peace and Disarmament. Naval Rivalry and Arms Control. 1922 - 1933. Lexington: Kentucky Univ. Press, 1995. 290 p.
9. Literary Digest. 22.IX.1928.
10. McKercher B.J.C. "A Certain Irritation": the White House, the State Department and the Desire for a Naval Settlement with Great Britain. 1927 - 1930. Diplomatic History/ November 2007. Vol. 31. P. 829-863.
11. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1928. Vol. 1. Washington: Government Printing Office, 1942. CXXII, 1057 p.
12. The Nation and Athenaem. 27.IX.1928.
13. The New York Times. 12.XI.1928.
14. Watt D.C. Succeeding John Bull. America in Britain`s Place. 1900 – 1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. XII, 302 p.
15. Watt D.C. Succeeding John Bull. America in Britain`s Place. 1900 – 1975. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. XII, 302 p.

УДК 32.019.5(571:73):94(73)''19''

Тихий К.Т.
Tikhij K.T.**Пролог «большой чистки». (Убийство С.М. Кирова
и мнение американских дипломатов)****The Prologue of "Great Purges".
(Kirov's Murder and the Opinion of American Diplomats)**

Представленная работа посвящена анализу проблем формирования отношения официального американского истеблишмента в лице дипломатов к началу массовых политических репрессий в Советском Союзе в 1934-1936 гг. Даны оценки и перспективы данного явления.

Ключевые слова: американское общественное мнение, политические преследования в СССР, американская дипломатия, образ СССР в США в середине 1930-х гг.

The submitted work is devoted to the analysis of the attitude of the American diplomats to the beginning of the mass political trials at the mid of the 1930', and future anticommunist tensions in the transition in Soviet-American relationships. The author stresses the psychological effect of the purges on the US diplomats.

Key words: American diplomatic service, soviet political purges, American public opinion

В 30-е гг. террор и репрессии во внутренней жизни Советского государства были камнем преткновения в отношении к нему ведущих политических сил и широкой общественности стран Запада. Их могли отчасти понять и оправдать в военное время, когда ставкой была национальная независимость и требовалась монолитная сплочённость всего общества. Но в мирное время, при отсутствии внешней опасности, насилие репрессивных органов государства в отношении гражданского населения воспринималось совершенно иначе.

Политический террор в Стране Советов с разной степенью интенсивности не прекращался со времени Октябрьской революции. Но отношение к нему со стороны американцев было неоднозначным. Террор во время революции и гражданской войны в России воспринимался хоть и с сожалением, но с пониманием. Многие современники ещё помнили события Гражданской войны в США (1861 – 1865 гг.), во время которой погибло больше американцев, чем за две мировые войны. Борьба Советской власти с эсерами и меньшевиками, за исключением небольшой горстки интеллектуалов, осталась вне поля зрения американского общества. Соединённые Штаты вступали в фазу интенсивного экономического развития, и рядовых обывателей события за рубежом, в том числе и в России, мало интересовали. По этим же причинам незамеченными ока-

ТИХИЙ Константин Теодорович, д.и.н., профессор кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета (г. Уссурийск). E-mail: Kontih@mail.ru

зались те методы, которые использовало советское руководство в борьбе с троцкистами. Более того, обозреватели за океаном с облегчением констатировали, что с политической гибелью Троцкого и его сподвижников, вероятно, уйдёт в прошлое идея «перманентной революции».

Таким же образом, в целом, прореагировало американское общество и на политические преследования во время коллективизации и раскулачивания. Эти репрессии не стали откровением для Запада. В начале 30-х гг. во многих странах прошли кампании, осудившие использование в СССР принудительного труда заключённых, выдвигались требования бойкота советских товаров. Однако эти акции политических последствий не имели. Большая часть мировой общественности расценивала их как провокационные [2, с. 100].

За такую ситуацию значительную долю ответственности несут левые интеллектуалы, которые широко распространяли в Соединённых Штатах мысль об уникальности советской «социальной инженерии», которая якобы позволит в ближайшее время избавить советский народ от рецидивов прежней несправедливой социальной системы. В «пережитках прошлого» оказались «кулаки» и «подкулачники», которых якобы пытались «перевоспитать» в сталинских лагерях. В либеральных изданиях США нередко появлялись статьи журналистов, в которых восхвалялись новшества и достоинства советской пенитенциарной системы. Таким образом, о масштабах политических репрессий в Советском Союзе в 20-е гг. средний американец мог лишь догадываться. Его больше интересовало собственное материальное благополучие и мало беспокоило то, что происходит за пределами Америки. Заметим, что это в основном не касалось политического истеблишмента США, который придерживался противоположных позиций.

Экономический кризис (1929 – 1933 гг.), реформистский «новый курс» Ф.Д.Рузвельта, вызвал серьёзные подвижки в общественном сознании американцев. Впервые масштабно встал вопрос о пределах вмешательства государства в частную жизнь граждан в интересах всех слоёв населения, насколько далеко можно поступиться политическими, гражданскими правами ради экономического оздоровления и социальных реформ. Экономический кризис и надежды на возможный выход из него за счёт торгово-экономических отношений с СССР, рост агрессивных сил в Европе и на Дальнем Востоке побудили американское правительство в ноябре 1933 г. пойти на признание СССР. Это привело к возможности расширения связей между двумя странами.

Однако надежды американцев на взаимовыгодное сотрудничество в скором времени исчезли. Нерешённость проблемы российского государственного долга Соединённым Штатам привела к явной стагнации и даже к сокращению товарооборота между странами. Было очевидным нежелание правительства США участвовать в коллективных усилиях по поддержанию международной безопасности. Наконец, негативное воздействие на американскую общественность произвела очередная волна политических репрессий в Советском Союзе вскоре после убийства С.М. Кирова.

Одним из каналов поступления официальной (помимо журналистов) информации об этих процессах за океан служило американское посольство. Конечно, в силу своего дипломатического статуса, работники посольства старались воздерживаться от публичных комментариев. Но это не мешало им делиться своими впечатлениями о процессах в частных беседах с коллегами и журналистами. На основе внутриведомственной и частной дипломатической переписки, в правительстве и госдепартаменте США формировалось представление о *причинах, целях и масштабах* начавшейся в середине 1930-х гг. новой волны репрессий в СССР.

На 1 июля 1934 г. американское посольство в Москве состояло из советника Дж. Уайли, второго секретаря Л. Гендерсона, третьих секретарей Дж. Кеннана, Ч. Болена, Б. Кунихолма. Военная миссия была представлена тремя специалистами, включая военного атташе майора Ф. Фейнмонвилла. Консульский отдел насчитывал 4 сотрудника. Возглавлял посольство Уильям К. Буллит [4, с. 39-44]. Большинство из них не питало никаких иллюзий в отношении советского режима.

Некоторые молодые дипломаты (Дж.Кеннан и Ч.Болен) ещё во время пребывания в составе американской миссии в Риге поддерживали тесные контакты с русскими белоэмигрантскими кругами в Прибалтике. Разработанная в 1928 г. госдепартаментом специальная программа подготовки специалистов по России предусматривала изучение русского языка, русской культуры, а также огромного количества литературы, поступавшей из Советского Союза о жизни страны, деятельности Коминтерна, внешнеполитических контактах СССР с другими странами. Как вспоминал позже Ч.Болен, нередко эта литература была написана с откровенно антикоммунистических позиций [5, р. 10-11].

Некоторым исключением из этой когорты дипломатов был первый американский посол У.Буллит. В период подготовки Парижской мирной конференции (1919 г.) он встречался с В.И.Лениным. Накануне 1933 г. он искренне верил в возможность дружественных отношений с Советским Союзом. Но вскоре его амбиции и претензии на роль главного действующего лица в развитии советско-американских отношений, более тесное с советской бюрократией привели дипломата в лагерь последовательных критиков сталинизма.

1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит первый секретарь областного комитета ВКП(б) С.М. Киров. Члены американского посольства были встревожены смертью Кирова, которого рассматривали как «одного из наиболее умеренных и способных советских руководителей» [8, р. 427]. Реакция официальных властей последовала незамедлительно. Однако сообщения в советской прессе о расстреле 103 «польских белогвардейцев» не убедили дипломатов в том, что казнённые, которые, очевидно, уже несколько лет находились в тюрьме, могли иметь какое-либо отношение к убийству Кирова.

Первое, что обращало на себя внимание сотрудников посольства – замешательство советской прессы в попытке определить участников покушения. Некоторые журналисты обвиняли в убийстве бывших белогвардейцев и контрреволюционеров, живших в Ленинграде. Другие возлагали ответственность на группы террористов, которые якобы проникли с территорий Латвии, Польши и Эстонии. Третьи указывали на Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других бывших сторонников Л.Д. Троцкого как на участников заговора.

Лишённым достоверной информации, сотрудникам посольства приходилось лишь гадать о причинах покушения. В некоторых дипломатических представительствах в Москве отчасти разделяли слухи о том, что убийство видного советского и партийного деятеля могло представлять собой своеобразную атаку левого крыла коммунистов на сталинское руководство. У левых могли быть основания для недовольства растущим разрывом в политическом и экономическом положении так называемой «новой интеллигенции» и рядовых рабочих и крестьян. Их также мог не устраивать внешнеполитический курс Сталина на сотрудничество с капиталистическими государствами.

В американском посольстве изначально преобладала точка зрения, что Киров был убит Николаевым по причинам личного характера [6, р. 118-121; 8, р. 429]. Дипломаты, по признанию Ч.Болена, с самого начала с подозрением относились к официальным сообщениям о суще-

ствовании «контрреволюционной террористической группы» [5, p. 43].

Ещё более неопределённой для них с самого начала представлялась роль НКВД в этих событиях. Лишь спустя значительное время дипломатам стали известны факты, указывавшие на то, что убийство могло быть спланировано лично Сталиным для того, чтобы избавиться от опасного соперника и одновременно обеспечить предлог для уничтожения явной и тайной оппозиции.

Так, например, американцы отмечали, что все сотрудники НКВД, (включая наркома НКВД Г. Ягоду), отвечавшие за охрану Кирова, которые могли быть прямо или косвенно осведомлены о соучастии Сталина, были впоследствии устранены. То обстоятельство, что постановление ЦИК, определявшее круг ответственных за покушение, было опубликовано почти сразу после преступления, также рассматривалось как свидетельство того, что убийство было тщательно спланировано заранее. Кроме того, едва ли было случайно, что секретарь ЦИК А. Енукидзе, который готовил проект постановления, стал одной из первых жертв политических репрессий.

Дж. Кеннан, который придерживался такой точки зрения, в своих мемуарах подчёркивал, что даже в период «хрущёвской оттепели» утверждение о личной причастности Сталина к этому делу никогда твёрдо не опровергалось советским руководством [9, p. 65]. То же подтверждали и другие современники [8, p. 429].

На раннем этапе чисток, в период с конца декабря 1934 г. по 1935 г. большинству жертв предъявлялись обвинения в террористической деятельности с целью подрыва экономической и политической мощи Советского государства. Американцы отмечали, что упор на шпионаж и тайный сговор с иностранцами был относительно невелик, хотя непосредственно после инцидента ссылки делались на то, что «заговорщики» проникли в Советский Союз с территорией ряда прибалтийских государств. Однако участие зарубежных стран не подчёркивался вплоть до 1936 г.

Арестованные в декабре 1934 г., по свидетельству дипломатов, принадлежали к двум различным категориям общества: представителям бывших правящих классов и к, так называемой, «зиновьевской оппозиции». Консул Д. Уайли в одном из своих докладов, написанном во второй половине марта 1935 г., утверждал, что в Ленинграде было арестовано 1074 человека, которые представляли остатки старого русского дворянства, капиталистов, землевладельцев, представителей высших военных и гражданских чинов царского режима, а также членов их семей [8, p. 431].

Состав «Ленинградского центра» был не таким многочисленным. Правительственное коммюнике в советской прессе приводило фамилии 14 человек, включая Николаева. В посольстве довольно быстро разобрались, какой размах приобретает расследование обстоятельств убийства Кирова и какими средствами будет вестись борьба с оппонентами. Уже 24 декабря 1934 г. Д. Уайли направил телеграмму в госдепартамент, в которой привёл мнение ответственного (анонимного) советского работника, которое сводилось к тому, что правительство СССР избрало «политику террора для борьбы с террором» [8, p. 431]. Дипломат также во второй половине марта 1935 г. информировал американское внешнеполитическое ведомство о том, что, по оценкам обозревателей, количество арестованных и высланных только из Ленинграда составляет от 60 до 100 тыс. чел. [8, p. 431]. Буллит считал эту цифрой завышенной. Спустя пять месяцев после покушения на С. Кирова в личном письме Ф.Д. Рузвельту он отмечал, что количество высланных из Ленинграда по разным оценкам составило от 7 до 21 тыс. чел. [6, p. 121].

Крупномасштабные аресты привели к росту опасений и подозри-

тельности в высших эшелонах власти Советского Союза. 8 июня 1935 г. У. Буллит сообщил в госдепартамент: «...Трудно преувеличить страх, который сейчас существует внутри партийной организации Москвы». Он указывал, что насильственный роспуск в мае 1935 г. Общества старых большевиков и арест многих его членов, стал жестоким потрясением для признанных вождей партии [8, p. 432].

В течение 1935 г. иностранцам становилось всё труднее встречаться и общаться с официальными представителями власти и рядовыми гражданами. В начале 1935 г. было арестовано настолько много советских работников, которые прежде часто контактировали с зарубежными дипломатами и журналистами, что остальные старались держаться подальше от иностранцев. В то же время в посольстве отмечали, что официального обращения советских властей с просьбой воздержаться от общения с иностранцами, не было опубликовано. В этой связи Ч. Болен вспоминал, что «даже обыватель, который в 1934 г. был доступен и дружески расположен, теперь избегал всех контактов с иностранцами» [5, p. 44]. Работники американского посольства знали об арестах не только понаслышке. Так, У. Буллит конфиденциально сообщил Ф.Д.Рузвельту об аресте своего приятеля, частого гостя посольства, в прошлом заместителя директора Интуриста, Георгия Андрейчина [7, p. 493; 4, с. 85].

Особо тяжёлое впечатление складывалось у дипломатов о методах работы НКВД. «В каждом случае в два часа ночи, – писал Буллит, – появлялась тайная полиция, врывается в квартиру, забирает все бумаги, опечатывала комнату, в которой находились книги, и увозила главу семейства». Более всего его поражало то, что со времени исчезновения члена семьи, ближайшие родственники не имели абсолютно никакой информации об арестованном [6, p. 151].

Аресты проводились даже в здании, где проживали сотрудники американского посольства. Некоторые из них были косвенными свидетелями арестов советского журналиста П.Л.Михальского (Лапинского) и заведующего протокольным отделом НКВД Д.Т.Флоринского [5, p. 44].

Атмосферу нервозности усугубляла постоянная слежка сотрудников НКВД за иностранными дипломатами. Советская сторона мотивировала её необходимостью «охранять» дипломатов. Кроме того, обслуживающий персонал иностранных представительств также подбирался НКВД. Тем не менее, хотя круглосуточная слежка не могла не раздражать дипломатов, она, по их собственному признанию, иногда помогала им избежать непредвиденных неприятностей [5, p. 30; 8, p. 291-292].

Американские дипломаты обратили внимание и на то, что с изменением внешней политики СССР изменилась и аргументация в обвинениях на судебных процессах. По их мнению, многие советские руководители были разочарованы нежеланием Франции и Великобритании вооружённым путём помешать нацистской Германии захватить Рейнскую область в марте 1936 г., в связи с чем советско-французский пакт в их глазах представлял фикцией. Поэтому руководство СССР предприняло атаку на троцкистов как на пособников гитлеровской Германии. Отсюда и изменения в характере обвинений: всячески стала подчёркиваться связь арестованных с международной реакцией и шпионажем. Сотрудники американского посольства отмечали эти тенденции с замешательством. «Для нас казалось почти невероятным, – писал Л.Гендерсон, – что троцкисты могли найти платформу для сотрудничества с антисемитом Гитлером» [8, p. 433].

На первый публичный процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими членами «троцкистского террористического центра» 19 августа 1936 г. удалось попасть лишь шести иностранным дипломатам. Среди них был единственный представитель США – второй секретарь посоль-

ства Лой Гендерсон. В результате личных наблюдений и после тщательного обсуждения судебного процесса со своими коллегами по работе им была направлена в госдепартамент депеша, в которой отражалось общее мнение американского представительства о происходивших событиях. В ней были изложены и личные впечатления автора.

Иностранцев, присутствовавших на судебных заседаниях, прежде всего, поразила «манера, с которой подсудимые обвиняли себя и Троцкого и вовлекали (в процесс. – К.Т.) имена других выдающихся советских руководителей, которые в прошлом противостояли Сталину». Им было трудно с уверенностью определить, в какой степени члены «Ленинградского центра» были виновны в тех преступлениях, в которых они признались, или объяснить мотивы, побуждавшие их к такому поведению. В целом большинство иностранцев, в том числе американцы, пришли к заключению, что, вероятно, Зиновьев, Каменев и другие подсудимые могли временами входить в контакт с менее известными т.н. «террористами», вести разговоры о целесообразности убийства Сталина. Могли даже планировать свои действия на случай его смерти. Но американцы решительно отвергали вероятность того, что обвиняемые входили в число участников конкретного заговора с целью убийства Кирова, Сталина или кого-либо другого. Дипломаты придерживались мнения, что Троцкий не посылал подсудимым каких-либо инструкций по организации террористических актов. Кроме того, не было никаких свидетельств связи Зиновьева, Каменева и других обвиняемых с немецкими спецслужбами.

В упомянутой выше телеграмме Гендерсона от 27 августа 1936 г. было также изложено мнение американского дипломатического корпуса о вероятных причинах и целях политического процесса, краткое содержание которого можно свести к нескольким пунктам:

1. Судебные разбирательства и казни необходимы для подавления и предотвращения растущей или возможной оппозиции внутренней и внешней политике Кремля со стороны «левых коммунистов». Основаниями такого недовольства могли служить растущая дифференциация в зарплате советских граждан, рост влияния «новой интеллигенции» и т.д. Необходимо было нейтрализовать влияние бывших вождей партии, которым не доверял Сталин.

2. Советскому руководству необходимо было исправить впечатление у некоторых членов партии, что провозглашённая в 1936 г. Конституция СССР открывает новую эру, когда можно безопасно критиковать некоторые направления политики руководства страны.

3. По возможности списать определённые провалы в реализации экономических и финансовых планов на саботаж Троцкого и его последователей. Самого Троцкого попытаться лишить авторитета как в народном (антифашистском) фронте, так и в мировом революционном движении в целом.

4. По возможности усилить ненависть зарубежных друзей Советского Союза к германским фашистам [8, p. 433-435].

В межвоенный период иностранцы неоднократно высказывали сожаление по поводу нежелания Советского правительства прислушаться к мировому общественному мнению. Первые открытые судебные процессы с приглашением на них иностранных представителей, по замыслу их устроителей, были призваны убедить мировую общественность в обоснованности обвинений, предъявленных подсудимым, и в формальном соблюдении судебно-процессуальных норм.

В течение 1935 г., пока Зиновьев и Каменев находились в заключении, развернулась обработка общественного мнения в стране и за рубежом против прежних оппозиционеров. Дело изображалось так, будто

эти оппозиции хотя и были разгромлены, они всё-таки не только сумели сохранить свои кадры, но и наладить деятельность в масштабах, превосходивших размах их действий в 20-е гг. [1, с. 182].

Однако на деле, первые открытые процессы были настолько неуклюже сфабрикованы властями, что их результат воздействия на мировое общественное мнение имел совершенно противоположный эффект. Присутствовавший на первом открытом заседании суда в августе 1936 г. Л.Гендерсон послал в госдепартамент специальную депешу, в которой излагал ход процесса. Он отмечал, что подсудимые при даче показаний были очень осторожными, боясь вступить в спор с прокурором А.Вышинским. «Отвечая на некоторые его вопросы, – писал американский дипломат, – они проявляли колебания, как-будто бы не были уверены, каков должен быть ответ. Когда возникали такие случаи, он обычно помогал им, ставя вопрос таким образом, чтобы было ясным, каким должен быть ответ» [8, р. 436-439].

Наблюдая за этим фарсом, Гендерсон сравнивал Вышинского с дрессировщиком, проводившим серию сложных трюков с группой хорошо обученных тюленей. В его представлении методы, которые использовались для выуживания признаний из невиновных, выглядели «средневековыми», «инквизиторскими». Представления дипломата разделяли и другие иностранные обозреватели. Работники американского посольства отмечали, что даже многие знакомые ему русские были склонны рассматривать показательный процесс со скептицизмом. Заметным итогом чисток стало существенное снижение уверенности и открытости официальных советских представителей при общении с иностранцами. Это выразилось в их боязни принятия какого-либо решения без затяжных предварительных консультаций с вышестоящими органами.

Размах массовых арестов и чисток вновь привлёк внимание сотрудников посольства к инструменту террористической политики советского режима – НКВД. В телеграмме госсекретарю США К.Хэллу 20 апреля 1936 г. У. Буллит пояснил «секрет» «безусловной лояльности» органов НКВД Сталину: они получают больше продовольствия, лучше обеспечиваются жильём, им предоставляется больше развлечений, чем какой-либо другой категории населения СССР [6, р. 155]. Кстати, подобная практика весомых привилегий (по своему статусу), для спецслужб СССР не отличается от других стран. Другое дело, что У.Буллит не мог предвидеть, какой серьёзный урон понесут сами чекисты в ходе чисток.

Таким образом, американские дипломаты имели разносторонние представления о причинах и целях первых крупных политических процессов. И хотя сотрудники посольства не могли ещё чётко представить будущий размах политических репрессий в СССР, они верно уловили общее направление террора в нашей стране, тенденциозность обвинений, предъявляемых арестованным и, самое главное, на мой взгляд, тенденцию к их массовости.

Важным условием для этого служило общее ухудшение советско-американских отношений, связанное с тупиком в переговорах по долгам и проведением VII Конгресса Коминтерна, на котором, пусть и в незначительных эпизодах, участвовали американцы, что формально нарушало принцип невмешательства во внутренние дела двух стран. Другим немаловажным фактором, повлиявшим на усиление антисоветских устремлений сотрудников посольства, явилось резкое ухудшение условий нормального функционирования иностранных дипломатических представительств в Советском Союзе. «При таких обстоятельствах, – писал У. Буллит, – необычайно трудно сохранять слащавую и любезную внешность» [6, р. 115]. Отчётливо выраженная ксенофобия среди большинства советских граждан, оправданное опасение любых контактов с

иностранцами, в том числе и с американцами, накладывали негативный отпечаток на развитие отношений между СССР и США. Несмотря на политику экономического и политического давления Соединённых Штатов на СССР в середине 30-х гг., которая предопределяла предвзятость в освещении американскими дипломатами событий в СССР, основные тенденции внутреннего политического развития Союза на ближайшую перспективу американские дипломаты определили верно.

Литература

1. Васецкий Н.А. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев: фрагменты политических судеб. М.: Моск. рабочий, 1989. 202 с.
2. Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. М.: Междунар. отнош., 1990. 229 с.
3. Севостьянов Г.Н. Москва-Вашингтон. Дипломатические отношения. 1933 – 1936. М.: Наука, 2002. 537 с.
4. Советско-американские отношения. 1934 – 1939. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: МФД. 800 с.
5. Bohlen C.E. Witness to History. 1929-1969. N.Y.; Horton, 1973. XIV, 562 p.
6. For the President, Personal and Secret. Correspondence Between F.D. Roosevelt and W.C. Bullitt / Ed. By O.H. Bullitt. Boston: Mifflin, 1972. XLVI, 655 p.
7. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vols 1-3 / Ed. by E.B. Nixon. Cambridge (Mass.): Belknap Press. 1969. Vol. 1.
8. Henderson L.A. Question of Trust. The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations. The memoirs of Loy W. Henderson / Ed by Bayer C.W. Stanford (Cal): Hoover inst. Press, 1986. XXX, 579 p.
9. Kennan G.F. Memoirs. Boston-Toronto: Little, Brown, 1967 – 1972. Vol. 1. 1925 – 1950. 583 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vasetskij N.A. Likvidatsiya. Stalin, Trotskij, Zinov'ev: fragmenty politicheskikh sudeb. M.: Mosk. rabochij, 1989. 202 s.
2. Zagladin N.V. Istoriya uspekhev i neudach sovetskoj diplomatii. M.: Mezhdunar. otnosh., 1990. 229 s.
3. Sevost'yanov G.N. Moskva-Vashington. Diplomatičeskie otnosheniya. 1933 – 1936. M.: Nauka, 2002. 537 s.
4. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1934 – 1939. / Pod red. G.N. Sevost'yanova. M.: MFD. 800 s.
5. Bohlen C.E. Witness to History. 1929-1969. N.Y.; Horton, 1973. XIV, 562 p.
6. For the President, Personal and Secret. Correspondence Between F.D. Roosevelt and W.C. Bullitt / Ed. By O.H. Bullitt. Boston: Mifflin, 1972. XLVI, 655 p.
7. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vols 1-3 / Ed. by E.B. Nixon. Cambridge (Mass.): Belknap Press. 1969. Vol. 1.
8. Henderson L.A. Question of Trust. The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations. The memoirs of Loy W. Henderson / Ed by Bayer C.W. Stanford (Cal): Hoover inst. Press, 1986. XXX, 579 p.

9. Kennan G.F. Memoirs. Boston-Toronto: Little, Brown, 1967 – 1972. Vol. 1. 1925 – 1950. 583 p.

УДК 94(71).05

*Симоненко Е.С.
Simonenko E.S.*

Фредерик Борден и его программа реформирования канадской милиции (1896 – 1911 гг.)

Frederick Borden and Canadian militia reform program (1896 – 1911)

Статья посвящена жизни и деятельности выдающегося канадского политического и общественного деятеля Фредерика Бордена, который на протяжении пятнадцати лет (1896 – 1911 гг.) являлся бессменным руководителем вооружённых сил самого большого доминиона Британской империи. За годы его службы в Канаде была создана гражданская армия, а также было положено начало сотрудничеству в области имперской обороны.

Ключевые слова: *Канада, доминион Британской империи, канадская история конца XIX – начала XX вв., история британских доминионов конца XIX – начала XX вв., реформа канадской милиции*

The article is devoted to the life and work of outstanding Canadian political and social personality Frederick Borden, who for fifteen years (1896 – 1911) was the permanent head of the armed forces of the greatest dominion of British Empire. During the years of his life in Canada was established Citizen Army, and was the beginning of cooperation in the field of imperial defense.

Key words: *Canada, Dominion of the British Empire, Canadian history late XIX – early XX centuries., History of the British dominions the late XIX – early XX centuries., the reform of the Canadian militia*

Знаковой фигурой в Канаде на рубеже XIX – XX вв. был министр милиции и обороны Фредерик Уильям Борден (1847 – 1917 гг.). Являясь на протяжении пятнадцати лет, бессменным руководителем вооружённых сил страны и видным членом либеральной партии, сэр Фредерик стал одним из выдающихся реформаторов канадской милиции (так до 1940 г. называлась канадская армия). Его часто путали с более известным кузеном – лидером консервативной партии и восьмым премьер-министром Канады Робертом Борденом (1854 – 1937 гг.).

В дореволюционной, советской и современной отечественной историографии упоминания имени Фредерика Бордена мы не находим. В трудах же западных историков обнаруживается разнообразие точек зрения по поводу характера его реформаторской деятельности на посту министра. Так, современники оценивали политическую карьеру министра преимущественно через призму его частной жизни, которая была наполнена «человеческим страстями, выражавшимися в слабости к вину и женщинам» [10, р. 265]. Будучи завсегдатаем светских мероприятий, он любил исполнять на скрипке мелодии национальных шотландских танцев [5, р. 176]. Неоднозначное поведение Ф. Бордена, в обществен-

СИМОНЕНКО Екатерина Сергеевна, к.и.н., старший преподаватель кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета (г. Уссурийск).
E-mail: eka-1982.82@mail.ru

ной жизни, а также его склонность к политическому патронажу¹, нередко становились темами для обсуждения на страницах канадских газет. Своё неудовольствие выражали, главным образом, представители церковной среды и консерваторы» [10, р. 265], либералы же пытались акцентировать внимания не на его частной жизни, а на профессиональных достижениях. Так в статье Ч. Мэтьюза, помещённой в мартовском номере журнала «Канадиен Магазин» за 1900 г., подробно излагались этапы реформы, и был отмечен значительный вклад в этот процесс министра милиции и обороны [8, р. 445-452].

Некоторые исследователи, современники жизни и деятельности главы милиции заявляли, что сэр Фредерик обладал недостаточными военными знаниями для руководства министерством. Именно так описывал его известный историк Джон Бучан в своей фундаментальной биографии канадского генерал-губернатора «Лорд Минто» [2, р. 1-352]. Роберт Борден, ознакомившись с такой нелестной характеристикой своего двоюродного дяди, высказал жёсткую критику в адрес книги, после чего автор признал, что был «нечестен к Фредерику Бордену». Несмотря на это оценка, данная Бучаном, была широко распространена и повторялась повсеместно с небольшими разночтениями.

В 1940 – 50 гг. в трудах канадских военных историков [15, р. 22-23; 16, р. 297- 298] роли Ф. Бордена в подготовке и проведении реформы канадской милиции также не уделялось достаточного внимания. Наоборот, все заслуги приписывались двум британским генералам, командующим канадской милицией – Хаттону и Дандональду. Историки игнорировали влияние других факторов, например, вклад канадских офицеров, деятельность Комитета канадской обороны и самого министра.

В 1960-х – 2010-х гг. в западной историографии наметился поворот в сторону пересмотра деятельности Ф. Бордена на посту министра милиции. Были опубликованы несколько книг и статей [7, 9, 10, 12, 13, 14], посвящённых имперской обороне. В них авторы предприняли значительные усилия, чтобы преодолеть историографический дисбаланс. В отличие от предыдущих исследователей, они высоко оценили вклад Ф. Бордена в реализацию принципов имперской оборонной политики. В этих исследованиях министр описан как реформатор, компетентный администратор, с чётко определённой программой действий.

Фредерик Борден родился 14 мая 1847 г. в маленькой деревушке Корнуоллис (провинция Новая Шотландия) в семье доктора медицины Джонатана Бордена. Получив в 1867 г. степень бакалавра в Королевском колледже Виндзор, он продолжил обучение в Гарвардской медицинской школе в Бостоне и спустя год получил степень магистра медицинских наук. После завершения своей подготовки, он приступил к медицинской практике в небольшом портовом городе Каннинге с населением численностью 600 человек [8, р. 448]. Ещё в октябре 1863 г. в возрасте 16-ти лет он поступил на военную службу, спустя шесть лет был назначен по-

¹ Политический патронаж – это феномен, существовавший в канадской милиции. Когда офицер канадской милиции становился членом парламента, политический пост мог усилить его военное влияние и наоборот свой военный авторитет он мог использовать для принятия политических решений. У тех офицеров, которые не были членами парламента, нередко были обширные политические связи. Таким образом, назначения и отставки в милиции напрямую зависели от их собственного политического веса или политического влияния покровителей. Если такого офицера привлекали к ответственности, он имел право обратиться к главнокомандующему. В случае если результат его не удовлетворял, либо ему было отказано в проведении расследования, он мог напрямую обратиться к министру милиции. Часто офицерам, обладающим политическим влиянием и авторитетом среди местных членов парламента, после консультации с министром смягчали или вовсе снимали дисциплинарное взыскание. В таких обстоятельствах привлечь злоупотребляющих своими полномочиями офицеров к ответственности было очень сложно.

мощником офицера медицинской службы 68-го королевского канадского батальона. В сентябре 1883 г. стал майором, а спустя десять лет и один месяц – полковником [8, р. 448]. Что касается его политической карьеры, то до назначения в Департамент милиции Ф. Борден в течение семнадцати лет (с 1874 по 1891 гг.) занимал скамейку оппозиции в палате общин канадского парламента (не считая 4-хлетнего перерыва, когда у власти находился либеральный кабинет Александра Маккензи). Под руководством лидера канадских либералов Уилфрида Лорье он неуклонно двигался вверх в партийной иерархии. В 1891 г., назначенный либеральным представителем от провинции Новая Шотландия в палате общин, Ф. Борден успешно организовал первую поездку Лорье по своей родной провинции. В этом же году он создал либеральную ассоциацию Новой Шотландии и занял в ней пост вице-президента. Рост влияния в партии принёс ему определённые политические дивиденды. В 1893 г. провинциальное либеральное правительство назначило его в Совет по здравоохранению. Провинциальные либеральные газеты, ранее игнорировавшие деятельность политика, стали уделять ему пристальное внимание. Наконец, по итогам всеобщих выборов 1896 г., он стал министром милиции и обороны в либеральном кабинете Лорье, возвратившись в ту сферу деятельности, где тридцать лет назад начал свою карьеру.

Ф. Борден пришёл в департамент милиции в благоприятное для реформирования время. Целая вереница событий международного масштаба (венесуэльский кризис 1902 – 1903 гг., англо-бурская война 1899 – 1902 гг., англо-германское морское соперничество) привлекла особое внимание к проблемам канадской обороны и имперских военных обязательств доминиона. Реорганизация канадской милиции была призвана помочь решению этих задач.

К моменту прихода к власти нового министра, состояние канадской милиции было неудовлетворительным. В 1871 г. отряды регулярной британской армии были выведены из Канады, после чего функция защиты территории доминиона была возложена на местные милицейские формирования. В круг обязанностей сухопутных формирований канадских вооружённых сил были включены охрана границ, а также борьба с индейскими племенами. Ожидалось, что в Канаде с этого момента начнётся новый этап организации локальных вооружённых сил. Между тем стабильные отношения с США, финансовая депрессия конца 1870-х гг. и огромные расходы на общественные работы¹ препятствовали реформе милиции [1, с. 103]. На фоне таких процессов отвод британских отрядов не являлся достаточным стимулом для реформирования. Для канадской милиции это время стало «мёртвым периодом»: расходы на её содержание были урезаны вполовину, численность сократилась на треть. В Канаде происходил сходный процесс экономии на обороне, характерный для метрополии.

В Канаде существовала территориально-милиционная система комплектования сухопутных войск. Ядро милиции составлял командный состав воинских корпусов и подразделений, несущий постоянную воинскую службу. Командный состав формировался из канадских офицеров, получивших военное образование в метрополии и Королевском канадском колледже (Кингстон). По дореформенному законодательству руководящие посты в канадской милиции также могли занимать офицеры регулярной британской армии. Система высшего военного управления состояла из двух органов: министерства милиции и обороны во главе с министром канадского происхождения и департамента милиции, который возглавлял британский офицер. На практике нередко воз-

¹ Общественные работы – это различные нерешённые задачи, связанные, главным образом, с развитием инфраструктуры.

никали острые ведомственные конфликты, из-за того, что между этими двумя руководящими структурами не существовало чёткого разделения полномочий, и оппоненты обвиняли друг друга в узурпации власти. По статистике, численность постоянной милиции к концу века достигла 1 тыс. человек [3, p. 115].

Личный состав формировался из приписанных к корпусам и подразделениям добровольцев, заключавших трёхлетний контракт. Отряды добровольцев формировались из гражданских лиц, проживавших вблизи дислокации этих формирований, и ежегодно призывались на учебные сборы. В случае мобилизации воинские подразделения могли быстро быть доведены до штатов военного времени. Вместе с командным составом добровольцы формировали части милиции, состоявшие из трёх родов войск: пехоты, артиллерии и кавалерии.

В 1890-е гг. канадская милиция находилась в глубоком кризисе. За четыре года (1892 – 1896 гг.) сменилось пять министров милиции, и было сильно влияние политического патронажа [4, p. 3]. Канадские вооружённые силы могли подавить восстание внутри страны, но об участии в более масштабном вооружённом конфликте не могло идти и речи. Войска были разделены на корпуса без определённой системы, их численность была произвольной. В милиции отсутствовали специальные подразделения, которые бы занимались транспортным обеспечением войск, снабжением армии продовольствием, снаряжением и вооружением. Обучение носило случайный характер, только треть добровольцев по различным причинам получали начальные навыки военной подготовки. Нередко добровольцы в течение трёх лет ни разу не призывались на военные сборы. В таких условиях для министра-реформатора милиция представляла собой безграничное поле деятельности.

В среде канадской общественности по вопросу реформирования вооружённых сил произошёл раскол. В политических и военных кругах появились люди, критиковавшие существующую армейскую систему. Объектом критики стали недостатки снабжения милиции, обучения и ставки оплаты. С другой стороны, была велика оппозиция реформе, включавшая не только сторонников «экономии», но и противников широкомасштабных военных приготовлений [6, p. 229]. Между тем вопросы обороны и состояние канадской милиции почти не обсуждались в законодательных дебатах, публичных речах, газетах и периодической печати. Очевидный дефицит дискуссий можно объяснить общественным равнодушием к военной политике в целом, истоки которого следует искать в глубоко укоренившихся в доминионе традициях пацифизма.

В первый год своего министерства Ф. Борден столкнулся с двумя проблемами: ненадлежащим уровнем обучения добровольцев и возрастным составом высшего канадского командования. Министр выяснил, что обучение добровольцев в летних тренировочных лагерях проводилось департаментом милиции только на бумаге. Он поспешил направить вопрос о финансировании военной подготовки в палату общин, чтобы отправить солдат в летние тренировочные лагеря до наступления осени. Палата одобрила требования министра, и финансирование возобновилось. Кроме этого в первый год своего министерства Ф. Борден отправил в отставку 56 высокопоставленных канадских офицеров, давным-давно достигших преклонного возраста. Одному из отправленных в отставку командиров был 81 год [10, p. 274]. Эти решения министра стали концом длительного периода полного равнодушия к милиции со стороны канадского правительства и предупреждением более масштабной программы реформ.

Борден тщательно разработал программу реформ, которая основывалась на трёх принципах: 1) создание гражданской армии; 2) достиже-

ние военной автономии Канады; 3) организация системы имперской обороны. Министр пытался реализовать эту программу постепенно, часто оказываясь лицом к лицу со значительной оппозицией нередко из своей собственной партии.

Англо-бурская война стала вектором, который предопределил направление дальнейшего развития канадской милиции. В Южной Африке канадцы произвели впечатление мобильных, инициативных и хорошо ориентирующихся в новой обстановке солдат. Воодушевлённые успехами канадских отрядов, отдельные представители военно-политического руководства стали высказывать идею о том, что жители доминиона без создания сложной военной структуры смогут обеспечить оборону Канады. Таким образом, из идеи, что каждый человек является потенциальным солдатом, и родилась концепция дешёвой армии.

Министр милиции, также являясь сторонником экономии на военных расходах, решил воспользоваться волной военного энтузиазма канадцев, которая возникла в ходе войны. После тщательного исследования различных национальных военных структур, он остановился на швейцарской системе и разработал план создания гражданской армии. Работая над его созданием, Ф. Борден полагался на советы военных консультантов – главнокомандующих милицией имперских генералов Хаттона и Дандональда, а также Комитета канадской обороны. Согласно разработанному плану, в мирное время численность канадской милиции должна была составлять 100 тыс. человек. Из них две трети должны были вербоваться из гражданских лиц (в т.ч. женщин) и не носить военную форму. Остальная треть гражданских лиц должна была посещать обязательные ежегодные сборы для военного инструктажа [10, p. 276].

План Ф. Бордена, направленный исключительно на военную оборону Канады, встретил сильную оппозицию. Империалисты указывали на невозможность организации такой армии и её потенциальную слабость. Самым большим препятствием на пути создания гражданской армии было равнодушие, и даже враждебность канадской общественности. Канада была защищена от любого возможного агрессора широким Атлантическим океаном, доктриной Монро и британским флотом. Канадцы без излишнего энтузиазма шли служить в милицию: традиции пацифизма были глубоко, а ставки оплаты низки. Несмотря на определённые слабости плана, его реализация решила бы много проблем. «Дешёвая армия» не предполагала никаких финансовых дотаций со стороны государства. Солдат не надо было одевать в военную форму, строить специальную инфраструктуру, людям не надо было отходить от выполнения своих обязанностей в гражданской жизни. План Ф. Бордена обещал максимум защиты при минимальной стоимости.

Ещё одним разделом программы реформирования военной системы доминиона стала концепция канадской военной автономии. Для этого Ф. Борден предложил внести в закон о милиции ряд изменений. Прежде всего, он призвал ликвидировать диспропорции между канадскими милиционерами и их британскими коллегами, в частности изменить порядок назначения главнокомандующего канадской милиции. По закону только офицеры регулярной британской армии имели право занимать этот пост. По словам премьер-министра Лорье, британские офицеры, служащие в милиции воспринимались канадской общественностью как чужаки [7, p. 168]. Министр внёс предложение назначать на этот пост офицера канадского происхождения и ограничить время пребывания на командных должностях до пяти лет, ведь до этого по статистике в канадских батальонах командование менялось в среднем раз в 18 лет [11, p. 46].

Кроме того, офицеры регулярной британской армии, служившие в

Канаде и имевшие равный ранг с офицерами милиции, но назначенные на должность позже канадцев, имели некоторые преимущества, например, в порядке продвижения по службе. Ф. Борден считал такое положение дел явной несправедливостью по отношению к канадцам, и реформа должна была положить конец этой практике. Эти предложения министра вызвали протест со стороны губернатора и самого главнокомандующего, бывшего имперским офицером.

Новая редакция закона о милиции должна была решить ещё одну важную для канадской милиции проблему: урегулировать взаимоотношения между командующими британским гарнизоном в Галифаксе и милицией. По закону в военное время британский офицер в Галифаксе, независимо от чина, осуществлял общее командование британскими и канадскими отрядами [3, p. 108]. Это вызывало большие споры в мирное время между двумя британскими офицерами. В новом законе должно было быть указано, что командующий милицией должен командовать канадскими отрядами, как в мирное, так и в военное время.

Ф. Борден также стремился распространить политику автономии на снабжение милиции. Он был обеспокоен слухами о том, что Британия в ближайшем будущем может потерять превосходство на морях. Это грозило серьёзно ослабить канадскую оборону и снабжение армии. Однако идея военного самообеспечения не была новой для Канады: в 1884 г. правительство организовало патронный завод в Квебеке для обеспечения милиции армейской амуницией [3, p. 104]. Зная о важности снабжения армии вооружением, Ф. Борден решил сделать центром своей концепции гражданской армии канадскую винтовку Росса.

История превращения винтовки Росса в национальное оружие доминиона началась в разгар англо-бурской войны, когда министр пытался снабдить канадский воинский контингент, отправлявшийся в Ю. Африку, стандартными ружьями регулярной британской армии Ли-Энфилд. Он заказал 15 тыс. таких винтовок, однако Военный кабинет, испытывая острый дефицит вооружения, смог отправить только 1 тыс. ружей [3, p. 104]. Этот факт лишь подчеркнул полную зависимость Канады от британского снабжения, особенно во время войны. Для того чтобы ликвидировать этот недостаток Ф. Борден предложил двум известным британским компаниям по производству вооружения разместить в Канаде свои дочерние предприятия и производить винтовки Ли-Энфилд для канадской армии. Однако министр получил отказ, что вынудило его принять решение в пользу другого типа вооружения, которое могло быть изготовлено в Канаде.

В августе 1901 г. Ф. Борден назначил специальный комитет для проведения сравнительных опытов над двумя типами ружей: британских Ли-Энфилд и канадских винтовок Росса. Выводы комитета свидетельствовали о том, что в винтовке Росса присутствовал незначительный механический дефект, который мог быть легко исправлен. На основании выводов комиссии министр заключил с Россом контракт на сумму 500 тыс. канадских долларов, на строительство завода по производству винтовок для канадской милиции [3, p. 105].

Сторонники имперской интеграции – канадский губернатор лорд Минто, министр по делам колоний Дж. Чемберлен, британский военный министр Дж. Бродрик – осудили действия Ф. Бордена. С принятием на вооружение винтовки Росса, отличавшейся от британского оружия, нарушался принцип единообразия вооружения на всей территории империи. В Канаде также нашлось много сомневающихся по поводу винтовок Росса. Из-за её механических дефектов против неё не раз высказывались управляющий патронным заводом в Квебеке Ф. Гаудет, главнокомандующий канадской милицией генерал-майор О'Гэди Хэли,

влиятельный канадский полковник С. Хьюз. Сторонники винтовки Росса, в свою очередь, доказывали, что это отличное прицельное оружие, которое доказало свои преимущества в сравнении с известными марками имперских ружей. Испытания в Британии, Канаде, США показали, что винтовки Росса превосходят британские Ли-Энфилд и американские Спрингфилд. Газета «Лондон Таймс» охарактеризовала винтовку Росса как оружие будущего [10, p. 279]. Сторонники обвиняли критиков в подкупе со стороны британских производителей оружия.

Ещё одним способом достижения канадской военной автономии Ф. Борден считал передачу контроля над британскими гарнизонами Галифакса и Эксмо канадскому военному руководству. Действия министра были мотивированы скорее желанием освободить британские отряды от ответственности защищать канадскую территорию, а не попыткой окончательно освободиться от их присутствия. Министр не отступал от своего намерения, несмотря на сильное противодействие генерал-губернатора, получившего соответствующие инструкции Военного кабинета. После многолетних переговоров с имперским правительством и канадскими коллегами, министр всё-таки одержал победу. К 1907 г. регулярные британские отряды навсегда покинули канадскую землю. Канадские консерваторы скептически отнеслись к нововведению, либералы наоборот, восприняли эту новость с гордостью.

Выступая против любых планов имперской интеграции, Ф. Борден поддерживал идею имперской кооперации. В годы англо-бурской войны он возглавлял в правительстве фракцию, выступающую за отправку в Ю. Африку полноценного контингента, оплаченного канадскими властями. Он полагал, что Канада, принимая британскую защиту или требуя голоса в имперских советах, должна участвовать в имперской обороне по мере необходимости. В ходе кабинетного кризиса Ф. Борден категорически отказался выполнить решение Военного кабинета и разделить канадский контингент на соединения по 125 чел. для включения их в британские отряды [10, p. 281]. Он хотел, чтобы канадцы сражались вместе под командованием канадского офицера и канадским флагом. Лорд Минто убедил Военный кабинет пойти на уступку министру в этом вопросе.

В ноябре 1903 г. Ф. Борден отправился в Лондон, чтобы обсудить предложенные им изменения в Военном кабинете. Именно тогда он был введён в состав Комитета имперской обороны и стал его первым колониальным представителем. В ходе комитетских обсуждений министр согласился убедить канадское правительство, чтобы имперские гарнизоны Галифакса и Эксмо перешли под контроль доминиона. Кроме того, он обещал обеспечить канадский полк для имперской службы в Индии. Лондонские обязательства Ф. Бордена вызвали шквал критики от его партийных коллег. У. Лорье также воздержался от одобрения действий министра. Ф. Борден попытался разъяснить важность поддержки со стороны Комитета, но, видя безрезультатность своих усилий, отказался от своего участия в нём.

Британские военные власти настаивали на децентрализации командования и усилении гражданского контроля над армией. Для этого они предложили министру создать в доминионе военный совет аналогичный британскому армейскому совету. Канадский милицейский совет должен был состоять из четырёх военных и трёх гражданских лиц и служить форумом для обмена мнениями между военными и гражданскими чиновниками. Ф. Борден одобрил предложенную схему, тем более что вся полнота власти в совете фактически находилась в руках канадского министра, остальные члены выступали в качестве его советников [7, p. 178]. Второй рекомендацией была децентрализация военной системы

доминиона. До 1905 г. Канада была разделена на 12 военных округов, которыми командовали окружные офицеры. Ф. Борден объединил их в 5 региональных военных округов и предоставил командующим ими окружным офицерам более широкие полномочия. Генеральный штаб в Оттаве, который осуществлял командование прежними военными округами, был упразднён.

Последним пунктом программы Ф. Бордена была подготовка и отправка канадских контингентов для службы за границей. Однако министр не планировал связывать Канаду военными обязательствами по отношению к Британии, не подразумевая участия доминиона во всех имперских войнах. Такие контингенты были нужны в чрезвычайных обстоятельствах. Как опытный военный, министр был знаком с германской угрозой, как опытный политик, он понимал, что Канада вынуждена будет участвовать в большом имперском конфликте, а как министр милиции он должен был иметь план действий в случае такой войны. Дональд Гордон назвал это намерение одним из самых неожиданных в карьере, так как оно противоречило его предыдущим словам и делам, особенно позиции против создания колониального резерва для имперской службы [7, p. 276].

Итоги деятельности Ф. Бордена на посту министра милиции были значительными. За пятнадцать лет его службы расходы на армию были утроены, его военная программа была осуществлена в полной мере. В Канаде была создана гражданская армия, она получила больше самостоятельности в военных делах, было положено начало сотрудничеству в области имперской обороны. Современники назвали его «лучшим министром милиции до сегодняшнего дня».

Литература

1. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1996. 312 с.
2. Buchan J. Lord Minto: a Memoir. London, 1924. 352 p.
3. Chambers E.J. The Canadian Militia: a History of the Origin and Development of the Force. Montreal: L.M. Fresco, 1907. 115 p.
4. Cuthbertson B. Canadian Military Independence in the Age of the Superpowers. Toronto: Fitzhenry and Whiteside, 1977. 282 p.
5. Dyer G., Viljoen T. The Defense of Canada. In the Arms of the Empire. Toronto: McClelland and Stewart Inc., 1990. 375 p.
6. Glazebrook G.P. De T. A History of Canadian External Relations. Vol. 1. The formative years to 1914. Toronto – Montreal: McClelland and Stewart, 1966. 271 p.
7. Gordon D.C. The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870 – 1914. Baltimore-Maryland: The Johns Hopkins Press, 1965. 315 p.
8. Matthews C.A. Canadian Celebrities: Hon. Frederick Borden, Minister of Militia // The Canadian Magazine. March, 1900. Vol. 14. № 3. P. 445-452.
9. Miller C. A knight in politics: a biography of Sir Frederick Borden. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010. 430 p.
10. Miller C. Sir Frederic William Borden and Military Reform, 1896 – 1911 // Canadian Historical Review, 1969. Vol. 50. № 3. P. 265-284.

11. Penlington N. General Hutton and the Problem of Military Imperialism in Canada, 1898 – 1900 // *Canadian Historical Review*, 1943. Vol. 24. № 2. P. 156-171.
12. Preston R. A. *Canada and Imperial Defense: a Study of the Origins of the British Commonwealth's Defense Organization, 1867 – 1919*. Durham: Duke University Press, 1967. 576 p.
13. Preston R. A. *Canadian Defense Policy and the Development of the Canadian Nation, 1867 – 1917*. Ottawa: Canadian Historical Association, 1970. 22 p.
14. Preston R. A. *The Defense of the undefended Border: Planning for War in the North America, 1867 – 1939*. Montreal – London: McGill-Queen's University Press, 1977. XIV, 300 p.
15. Stacey C. P. *The Military Problems of Canada. a Survey of Defense Policies and Strategic Conditions, Past and Present*. Toronto: Issued for the Canadian Institute of International Affairs by the Ryerson Press, 1940. 184 p.
16. Stanley F. G. *Canada's soldiers. 1604 – 1954*. Toronto: Macmillan Company, 1954. 401 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Grudzinskij V.V. *Na povorote sud'by: Velikaya Britaniya i imperskij federalizm (poslednyaya tret' XIX – pervaya chetvert' XX vv.)*. CHelyabinsk: CHelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 1996. 312 c.
2. Buchan J. *Lord Minto: a Memoir*. London, 1924. 352 P.
3. Chambers E.J. *The Canadian Militia: a History of the Origin and Development of the Force*. Montreal: L.M. Fresco, 1907. 115 P.
4. Cuthbertson B. *Canadian Military Independence in the Age of the Superpowers*. Toronto: Fitzhenry and Whiteside, 1977. 282 P.
5. Dyer G., Viljoen T. *The Defense of Canada. In the Arms of the Empire*. Toronto: McClelland and Stewart Inc., 1990. 375 P.
6. Glazebrook G.P. De T. *A History of Canadian External Relations. Vol. 1. The formative years to 1914*. Toronto – Montreal: McClelland and Stewart, 1966. 271 P.
7. Gordon D.C. *The Dominion Partnership in Imperial Defense, 1870 – 1914*. Baltimore-Maryland: The Johns Hopkins Press, 1965. 315 P.
8. Matthews C.A. *Canadian Celebrities: Hon. Frederick Borden, Minister of Militia* // *The Canadian Magazine*. March, 1900. Vol. 14. № 3. P. 445 – 452.
9. Miller C. *A knight in politics: a biography of Sir Frederick Borden*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010. 430 P.
10. Miller C. *Sir Frederic William Borden and Military Reform, 1896 – 1911* // *Canadian Historical Review*, 1969. Vol. 50. № 3. P. 265 – 284.
11. Penlington N. *General Hutton and the Problem of Military Imperialism in Canada, 1898 – 1900* // *Canadian Historical Review*, 1943. Vol. 24. № 2. P. 156 – 171.
12. Preston R. A. *Canada and Imperial Defense: a Study of the Origins of the British Commonwealth's Defense Organization, 1867 – 1919*. Durham: Duke University Press, 1967. 576 P.
13. Preston R. A. *Canadian Defense Policy and the Development of the Canadian Nation, 1867 – 1917*. Ottawa: Canadian Historical Association, 1970. 22 P.
14. Preston R. A. *The Defense of the undefended Border: Planning for War in the North America, 1867 – 1939*. Montreal – London: McGill-Queen's University Press, 1977. XIV, 300 P.

15. Stacey C. P. The Military Problems of Canada. a Survey of Defense Policies and Strategic Conditions, Past and Present. Toronto: Issued for the Canadian Institute of International Affairs by the Ryerson Press, 1940.184 P.

16. Stanley F. G. Canada's soldiers. 1604 – 1954. Toronto: Macmillan Company, 1954. 401 P.

УДК 327 (517.3)

Родионов В.А.
Rodionov V.A.

Центральноазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС

Central Asia line of Mongolia's foreign policy: the SCO factor

Статья посвящена исследованию перспектив сотрудничества Монголии и Шанхайской организации сотрудничества. За основу анализа берутся основные факторы, оказывающие влияние на интеграцию Монголии в структуры ШОС. Низкий уровень вовлечённости Монголии в дела Центральной Азии – незначительные торгово-экономические связи, отсутствие общности региональных угроз и вызовов, американский фактор – обуславливает слабую заинтересованность Улан-Батора в более тесном сотрудничестве с ШОС.

Ключевые слова: Монголия, Шанхайская организация сотрудничества, региональная интеграция, внешнеполитическая ориентация

The article considers the question about the perspectives of cooperation between Mongolia and the Shanghai Cooperation Organization. The author analyzes the main factors that can influence the process of Mongolia's integration into the SCO structure. The main conclusion contains a thesis about low interest of Ulan-Bator in closer integration with this organization. It is determined by Mongolia's low involvement into the affairs of Central Asia: insignificant economic and trade ties, absence of common regional challenges and threats and factors, external to the regional.

Key words: Mongolia, the Shanghai Cooperation Organization, regional integration, foreign policy orientation

С отказом в начале 1990-х гг. от односторонней внешнеполитической ориентации на Москву Улан-Батор сделал выбор в пользу стратегии многовекторности. В основу этой стратегии лёг принцип сбалансированных отношений с географическими соседями – Россией и Китаем, при одновременном выстраивании сотрудничества с третьими странами, прежде всего, с США, Японией и Германией [13, с. 5], призванными уравновесить российское и китайское влияние на Монголию.

Ещё одним важным принципом внешней политики Монголии стало невступление в какие-либо военно-политические блоки, аналогичные ОВД или НАТО. В частности, действующая конституция Монголии запрещает размещать на территории страны иностранные военные базы (статья 4, пункт 3) [12, с. 6].

РОДИОНОВ Владимир Александрович, к.полит.н., доцент кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского госуниверситета (г. Улан-Удэ). E-mail: vladimir198025@yahoo.com

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «"Большая игра" в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе», № 12-03-00007

Данные внешнеполитические установки явились основой для развития регионального уровня отношений с внешним миром. Одним из таких региональных направлений является Центральная Азия. В концепции внешней политики Монголии обозначено в качестве одного из приоритетных направлений «участие в политических и экономических интеграционных процессах... в том числе в Центральной Азии» [13, с.7]. Учитывая, что с 2000-х гг. одним из основных институциональных оформлений интеграционных процессов в Центральной Азии выступает ШОС, сотрудничество с этой организацией можно рассматривать в качестве одного из элементов многовекторной политики Улан-Батора на региональном уровне.

История институционального участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества ведёт свой отсчёт с июня 2004 года. Тогда на Ташкентском саммите этой организации Монголия стала первой страной со статусом постоянного наблюдателя. После этого монгольские представители принимали участие во многих мероприятиях под эгидой ШОС, а монгольская территория становилась местом проведения подобных мероприятий. Например, в январе 2010 года в Улан-Баторе впервые прошло заседание Делового совета ШОС. На расширенном заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в Душанбе в ноябре 2010 года глава монгольского МИД Г. Занданшатар предложил провести в Улан-Баторе в 2012 году форум учёных из стран ШОС [5]. Более того, в 2006 году в преддверии Шанхайского саммита ШОС глава МИД Монголии Н. Энхболд заявил о необходимости расширения форм участия постоянных представителей в ШОС [3].

В свете принятого на ташкентском саммите ШОС в 2010 году «Положения о порядке приёма новых членов ШОС», приобрёл новое звучание вопрос о возможном расширении рядов постоянных членов этой организации за счёт Монголии. В частности, президент Узбекистана Ислам Каримов на встрече с президентом Монголии Цахиагийн Эмбэгдоржем во время работы ташкентского саммита заявил, что «судя по настрою глав государств-членов ШОС, я предполагаю, что Монголия одним из первых может стать её полноправным членом» [11]. Экспертное сообщество стран-членов ШОС также называет Монголию кандидатом № 1 на принятие в ряды постоянных членов [1, 2, 8, 14, с.9-10]. Данное единодушие в отношении кандидатуры Монголии контрастирует на фоне иных кандидатур в постоянные члены этой организации – Индии, Пакистана и Ирана, по поводу которых нет консенсуса среди постоянных членов ШОС.

Можно сказать, что по всем внешним признакам Монголия является самым желанным потенциальным членом ШОС и наименее «проблемным» постоянным наблюдателем при этой организации. Само расположение страны между двумя лидерами ШОС – Россией и Китаем, говорит в пользу активного вовлечения Монголии в деятельность этой организации.

Однако спустя почти десятилетие после получения статуса постоянного наблюдателя Монголия так и не стала постоянным членом данной организации и не выражает особого стремления к изменению своего статуса. Данная статья нацелена на выявление причин подобной ситуации.

Важнейшим фактором тесного регионального сотрудничества могут выступать общие вызовы и угрозы. В первые годы существования ШОС в качестве главных проблем, объединяющих всех её членов, были названы терроризм, сепаратизм и экстремизм. Кроме того, в политическую повестку ШОС включаются такие задачи, как борьба с незаконным оборотом наркотиков, оружия и с нелегальной миграцией [22]. На прак-

тике все нынешние члены ШОС сталкивались и продолжают сталкиваться с выше обозначенными вызовами и угрозами. В целом, вопросы безопасности в Центральной Азии находятся в центре внимания всех членов ШОС, а общность региональных угроз (как эндогенного, так и экзогенного происхождения) играет ключевую роль в деле международного сотрудничества стран-членов ШОС.

В то же время для Монголии на данном этапе её развития перечисленные проблемы не актуальны или, по крайней мере, не имеют первостепенного значения. До последнего времени Монголия не подвергалась террористическим атакам, и на её территории не фиксировалось присутствие религиозных экстремистских группировок. Монголия находится вне основных маршрутов транспортировки наркотиков и оружия. Страна в этнокультурном плане относительно гомогенная (второе по численности после монголов казахское население составляет около 7%) и практически не сталкивается с проблемой сепаратизма и межэтнических конфликтов. Поэтому такой фактор сближения как общность региональных угроз и вызовов не работает в случае с Монголией, а скорее, наоборот, отдаляет страну от сотрудничества с государствами Центральной Азии. Бывший монгольский дипломат Х. Олзвой в своё время отмечал, что Монголия не должна крепко связывать себя с Центральной Азией, так как политическая обстановка в регионе далека от стабильного состояния и является источником потенциальных и реальных угроз [28, p. 65]. Об этом же говорит известный монгольский международник Д. Шурхуу, упоминая о «возрастающем из года в год потенциале нестабильности и волнений в регионе Центральной Азии» [24, с.104]. Помимо этого, для Монголии, презентующей себя на международной арене в качестве одной из наиболее демократических стран постсоциалистической Азии, бывшие советские центральноазиатские республики играют роль авторитарных «чужих», «иных» [15, 23, 26], объединяться с которыми в рамках организации, претендующей на региональную интеграцию, нецелесообразно.

Ещё одним из важнейших факторов сближения участников международно-регионального сотрудничества, являются экономические связи. Хотя механизм экономического сотрудничества в рамках ШОС на сегодняшний день практически не проработан и имеются лишь декларации стран-участниц на этот счёт, степень уже имеющихся экономических взаимосвязей между республиками Центральной Азии, РФ и КНР является достаточно высокой. В 2007 году общий товарооборот между КНР и странами ЦА составил 16038 млн. долл., или 14% от всей внешней торговли стран ЦА [18], товарооборот между РФ и странами ЦА – 21787 млн. долл., или 26% от всей внешней торговли стран ЦА [18]. КНР заинтересована в стабильных поставках энергоносителей из России и Центральной Азии и движении готовых товаров в обратном направлении. Страны Центральной Азии видят в России и Китае источники инвестиций и кредитов. Для Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана Россия выступает в качестве значимого рынка труда. Кроме того, несмотря на незначительный уровень торгово-экономических связей между центральноазиатскими республиками, общая система транспортных коммуникаций, трансграничные ирригационные комплексы делают эти страны важными региональными партнёрами друг для друга.

Наиболее важными внешнеэкономическими партнёрами Монголии среди членов ШОС являются только КНР и РФ. По итогам 2010 года на долю Китая приходится 56% (3460,3 млн. долл.) от всей внешней торговли Монголии, на долю России – 18,9% (1169,3 млн. долл.) [21]. В шестёрку основных внешнеторговых партнёров Монголии также входят Республика Корея – 3,5%, Япония – 3,2%, США – 2,7% и Германия – 1,8%

[21]. Основными инвесторами в экономику страны также выступают Китай – 841,6 млн. долл. с 1990 по 2007 гг. (46,6% от всего объёма), Россия – 56,3 млн. долл. (3,1%, без учёта инвестиций в СП «Эрдэнэт», «Монгол-росцветмет» и «Улан-Баторская железная дорога»), Республика Корея – 43,8 (2,4%), Япония – 29,7 (1,6%) [9]. На этом фоне торгово-экономические связи с государствами Центральной Азии выглядят крайне незначительными. По итогам 2009 года доля Казахстана составила 0,49% от общего объёма внешней торговли Монголии, доля Кыргызстана – 0,04%, Узбекистана – 0,01% [20, с. 260, 262, 263].

Плохое состояние средств коммуникации и неотлаженность логистической системы в западном направлении (у Монголии отсутствует железнодорожная связь с республиками Центральной Азии, плохо развиты автодороги), отсутствие прямого выхода к морским портам объективно ограничивают расширение внешнеэкономических связей Монголии со странами Центральной Азии. Кроме того, монгольская экономика традиционно ориентирована на экспорт сырья, прежде всего, продукции горнорудной отрасли – угля, меди, золота, молибдена, и этим во многом схожа с экономиками центральноазиатских республик. Одобрённый монгольским руководством в июне 2010 года проект строительства железной дороги от крупнейшего месторождения угля Таван Толгой через российские дальневосточные территории до китайского, южнокорейского и японского потребительского рынков скорее подтверждает ориентированность этой страны на экономическое сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии, нежели Центральной Азии [19].

Определённый интерес у Монголии вызывает сотрудничество в сфере поставок энергоносителей (нефти и газа) из Центральной Азии. Монголия, на 90% удовлетворяющая свои потребности в нефти и нефтепродуктах за счёт импорта из России, заинтересована в диверсификации поставщиков энергоносителей, в том числе из стран Центральной Азии. Однако, учитывая значительные запасы собственной нефти, в ближайшие годы Монголия намерена создать отечественный сектор нефтедобычи и переработки нефти, что также снизит заинтересованность Улан-Батора в экономическом сотрудничестве с центральноазиатским регионом [29].

Экзогенным фактором, сдерживающим сотрудничество Улан-Батора с ШОС, выступают, прежде всего, монголо-американские отношения. С начала 1990-х гг. Улан-Батор и Вашингтон рассматривают друг друга в качестве важных партнёров в рамках региональной политики и экономики. В январе 1991 г. конгрессом США было принято решение об оказании экономической помощи Монголии. Это решение подтвердил госсекретарь Д.Бейкер во время своего визита в Улан-Батор в июле 1991 г., впервые назвавший США «третьим соседом Монголии» [16, с.167]. В 1997 году во время своего визита в Австралию и Таиланд Б. Клинтон отметил Монголию в качестве примера демократии в Азии [27, р. 86]. Дж. Буш-мл., накануне своего визита в Монголию в ноябре 2005 года в интервью монгольскому телевизионному каналу заявил, что «никаких военных действий со стороны других государств по отношению к Монголии он не допустит», и добавил, что «если подобное произойдёт, то Америка обязательно окажет помощь Монголии» [6]. Начиная с 2003 года, на территории Монголии совместно с американской стороной проводятся военные учения «В поисках хана» («Khan quest») [7].

Со своей стороны Улан-Батор также не скрывает особого отношения к сотрудничеству с Вашингтоном. В феврале 2008 года министр иностранных дел Монголии С. Оюун заявила, что «под третьим соседом мы должны подразумевать ту страну, которая ничем не уступает нашим двум соседям в своих отношениях с Монголией... Наша страна находит-

ся между двумя державами – Россией и Китаем, но своим третьим соседом называет, к примеру, США, Австралию и другие страны» [4]. Эта же мысль чётко прослеживается в интервью посла Монголии в США Р. Болда под заголовком «Монголия – США: от комплексного партнёрства к третьему соседу» [10]. Знаковыми событиями в монголо-американском военном сотрудничестве стали отправка в 2002 году монгольских военнослужащих в Афганистан, а в 2003 году – в Ирак, для осуществления в составе сил американской коалиции поддержки военных операций. Тот факт, что Улан-Батор, вопреки позициям Пекина и Москвы поддержал большинство инициатив американской коалиции по свержению правительства Саддама Хусейна в Ираке, служит наглядным примером возросшей независимости монгольской стороны во внешнеполитических шагах от своих великих соседей.

Рядом монгольских политиков ШОС воспринимается в качестве организации, призванной противостоять политике США в регионе. Поэтому считается, что вступление на правах постоянного члена может ухудшить отношения Улан-Батора с Вашингтоном. А это не входит в планы монгольского руководства, сохраняющего дружественные отношения с США. По мнению российского монголоведа С.Г. Лузянина, «Монголия является стратегическим союзником США и Японии, политически ориентирована на Запад... поэтому включение Монголии в ШОС, её отрыв от «западного блока» можно будет расценивать как маленькую победу Китая и ШОС в целом» [17]. Разделяет его позицию и канадский исследователь Р. Бедески, считая, что «монгольское руководство рассматривает ШОС как очередное свидетельство российско-китайского сближения... вступление Монголии в ШОС автоматически закроет ей путь к политике «третьего соседа» [25, р. 84].

Наконец, существует ещё один фактор, скорее препятствующий, нежели сближающий Монголию и ШОС. Этот фактор связан с историческими обстоятельствами создания ШОС. Распад СССР поставил новые независимые республики Центральной Азии и Россию перед необходимостью урегулирования пограничных вопросов с КНР. В дальнейшем сотрудничество продолжилось в формате «Шанхайской пятёрки», базовыми темами которой оставались пограничные вопросы. В этом свете ШОС является расширением формата этого сотрудничества при почти полном (за исключением подключившегося в 2001 году Узбекистана) сохранении состава стран-участниц. Тем самым, «младшие» партнёры России и КНР в Центральной Азии во многом по инерции включились в работу созданной ШОС. Монголия, в 1990-е гг. не имевшая пограничных вопросов со своими соседями, по определению была вне основной повестки сотрудничества в центральноазиатском регионе. Соответственно в 2000-е гг. для Улан-Батора, в отличие, например, от Бишкека или Душанбе, не было эффекта инерционного сотрудничества в Центральной Азии уже в рамках ШОС.

Таким образом, в ближайшее время вряд ли стоит ждать принятия Монголии в ШОС на правах постоянного члена. Обозначенные выше факторы, представленные в комплексе, являются важным препятствием на пути к более тесному сотрудничеству монгольского государства с ШОС. Шанхайская организация сотрудничества для Монголии это достаточно удобная площадка для международного диалога с ближайшими соседями, перевода в формат многосторонних связей отношений с КНР и РФ. Нынешний статус постоянного наблюдателя для монгольской стороны представляется самым оптимальным. Став же постоянным членом ШОС, Монголия будет обязана брать на себя ряд обязательств в политической и социально-экономической сферах отношений с остальными членами (в первую очередь с Россией и Китаем), что ограничит

свободу действий страны в сфере внешней торговли и инвестиционной политики. По словам Д. Шурхуу, «наличие конкурирующих интересов у России и Китая в ШОС... заставят Монголию выбирать между Россией и Китаем» [24, с.104].

При этом не исключён вариант, при котором актуализация региональных угроз и вызовов (терроризм, экстремизм, наркотрафик и др.), характерных для постсоветской Центральной Азии, может заставить Улан-Батор пересмотреть свой подход к отношениям с ШОС.

Литература

1. Асроров А. ШОС: что день грядущий нам готовит? // Gazeta.kz, 18.12.2006.
2. Бобоев Ш. Расширение ШОС. Перспективы стран – претендентов на членство в Шанхайской Организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1291187220> [Дата обращения: 01.11.2012.].
3. ИА «Забинфо», 14.06.2006.
4. ИА «Монцамэ», 25.02.2008.
5. ИА «Монцамэ», 26.11.2010.
6. ИА «Регнум», 11.11.2005.
7. ИА «Регнум», 15.08.2006.
8. Изимов Р. Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/240.html>
9. Иностранные инвестиции в экономику Монголии. 1990-2007 гг. Официальный сайт правительства Монголии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mit.pmis.gov.mn/modules.php?name=News&file=article&sid+38> [Дата обращения: 01.11.2012.].
10. Интервью посла Монголии в США Р.Болда // Одрийн сонин (Ежедневная газета), 21.11.2004.
11. Истомин А. ШОС друзей не бросает // The Moscow Post, 11.06.2010.
12. Конституция Монголии. – Улан-Батор, 2009.
13. Концепция внешней политики Монголии. Улан-Батор, 1994.
14. Лузянин С.Г. Китай и «ближнее окружение»: региональные и двусторонние аспекты отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 3-19.
15. Марат Э. Демократия: почему у Монголии получилось // Радио «Голос Америки», 17 октября 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html> [Дата обращения: 01.11.2012.].
16. Олзвой Х. Ж. Визит Д.Бейкера в Монголию и произнесённая им фраза о «третьем соседе» // Олон улсын харилцаа (Международные отношения). 2002. № 1. С.166-168.
17. Панфилова В. Китай выводит Монголию из зоны интересов США // Независимая газета, 21.03.2007.
18. Парамонов В., Строков А. Торгово-экономическое присутствие Китая в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. URL: <http://easttime.ru> [Дата обращения: 01.11.2012.].

19. Парламент Монголии одобрил строительство железной дороги до Таван-Толгоя // Коммерсант, 26.06.2010.
20. Статистический сборник Монголии 2009. Улан-Батор, 2010.
21. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Монголией в 2010 году. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search> [Дата обращения: 01.11.2012.].
22. Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества. Официальный сайт Шанхайской Организации Сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=86>
23. Цэрэндорж Т. Монгольский мастер-класс партстроительства. [Электронный ресурс]. URL: Эксперт-онлайн http://expert.ru/ratings/table_58251/ [Дата обращения: 01.11.2012.].
24. Шурхуу Д. Участие Монголии в ШОС и взгляд на перспективы // Олон улс судлал (Международные исследования). 2011. № 1. С.102-107.
25. Bedeski R. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // The Mongolian Journal of International Affairs. № 13. 2006. P. 77- 87.
26. Jargalsaikhan D. Democracy and dictatorship // Ulaanbaatar Post. August 20, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5210&Itemid=41 [Дата обращения: 01.11.2012.].
27. Khaisandai L. Support of the Clinton Administration for Mongolia's Democracy and Renewal // Алтан аргамж (Золотая сбуря). 2001. № 4. P. 85-88.
28. Olzvoy H. Mongolian View on Economic Development and Cooperation in North-East Asia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1996. № 3. P.65-66.
29. Ulaanbaatar Post, 08.10.2010.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Asrorov A. SHOS: chto den' gryadushhij nam gotovit? // Gazeta.kz, 18.12.2006.
2. Boboev SH. Rasshirenie SHOS. Perspektivy stran – pretendentov na chlenstvo v SHankhajskej Organizatsii sotrudnichestva. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1291187220> [Дата обращения: 01.11.2012.].
3. IA «Zabinfo», 14.06.2006.
4. IA «Montsameh», 25.02.2008.
5. IA «Montsameh», 26.11.2010.
6. IA «Regnum», 11.11.2005.
7. IA «Regnum», 15.08.2006.
8. Izimov R. Perspektivy razvitiya SHankhajskej organizatsii sotrudnichestva. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/240.html>
9. Inostrannye investitsii v ehkonomiku Mongolii. 1990-2007 gg. Ofitsial'nyj sajt pravitel'stva Mongolii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mit.pmis.gov.mn/modules.php?name=News&file=article&sid+38> [Дата обращения: 01.11.2012.].
10. Interv'yu posla Mongolii v SSHA R.Bolda // Ødrijn sonin (Ezhednevnyaya gazeta), 21.11.2004.
11. Istomin A. SHOS družej ne brosaet // The Moscow Post, 11.06.2010.
12. Konstitutsiya Mongolii. – Ulan-Bator, 2009.
13. Kontseptsiya vneshnej politiki Mongolii. Ulan-Bator, 1994.
14. Luzyanin S.G. Kitaj i «blizhnee okruženie»: regional'nye i dvustoronnie aspekty otnoshenij // Problemy Dal'nego Vostoka. 2010. № 3. S.3-19.
15. Marat EH. Demokratiya: pochemu u Mongolii poluchilos' // Radio «Golos Ameriki», 17 oktyabrya 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voanews>

com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html [Data obrashheniya: 01.11.2012.].

16. Olzvoj KH. ZH. Vizit D.Bejkera v Mongoliyu i proiznesyonnaya im fraza o «tret'em sosedeh» // Olon ulsyn khariltsaa (Mezhdunarodnye otnosheniya). 2002. № 1. S.166-168.

17. Panfilova V. Kitaj vyvodit Mongoliyu iz zony interesov SSHA // Nezavisimaya gazeta, 21.03.2007.

18. Paramonov V., Stokov A. Torgovo-ehkonomicheskoe prisutstvie Kitaya v TSentral'noj Azii. [EHlektronnyj resurs]. URL: [http:// easttime.ru](http://easttime.ru) [Data obrashheniya: 01.11.2012.].

19. Parlament Mongolii odobril stroitel'stvo zheleznoj dorogi do Tavan-Tolgoya // Kommersant, 26.06.2010.

20. Statisticheskij sbornik Mongolii 2009. Ulan-Bator, 2010.

21. Torgovo-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo mezhdru Rossijskoj Federatsiej i Mongoliej v 2010 godu. Sajt Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: [http:// www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search](http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designelements/search) [Data obrashheniya: 01.11.2012.].

22. KHartiya SHankhajskoj Organizatsii Sotrudnichestva. Ofitsial'nyj sajt SHankhajskoj Organizatsii Sotrudnichestva. [EHlektronnyj resurs]. URL: [http:// www.sectesco.org/RU/show.asp?id=86](http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=86)

23. TSehrehndorz T. Mongol'skij master-klass partstroitel'stva. [EHlektronnyj resurs]. URL: EHkspert-onlajn [http:// expert.ru/ratings/table_58251/](http://expert.ru/ratings/table_58251/) [Data obrashheniya: 01.11.2012.].

24. SHurkhuu D. Uchastie Mongolii v SHOS i vzglyad na perspektivy // Olon uls sudlal (Mezhdunarodnye issledovaniya). 2011. № 1. S.102-107.

25. Bedeski R. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State // The Mongolian Journal of International Affairs. № 13. 2006. P. 77- 87.

26. Jargalsaikhan D. Democracy and dictatorship // Ulaanbaatar Post. August 20, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL: [http:// ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5210&Itemid=41](http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5210&Itemid=41) [Data obrashheniya: 01.11.2012.].

27. Khaisandai L. Support of the Clinton Administration for Mongolia's Democracy and Renewal // Altan argamzh (Zolotaya sbruya). 2001. № 4. P. 85-88.

28. Olzvoj H. Mongolian View on Economic Development and Cooperation in North-East Asia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1996. № 3. P.65-66.

29. Ulaanbaatar Post, 08.10.2010.

УДК 327 (470+571) + 327 (517.3)

*Родионов В.А., Бадмацыренов Т.Б., Шурхуу Д.
Rodionov V.A., Badmatsyrenov T.B., Shurkhuu D.*

«Возвращение» России в Монголию: проблема выбора стратегии

Russia's «comeback» to Mongolia: problem of strategy preference

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с природой и характером внешнеполитической стратегии России и Монголии. Авторы выявляют роль внешних и внутренних факторов в российско-монгольских отношениях, определяют сильные и слабые стороны стратегии России и Монголии во взаимных отношениях.

Ключевые слова: *российско-монгольские отношения, внешнеполитическая стратегия, конкурентная борьба, горнорудная отрасль*

In the paper there are considered the problems connected with reasons and character of Russian and Mongolian foreign policy strategy. Authors research the role of external and internal factors in Russian-Mongolian relations, define Russian and Mongolian strategy's strength and weaknesses towards each other.

Key words: *Russian-Mongolian relations, foreign policy strategy, competitive activity, mining sector*

В течение последнего десятилетия Россия чётко обозначила стремление усилить своё политическое, экономическое и культурное влияние в Монголии. Образно данная российская стратегия может быть обозначена как «возвращение в Монголию». Метафора «возвращения» заимствована из книги известного российского востоковеда С.Г. Лузянина «Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» и означает систему мероприятий внешней и, отчасти, внутренней политики, направленной на восстановление утраченных Россией в 1990-е гг. позиций в странах, традиционно входивших в сферу интересов России [7].

Москва и Улан-Батор способствовали выведению российско-монгольских отношений на уровень стратегического партнёрства, крупные российские компании сделали амбициозные заявки на участие в

РОДИОНОВ Владимир Александрович, к.полит.н., доцент кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского госуниверситета (г. Улан-Удэ). **E-mail:** vladimir198025@yahoo.com

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович, к.соц.н., старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского госуниверситета (г. Улан-Удэ). **E-mail:** batorovich@mail.ru

ШУРХУУ Доржийн, к.и.н., учёный секретарь Института международных исследований Академии наук Монголии (г. Улан-Батор). **E-mail:** shur121@yahoo.com

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ – МинОКН Монголии «"Возвращение" России в Монголию: модели и сценарии», № 12-23-03002

горнорудных проектах Монголии (Таван Толгой, Дорнод и другие). В свою очередь, экономическая стратегия монгольского руководства, нацеленная на разработку крупных месторождений полезных ископаемых, предполагает активное привлечение иностранного, в том числе российского, бизнеса. Усилилось двустороннее взаимодействие в образовательной, научной и культурной сферах.

Вместе с этим обеими сторонами неоднократно была обозначена новая стратегическая задача – приведение уровня торгово-экономических отношений между Россией и Монголией в соответствие с достигнутым высоким уровнем политического взаимодействия. Подобную задачу стороны прописали в Московской декларации 2006 года, Декларации о развитии стратегического партнёрства 2009 года [1, 9]. В первую очередь, речь шла о сотрудничестве двух стран в сфере горнодобывающей промышленности, разработке крупных месторождений угля, меди, урана Монголии.

Однако на данный момент российские компании не имеют заметных успехов на этом направлении. Несмотря на высокий уровень политических взаимоотношений между Москвой и Улан-Батором, в настоящее время российские компании не участвуют ни в одном из проектов по разработке крупных месторождений полезных ископаемых Монголии. Исключением являются лишь совместные российско-монгольские предприятия, основанные ещё в социалистический период – Эрдэнэт, Монголросцветмет, УБЖД.

Одним из серьёзных факторов, препятствующим успешному продвижению российских экономических интересов в Монголии, на наш взгляд, является ошибочная стратегия, избранная Москвой в отношении с Улан-Батором.

Среди просчётов российской стороны можно назвать следующие. Во-первых, это убежденность в том, что в монгольском политическом пространстве преобладают «пророссийские» и «прозападные» (а значит, «антироссийские») силы. К первым относится Монгольская народно-революционная партия (МНРП),¹ ко вторым – большинство оппозиционных партий во главе с Монгольской демократической партией (МДП). Соответственно необходимо всесторонне поддерживать именно МНРП. Во-вторых, это расчёт на то, что высокий уровень политического взаимодействия Москвы и Улан-Батора, личные доверительные отношения между лидерами являются гарантией продвижения российских экономических интересов в Монголии, в первую очередь, в самой перспективной горнорудной отрасли страны.

Первое заблуждение проявилось в практически открытой поддержке МНРП официальными российскими представителями на парламентских и президентских выборах в Монголии. Во время визита в Монголию в 2008 году делегации Государственной Думы член комитета по международным делам Р. Кондратов заявил о поддержке МНРП «на предстоящих демократических выборах в Монголии (выборы в ВГХ 2008 года – прим. наше)» [2]. Также накануне парламентских выборов 2008 года между российской партией «Единая Россия» и МНРП было парафировано «Соглашение о сотрудничестве», а представитель «Единой России» К. Косачев заявил, что «выбор МНРП в качестве партнёра – это «выбор стратегический» [4]. Глава российского посольства в Монголии Б.А. Говорин в интервью телекомпании «Аист-Монголия» подверг критике оппозиционные МНРП партии, фактически обвинив их в организации беспорядков после выборов в ВГХ 2008 года [5]. МДП это было расценено как попытка вмешательства во внутренние дела суверенного

¹ По решению партийного съезда в ноябре 2010 года МНРП сменила своё официальное название на МНП – Монгольская народная партия.

государства.

Подобное отношение российских властей к МНРП можно объяснить следующими причинами. Во-первых, увеличение взаимного внимания сторон друг к другу пришлось на время практически монопольного правления в Монголии МНРП. В период с 2000 по 2004 гг. 72 из 76 мест в ВГХ занимали члены МНРП [14, с. 73], президентом и премьер-министром также являлись представители МНРП. Вероятно, у российской стороны сложилось впечатление, что данный факт оказался решающим в процессе сближения. Хотя более основательной причиной активизации российско-монгольских отношений всё же следует считать экономический подъём экономики России в начале 2000-х гг. Это не могло не вызвать рост привлекательности РФ как международного партнёра.

Во-вторых, сыграли свою роль давние, доставшиеся ещё с социалистического периода связи между МНРП и представителями российской политической элиты. В российских СМИ постоянно подчёркивается то обстоятельство, что большинство членов МНРП в разные годы получили высшее образование в СССР/РФ, владеют русским языком. В свою очередь, в переговорах с российской стороной МНРП периодически использует имидж «пророссийски настроенной силы», противопоставляя себе оппозиционные партии, избирая их в качестве недоброжелателей России, сторонников исключительно прозападной ориентации, что не всегда является отражением действительности. Не менее активно МНРП и её лидеры сотрудничают с КНР, Японией, Кореей, странами Запада. Например, такое важное с точки зрения международно-региональной ситуации событие как совместные с США военные учения на территории Монголии «Khan Quest» начали проводиться с 2003 года, т.е. в период, когда президентом был Н. Багабанди (МНРП), премьер-министром Н. Энхбаяр (МНРП), а большинство мест в ВГХ было у МНРП. Решение о направлении в Ирак военного контингента для поддержки политики США было также принято во время гегемонии представителей МНРП.

В-третьих, существенное влияние на российскую внешнеполитическую стратегию оказали т.н. «цветные революции», произошедшие в ряде постсоветских республик (Грузия, Украина) и приведшие к установлению недружественных России прозападных политических режимов. В результате во всех последующих внутривнутриполитических катаклизмах, инициированных оппозиционными силами на постсоветском пространстве, стали видеть «руку Запада». В случае с Монголией подобная позиция проявилась в оценке июльских событий 2008 года, когда сразу же после парламентских выборов в Улан-Баторе произошли массовые беспорядки, отношение к которым имели оппозиционные МНРП партии. В качестве меры противодействия данной тенденции российским руководством была избрана полная поддержка МНРП.

В сравнении с МНРП такие партии как МДП, Монгольская социал-демократическая партия, партия «Гражданская воля» в меньшей степени позиционируют себя в качестве сторонников дружественных отношений с Россией, склоняются к тесному сотрудничеству со странами Запада, в первую очередь, с США. В период избирательной кампании в парламент в 2008 году в программе МДП значился пункт о необходимости отмены визового режима для граждан Японии, Южной Кореи и стран Евросоюза [10]. PR-кампания кандидата в президенты от Демпартии Ц. Элбэгдоржа включала в себя, в том числе критику российско-монгольских отношений, сотрудничество двух стран в деле совместного хозяйствования УБЖД, ряда других совместных предприятий [12].

В то же время, не следует преувеличивать прозападные и антироссийские настроения руководства данных партий. Полемика основных

монгольских партий по вопросу о внешнеполитических приоритетах является в значительной степени конъюнктурной и объясняется, главным образом, закономерностями партийно-политической борьбы. В ходе избирательной кампании критика оппонента, в том числе и его внешнеполитических шагов, является органической частью политического процесса. Что же касается существа вопроса, то на деле разногласия не затрагивают основ внешней политики Монголии. Наличие разногласий по отдельным аспектам внешней политики не оказывает заметного влияния на выработку и реализацию единого стратегического курса Монголии. Большинство государственных и общественных деятелей, независимо от их партийно-политических предпочтений, признают необходимость проведения многовекторной политики, при опоре и на Россию, и на Китай, и на Запад, не отдавая особого предпочтения ни одному из центров силы.

Таким образом, фактически открыто поддерживая только одну партию – МНРП, российское руководство кладёт, образно выражаясь, «все яйца в одну корзину», что в условиях часто меняющейся внутривнутриполитической ситуации в Монголии недальновидно. Ошибочность данной тактики наглядно продемонстрировали последние выборы президента Монголии в 2009 году. Победу одержал Ц. Элбэгдорж, опередивший действующего на тот момент президента Н. Энхбаяра, не официально, но явно поддержанного российской стороной в ходе визита В.В. Путина в мае 2009 года в Улан-Батор. Российский премьер встречался только с представителями МНРП, не уделив внимания представителям оппозиционной МДП [3].

Однако в своём выступлении во время инаугурации Ц. Элбэгдорж заявил, что «продолжит политику укрепления дружеских отношений со странами мира, в особенности по упрочению добрососедских связей с двумя соседними государствами (Россией и Китаем – прим. наше)» [6], тем самым подтвердив приверженность существующей во внешней политике страны стратегии многовекторности. В результате оказались значительно завышены прозападные настроения Ц. Элбэгдоржа, который, в первую очередь, является прагматиком, ориентирующимся на национальные интересы.

Второе заблуждение, т.е. представление о том, что политическое сближение Монголии с Россией в 2000-е гг. автоматически повлечёт за собой предоставление особых, эксклюзивных прав российскому капиталу для освоения полезных ископаемых страны, особенно ярко проявилось в случае с месторождением меди и золота Оюу Толгой.

Ещё летом 2009 года руководство АО «Российские железные дороги», заручившись поддержкой российского руководства, было оптимистично настроено относительно перспектив получения лицензии на разработку этого месторождения. Основанием для подобного оптимизма были личные (устные) договорённости (по неофициальным данным), заключённые в мае 2009 года между В.В. Путиным и премьер-министром Монголии С. Баяром и президентом Н. Энхбаяром. Однако уже в октябре 2009 года монгольское правительство передало лицензию на разработку Оюу Толгой канадско-австралийскому тандему «Айвенхоу Майнз» (Ivanhoe Mines) и «Рио Тинто» (Rio Tinto). Многие отечественные аналитики расценили данное событие как результат победы «недружественного» России Ц. Элбэгдоржа [8; 11], не учитывая того факта, что договор с монгольской стороны подписывало правительство во главе с С. Баяром (член МНРП) с санкции ВГХ, большинство в котором также принадлежит МНРП – 47 мест против 26 мест у МДП [14, с. 73].

Реальные же причины подобного исхода событий стоит искать в особенностях политической системы Монголии, в расстановке сил среди монгольской политической элиты. Ни один, даже очень авторитет-

ный политик Монголии в силу сложившегося баланса сил, не способен единолично гарантировать успех в таком предприятии, как передача лицензий на разработку крупных месторождения. Решения по такому важнейшему для страны вопросу, как выбор инвестора для разработки крупнейших месторождений, как правило, принимается коллегиально, с участием основных политических сил Монголии. В первую очередь, речь идёт о монгольском парламенте, обладающим наибольшим объёмом властных полномочий согласно конституции страны. В частности, ВГХ, являющийся «высшим органом государственной власти» [16, с. 13], уполномочен принимать, изменять и отменять законы, назначать и освобождать от должности премьер-министра и правительство, выдвигать недоверие президенту [16, с. 14-15].

Необходимо понять, что для России в Монголии больше не существует особых (эксклюзивных) преференций при выходе на основные рынки сырья, промышленных объектов и услуг. Она является одним (пусть и значимым) из нескольких участников конкурентной борьбы. Отсюда главная задача для российского руководства и отечественного бизнеса – быть готовыми к ведению этой конкурентной борьбы.

Таким образом, назрела потребность в замене стратегии 2000-х гг. новой, более гибкой и эффективной стратегией. При этом определённые корректировки во внешнеполитической стратегии необходимы и для монгольской стороны.

С распадом СССР и дезинтеграцией социалистической системы Улан-Батор встал на путь смены своей внешнеполитической стратегии. Не желая более быть связанным особыми отношениями с кем бы то ни было, монгольское руководство положило в основу национальной безопасности стратегию многовекторности в отношениях с внешним миром. В основу этой стратегии был положен принцип «равноудалённости» от двух географических соседей – России и Китая, при опоре на т.н. «третьего коллективного партнёра», представленного внерегиональными факторами – США, Японией, Германией и другими [17]. «Равноудалённость» была рассчитана на то, что Москва, Пекин и третьи игроки будут уравнивать друг друга в процессе конкурентной борьбы за влияние на Монголию. Однако зародившиеся ещё в начале 1990-х гг. тенденции поставили под сомнение устойчивость и долгосрочность подобной модели национальной безопасности.

Во-первых, крайне пассивная российская политика в регионе, во многом детерминированная социально-экономическим спадом в РФ и особенностью внешнеполитической стратегии Москвы первой половины 1990-х гг., привела к заметному снижению роли России во внешней политике Монголии. За первое постсоциалистическое десятилетие Москва утратила многие наработанные за годы советско-монгольских отношений связи с высшими политическими кругами Монголии, значительно снизив интенсивность межгосударственных контактов на высшем уровне. На протяжении 1990-х гг. объёмы торговли между двумя странами неизменно снижались – с \$ 1233 млн. в 1990 году до \$ 198 млн. в 1999 году [13, с. 177].

Во-вторых, с началом постсоциалистического периода стал наращивать своё экономическое и политическое влияние в Монголии Китай. С 1999 года КНР является лидером во внешнеэкономических связях с Монголией, впервые за многие десятилетия опережая Россию. По итогам 2011 года доля Китая во внешней торговле Монголии составила 56,7% [15, с. 113]. Китай является фактическим монополистом монгольского экспорта: львиная доля сельскохозяйственной продукции (кашемир, кожа, шкуры) и продуктов горнорудной промышленности (угол, медь, золото) закупается китайской стороной. Таким образом, Китай за

последнее десятилетие превратился в фактического гегемона в экономических отношениях с Монголией, что лишь усилило традиционные, привнесённые историей, страхи монголов перед своим южным соседом.

В-третьих, внерегиональные государства в силу ряда объективных причин (географическая удалённость Монголии, плохое состояние коммуникационных средств, узкий рынок сбыта) не смогли стать стабильными внешнеэкономическими партнёрами Монголии, образовать в долгосрочной перспективе третий равноценный полюс влияния в регионе.

В результате, в середине 2000-х гг. стало очевидным изменение существовавшего ранее баланса сил. Наметилась довольно явная перспектива односторонней привязки Монголии к своему южному соседу. Как следствие, при существующих тенденциях, принцип «равноудалённости» в отношениях с Россией и Китаем становится менее оправданным и эффективным.

Россия уже в силу географического соседства объективно является самой заинтересованной стороной в деле удержания Монголии вне сферы монопольного китайского влияния. При этом необходимо понимать, что отказ от многовекторности в монгольской внешней политике мало вероятен, политического союза между Россией и Монголией, аналогичного союзу социалистического периода, не предвидится. Речь скорее может идти о перестановке монгольской стороной отдельных акцентов в рамках этой политики, увеличении внимания к отношениям с Россией.

Литература

1. Декларация о развитии стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Монголией 2009 года. // Сайт посольства РФ в Монголии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

2. Депутаты-международники отправились в Монголию. // Агентство национальных новостей, 20.03.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=157873> [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

3. Для сравнения можно отметить, что во время официального визита в Монголию в августе 2010 года делегации Компартии КНР во главе с руководителем департамента внешних связей ЦК КПК Ван Цзяжуем были проведены встречи с представителями всех ведущих монгольских политических партий. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7107715.html> [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

4. "Единая Россия" договорилась о сотрудничестве с ведущей партией Монголии. // Информационное агентство Лента.ру, 25.03.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2008/03/25/mongol/> [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

5. Интервью Говорина Б.А. телекомпании Аист-Монголия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M5e34d937c04.html#1. [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

6. ИТАР-ТАСС, 18.06.2009.

7. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.). М., 2007. 447 с.

8. Монголия лишает Россию золота // КоммерсантЪ, № 183 (4238), 02.10.2009.

9. Московская Декларация, подписанная президентом России В.В. Путиным и президентом Монголии Н. Энхбаяром 8 декабря 2006 года в Москве. // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

10. Программа Демократической партии к парламентским выборам в Монголии 2008 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.owasia.ru/mongolia-pressa_2008+M5897ce265e2.html#1 Обзор монгольской прессы, 20.06.2008). [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

11. Россия теряет Монголию. // Информационный портал «Бизнес и финансы», 07.10.2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://fintimes.km.ru/62973/> [Дата обращения: 01.11.2012 г.].

12. Ганчимэг Д. Оросууд Монгол дахь уул уурхайн сонирхлоо алдаахасм айж байна (Русские обеспокоены положением дел в добывающей сфере Монголии) // Үндэсний шуудан. 27.05.2009.

13. Монгол улсын статистикийн бюллетень (Статистический бюллетень Монголии). Улаанбаатар, 2000. X. 177.

14. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2009 (Статистический сборник Монголии. 2009 год). Улаанбаатар, 2010.

15. Монгол улсын үндэсний статистикийн эмхтгэл 2011 (Сборник национальной статистики Монголии 2011) Улаанбаатар, 2012. X. 113.

16. Монгол улсын үндсэн хууль (Конституция Монголии). Улаанбаатар, 2009.

17. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии) // Ардын эрх. 17 июля. 1994.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Deklaratsiya o razvitiі strategicheskogo partnyorstva mezhdū Rossijskoj Federatsiej i Mongoliej 2009 goda. // Sajt posol'stva RF v Mongolii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

2. Deputaty-mezhdunarodniki otpravilis' v Mongoliyu. // Agentstvo natsional'nykh novostej, 20.03.2008. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.annnews.ru/news/detail.php?ID=157873> [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

3. Dlya sravneniya možhno otmetit', chto vo vremya ofitsial'nogo vizita v Mongoliyu v avguste 2010 goda delegatsii Kompartii KNR vo glave s rukovoditelem departamenta vneshnikh svyazej TSK KPK Van TSzyazhuem byli provedeny vstrechi s predstavatelyami vsekh vedushhikh mongol'skikh politicheskikh partij. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7107715.html> [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

4. "Edinaya Rossiya" dogovorilas' o sotrudnichestve s vedushhej partiej Mongolii. // Informatsionnoe agentstvo Lenta.ru, 25.03.2008. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://lenta.ru/news/2008/03/25/mongol/> [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

5. Interv'yu Govorina B.A. telekompanii Aist-Mongoliya. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.owasia.ru/digest_2008+M5e34d937c04.html#1. [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

6. ITAR-TASS, 18.06.2009.

7. Luzyanin S.G. Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashhenie Rossii na «Bol'shoj Vostok» (2004-2008 gg.). M., 2007. 447 s.

8. Mongoliya lishaet Rossiyu zolota // Kommersant", № 183 (4238), 02.10.2009.

9. Moskovskaya Deklaratsiya, podpisannaya prezidentom Rossii V.V. Putinyim i prezidentom Mongolii N. EHnkhbayarom 8 dekabrya 2006 goda v Moskve. // Ofitsial'nyj sajt Prezidenta RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067

kremlin.ru/interdocs/2006/12/08/1726_type72067_115119.shtml?type=72067 [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

10. Programma Demokraticheskoj partii k parlamentskim vyboram v Mongolii 2008 goda. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.owasia.ru/mongolia-prensa_2008+M5897ce265e2.html#1 Obzor mongol'skoj pressy, 20.06.2008). [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

11. Rossiya teryaet Mongoliyu. // Informatsionnye portal «Biznes i finansy», 07.10.2009. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://fintimes.km.ru/62973/> [Data obrashheniya: 01.11.2012 g.].

12. Ganchimehg D. Orosuud Mongol dakh' uul uurkhajm sonirkhloo aldaakhasm ajzh bajna (Russkie obespokoeny polozheniem del v dobyvayushhej sfere Mongolii) // Yندهsnij shuudan. 27.05.2009.

13. Mongol ulsyn statistikijn byulleten' (Statisticheskij byulleten' Mongolii). Ulaanbaatar, 2000. KH. 177.

14. Mongol ulsyn statistikijn ehmkhtgehl 2009 (Statisticheskij sbornik Mongolii. 2009 god). Ulaanbaatar, 2010.

15. Mongol ulsyn yندهsnij statistikijn ehmkhtgehl 2011 (Sbornik natsional'noj statistiki Mongolii 2011) Ulaanbaatar, 2012. KH. 113.

16. Mongol ulsyn yندهsn khuul' (Konstitutsiya Mongolii). Ulaanbaatar, 2009.

17. Mongol ulsyn gadaad bodlogyn uzehl barimtlal (Kontseptsiya vneshnej politiki Mongolii) // Ardyn ehrkh. 17 iyulya. 1994.

УДК 001.89:339.138

Рубан Д.А.
Ruban D.A.

Регион как исследовательский бренд в условиях научной глобализации

Region as a research brand under conditions of scientific globalization

В условиях глобализации существенным вызовом для региональных научных систем является их успешное международное позиционирование. В ряде областей знания внимание научного сообщества концентрируется на отдельных регионах, ставших своего рода брендами. Данный феномен может быть использован региональной научной системой в целях собственного развития и для адекватного ответа на обозначенный выше вызов..

Ключевые слова: региональный бренд; научная система; международное позиционирование; глобализация; геологические исследования

An important challenge for regional scientific systems under conditions of globalization is their successful international positioning. In some fields, the attention of the scientific community is concentrated on selected regions, which become a kind of brands. This phenomenon can be employed by a given regional scientific system for the purposes of its own development and adequate reaction to the above-mentioned challenge.

Key words: regional brand; scientific system; international positioning; globalization; geological research

Изучение различных аспектов развития региональных научных систем продолжает оставаться актуальным в настоящее время [1-4]. Более того, процессы глобализации, оказывающие существенное влияние и на исследовательскую среду, требуют переосмысления целого ряда задач, стоящих перед такими системами, что, в свою очередь, стимулирует дополнительный интерес к всестороннему анализу последних. В самом общем виде региональная научная система включает в себя, как минимум, следующие взаимосвязанные компоненты:

- ◆ совокупность научных кадров (включая занятых в сфере высшего образования и независимых специалистов), а также связанный с ними вспомогательный (технический) и административный персонал;

- ◆ совокупность научных учреждений (университетов, научно-исследовательских институтов, производственных научных центров и т.д.) и организаций (прежде всего, профессиональных ассоциаций);

- ◆ сети научного сотрудничества (межуниверситетские/межинститутские, исследовательские группы и сообщества) и их отдельные ячейки, составляющие более крупные сети, связанные с научной деятельностью на национальном и международном уровнях;

- ◆ научная инфраструктура, обеспечивающая внутреннюю и внеш-

ною коммуникацию системы, связи с производственным комплексом, сферой культуры, средствами массовой информации и т.п.;

♦ административные органы, осуществляющие управление научной системой.

Наличие большого количества региональных научных систем предполагает конкуренцию между ними ради стремления к успешному позиционированию каждой из таких систем, как на национальном, так и на международном уровне. Последнее видится особенно актуальным, в связи с упоминавшимися выше процессами глобализации. Представляется, что феномен «регион-исследовательский бренд» вполне может выступить в качестве одного из действенных инструментов международного позиционирования региональной научной системы, что, в свою очередь, отвечает национальным интересам страны, в пределах которой последняя функционирует. Рассмотрение данного вопроса является предметом настоящей работы.

Некоторые крупные области научного знания, такие как, например, геология, география, биология, археология, антропология, основываются в той или иной (чаще значительной) степени на результатах региональных исследований. Речь может идти, допустим, об изучении потенциала нефтегазовости Западной Сибири, авифауны Канарских островов или артефактов из долины р. Нил. Основываясь на анализе информационного потока (прежде всего, научных публикаций) в области наук о Земле нетрудно обратить внимание на тот факт, что некоторые регионы заслужили особое внимание мирового научного сообщества [5]. К числу таковых относятся, например, осадочный бассейн Сорбас в Испании и Воконтский трог во Франции. Если говорить о нашей стране, то здесь информация о геологическом строении Алтая и ряда регионов Сибири и Дальнего Востока кажется более «интересной» для мировых специалистов, чем сведения о Северном Кавказе или центральных регионах Европейской России. То, о чём идёт речь, проявляется двояко. С одной стороны, в ведущих (и не только) периодических международных научных изданиях «топовым» регионам посвящено сравнительно большое количество работ. Это означает концентрацию научных исследований в их пределах. Более того, по мере роста значения региона для проведения, скажем, геологических исследований в глазах мирового научного сообщества увеличивается и возможность опубликования соответствующих работ в более престижных изданиях (о последнем можно судить, в частности, по их т.н. «импакт-фактору»). С другой стороны, новая информация, получаемая из «топовых» регионов вызывает повышенный интерес у научного сообщества, что находит отражение в т.ч. и в индексах цитирования посвящённых им статей. Таким образом, некоторые регионы сами по себе выступают в качестве своеобразного исследовательского бренда, означающего результативность и престижность проведения исследований в их пределах, следование таковых трендам современной науки, возможность полной реализации собственных исследовательских амбиций и т.д. Такой феномен, который можно определить как «регион – исследовательский бренд», играет заметную роль в развитии отдельных областей научного знания и, в частности, в геологии [5]. Существенной предпосылкой к его широкому распространению является не столько исключительная значимость, разнообразие, эталонность геологического строения отдельных регионов или же их историческая значимость в качестве объектов «классических» исследований, сколько

♦ стремление современной науки к интенсивным, а не экстенсивным исследованиям;

♦ существенная ориентация научного сообщества на выполнение «стандартных» исследований;

♦ большая роль фактора т.н. «научной моды» (см. [5]).

Всё это усиливается глобализацией науки, способствующей быстрому распространению вновь формируемых представлений и принципов организации научно-исследовательской работы. Таким образом, феномен «регион-исследовательский бренд» скорее сам способствует возведению знаний о геологическом строении отдельных регионов в число особо важных. Анализ литературы показывает, что такого рода бренды сохраняются на протяжении первых десятков лет, но, возможно, могут оказаться и более устойчивыми.

В качестве позитивного влияния рассматриваемого феномена на проведение научных исследований можно отметить, прежде всего, исключительно качественное изучение геологии отдельных регионов, где работают (подчас одновременно) несколько групп специалистов, в т.ч. занимающихся одними и теми же проблемами. Однако негативное влияние может оказаться ещё больше, т.к. особый интерес к одним регионам и их подчас лишь видимая (!) эталонность снижают внимание к информации из других регионов. Тем не менее, рассмотрение феномена с точки зрения региональных научных систем позволяет сделать акцент на ряде иных аспектов его проявления. Ориентация исследований на регионы-бренды привлекает дополнительное внимание к функционирующим в их пределах научным системам, что, в свою очередь, способствует развитию последних и, главное, их успешному позиционированию на национальном и международном уровнях (последнее особо важно в условиях глобализации – см. выше). Связано это, во-первых, с необходимостью привлечения местных специалистов для проведения региональных исследований в рамках международных проектов, во-вторых, с выведением результатов последних на принципиально иной, более высокий уровень, в-третьих, с появлением дополнительной возможности адаптации региональной научной системой новейших достижений мировой науки, и, наконец, в-четвёртых, с обеспечением подготовки молодых специалистов, занятых в региональной научной системе, путём их непосредственного приобщения к деятельности ведущих мировых учёных. Если исходить из того, что ориентация исследований на регионы-бренды является данностью в ряде областей научного знания (например, в той же геологии), то представляется логичным обозначить продвижение региона как исследовательского бренда (подобно созданию и продвижению прочих территориальных брендов [2]) в качестве одной из перспективных задач для региональных научных систем.

Рассмотрим условия проявления феномена «регион-исследовательский бренд». Основываясь на анализе подобного явления в развитии современной геологии, отметим следующие из них:

♦ наличие в регионе особенностей (например, геологических объектов, процессов), которые позволяют проводить «прорывные» исследования, отвечающие наиболее актуальным проблемам современной науки;

♦ высокая степень изученности вышеуказанных особенностей местными специалистами (желательно, несколькими группами таковых) с систематическим опубликованием результатов проведённых ими работ в ведущих международных изданиях;

♦ привлечение к региональным работам нескольких международных исследовательских групп, включающих (каждая!), как минимум, одного «крупного» учёного мирового уровня и несколько молодых специалистов;

♦ наличие удовлетворительной инфраструктуры (собственно научной, административно-правовой, образовательной, материально-технической и т.д.) для проведения в регионе исследований на основе самых высоких мировых стандартов;

- ◆ высокая результативность проводимых международными группами исследований (прежде всего, большое количество публикаций);
- ◆ систематическое проведение научных собраний (конференций, коллоквиумов и т.п.) с участием ведущих мировых специалистов, посвящённых тематике(ам) исследований в данном регионе;
- ◆ возможность реализации нескольких крупных исследовательских проектов на долговременной основе.

Здесь также стоит отметить, что феномен «регион-исследовательский бренд», будучи следствием научной глобализации, проявляется наиболее сильно на международном уровне, и, следовательно, продвижение таких брендов должно ориентироваться сообразно общим трендам развития мировой науки (хотя особенности национальной системы также могут быть должным образом учтены). Обеспечение вышеперечисленных условий исследовательского брендинга регионов возможно лишь за счёт всех компонентов региональной научной системы, которые были указаны в начале работы.

Вполне очевидно, что становление того или иного региона в качестве исследовательского бренда вовсе не означает «автоматического» стимулирования действующей в его пределах научной системы. Для этого требуется, как минимум, готовность всех её компонентов (см. выше) к соответствующим действиям. Персонал университетов, научно-исследовательских институтов и прочих научных учреждений должен быть подготовлен к международному сотрудничеству, восприятию принципиально новых идей, конструктивному научному диалогу. Помимо этого, ему следует активно заниматься исследованиями, работая на равных с международными группами, формулируя и решая собственные задачи (с публикацией результатов в ведущих изданиях), а не только обеспечивая поддержку международных проектов на местном уровне. Большое значение должно также уделяться активному вовлечению молодых специалистов (включая студентов и аспирантов) в проводимые исследования, а также интеграции научно-исследовательских и образовательных программ. Отдельные учреждения могут корректировать планы своего кратко- и долгосрочного развития таким образом, чтобы связать с ними реализуемые в регионе исследовательские проекты и придать последним приоритетное значение. Сети научного сотрудничества должны обладать известной гибкостью для налаживания связей между региональной научной системой и мировой наукой, причём выходящих за рамки исследований, определяющих регион как бренд. От научной инфраструктуры потребуется готовность к существенной (возможно, даже многократной) интенсификации исследовательской деятельности. Наконец, региональные административные органы должны не только обеспечивать всемерную поддержку (в т.ч. финансовую и административно-правовую) исследовательского брендинга региона, но и контролировать его эффективность для развития и успешного международного позиционирования региональной системы. Вполне очевидно, что последней потребуется решать намного более сложные организационные задачи, чем те, которые традиционно стояли перед ней.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что продвижение регионов как исследовательских брендов может стать действенным инструментом развития региональных научных систем и их успешного позиционирования на международном уровне и, соответственно, дать адекватный ответ на некоторые вызовы, связанные с глобализацией науки. Более того, активное и целенаправленное воздействие региональных научных систем на рассматриваемый в настоящей работе феномен вполне может способствовать как упорядочиванию мировой научной деятельности, которая приобрела в последнее время (по крайней мере,

в отдельных областях) в некоторой степени хаотический характер [5], так и минимизации отмечавшегося выше негативного влияния феномена «регион-исследовательский бренд» на научно-исследовательскую деятельность.

Литература

1. Бильчак В.С., Носачевская Е.А. Развитие научно-исследовательской деятельности в регионе. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 265 с.
2. Важенина И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49-58.
3. Галина В.Л. К проблеме формирования регионального научно-образовательного пространства // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 134-141.
4. Монастырный Е.В. Университеты и научные центры как базовые элементы региональной инновационной системы // Инновации. 2006. № 7. С. 87-90.
5. Рубан Д.А. Основы научных исследований. Модули I, II, III. Ростов-на-Дону, УПЛ ЮФУ, 2012. 48+41+27 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bil'chak V.S., Nosachevskaya E.A. Razvitie nauchno-issledovatel'skoj deyatelnosti v regione. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. 265 s.
2. Vazhenina I.S. Imidzh i brend regiona: sushhnost' i osobennosti formirovaniya // ENkonomika regiona. 2008. № 1. S. 49-58.
3. Galina V.L. K probleme formirovaniya regional'nogo nauchno-obrazovatel'nogo prostranstva // Vestnik INZHEHKONa. Seriya: ENkonomika. 2010. № 1. S. 134-141.
4. Monastyrnyj E.V. Universitety i nauchnye tsentry kak bazovye ehlementy regional'noj innovatsionnoj sistemy // Innovatsii. 2006. № 7. S. 87-90.
5. Ruban D.A. Osnovy nauchnykh issledovaniy. Moduli I, II, III. Rostov-na-Donu, UPL YUFU, 2012. 48+41+27 s.

УДК 001

*Литошенко Д.А.
Litoshenko D.A.*

Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в.

Status of regional researches in the south of the Far East Russia
by the end of the first decade of XXI

В рамках заключительной части статьи наше внимание будет сосредоточено на последнем аспекте намеченной ранее исследовательской программы, связанном с критическим измерением, весьма показательным для характеристики динамики интеллектуальной жизни регионоведческого научного сообщества, принадлежность к которому определяется наличием такой характеристики профессиональной деятельности его сочленов, как участие в разноплановых и разномасштабных исследованиях региональной направленности. Таким образом, мы сосредоточимся на критическом измерении, фокусирующем наше внимание на научных мероприятиях регионоведческой тематики последних лет, происходивших в изученном нами сегменте научно-образовательного пространства юга Дальнего Востока России. В финале заключительной части будет предпринята попытка осуществить интерпретацию полученной картины состояния регионоведческих исследований к концу первого десятилетия XXI века, сделать на этом основании некоторые выводы и предложить рекомендации относительно направлений и содержания дальнейшего развития рассматриваемой исследовательской отрасли в регионе.

Критическое измерение: научные мероприятия регионоведческой тематики последних лет

Ещё в начале первого десятилетия XXI в. на страницах научных изданий всё чаще стал обсуждаться вопрос о глубоком и всеохватном кризисе существующей системы научной коммуникации, общей и весьма стремительной деградации её базовых форм, удручающей неадекватности предписанного внутреннего наполнения конференционных форм научной жизни их реальному содержанию, продиктованному подлинными реалиями дня сегодняшнего [1; 5, с. 464-468]. Тут же высказывались идеи (на самом деле лежащие в русле характерного для актуальной стадии развития массового общества процесса демассификации (сегментации) о необходимости отхода от частых, крупномасштабных и происходящих в реальном пространстве научных мероприятий, и обращения к

ЛИТОШЕНКО Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: magistr@hist.dvgu.ru

Продолжение. Начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 1 (12). С. 100-109; Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 3 (14) С. 138-147; Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2011. № 2 (17). С. 185-191.

малым, компактным формам научных действий с камерным характером и высокодифференцированной целевой аудиторией [7; 17], либо вообще о целесообразности переноса научной коммуникации в виртуальное пространство Всемирной Сети.

Изучение массива подобного рода публикаций, а так же ряда популярных наставлений для организаторов различного рода, уровня и типа научных мероприятий, побудило нас ещё раз признать стратегическую правильность и продуктивность избранного нами сочетания подходов к изучению состояния регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. Дело в том, что в качестве ключевых концептов для интерпретации состояния регионоведческих исследований в указанном пространственно-географическом ареале нами привлекались такие понятия, как поле исследований (не только проблемное, но субъектное), научное сообщество, научно-образовательное пространство, т.е. не совсем привычные словесные формы, смысловое содержание которых открывает перед пытливым исследователем несамоочевидные пласты и горизонты науковедческого изучения состояния и эволюции регионоведческой науки в соответствующих пространственных и временных границах.

Собственно же аналитический обзор научных мероприятий регионоведческой тематики, состоявшихся на протяжении первого десятилетия XXI в., правомерно начать с одного из последних по времени проведения, тем более, оно представляется во всех отношениях весьма показательным. Речь, в данном случае, идёт о происходившем 22 ноября 2010 г. в городах Владивосток и Находка научно-методическом семинаре «Трансграничные отношения в Северо-Восточной Азии в политическом, экономическом и социокультурном измерениях», организованном Находкинским филиалом ВГУЭС и журналом «Ойкумена: Регионоведческие исследования» [8, с. 123-141]. Состав участников и обстоятельства проведения семинара с максимальной наглядностью демонстрируют общие закономерности, характерные для всех научных мероприятий регионоведческой тематики первого десятилетия XXI в.

В первую очередь, необходимо отметить то обстоятельство, что данный научно-методический семинар, как и большинство других регионоведческих научных мероприятий, позволяет обнаружить подлинное бытование специализированного исследовательского сообщества, в качестве внешних проявлений жизнедеятельности и функционирования которого следует понимать подобные мероприятия. Нет нужды скрывать, что в современных условиях организация и проведение регионоведческих научных мероприятий на юге российского Дальнего Востока активно ресурсирует личные связи и профессиональные отношения, структурой и конфигурацией которых в решающей степени определяется круг участников подобного рода форумов.

Во-вторых, бросается в глаза обилие молодёжи, участвовавшей в работе научно-методического семинара. Из двадцати участников мероприятия во Владивостоке шестеро могут быть на полном основании отнесены к молодёжной возрастной категории (30 %), хотя и ряд других участников (не менее трёх человек (15 %) также могут быть отнесены к этой возрастной группе. Из пятнадцати участников, работавших на находкинской площадке семинара, к молодёжной категории могут быть отнесены не менее четырёх человек (27 %).

В-третьих, обращает на себя внимание всё возрастающий на протяжении последних лет дефицит личного участия в подобного рода научных мероприятиях, на фоне чего всё более актуальным становится перенос части их функционала в заочную (или даже дистанционную) форму. Автору этих строк доподлинно известно, что в рассматриваемом

научно-методическом семинаре приняли участие далеко не все те, у кого объективно имеется интерес и потребность публичной манифестации и обсуждения собственных исследовательских позиции и результатов. На этом фоне весьма показательным, хотя, в то же время, и несколько диссонирующим с общей логикой проявления рассматриваемой закономерности, представляется феномен ограниченного по форме участия в обнаружении результатов мероприятия, выразившийся в факте неполного совпадения списка заявленных выступлений и репертуара опубликованных докладов [8, с. 123-141].

В-четвёртых, весьма любопытной тенденцией, нашедшей воплощение в рассматриваемом научно-методическом семинаре, выступает пространственный перенос площадок проведения подобных научных мероприятий из признанных научно-образовательных центров в места, устойчиво характеризующиеся в разнообразных категориях провинциальности. Принимая во внимание данную тенденцию, можно с достаточно высокой степенью уверенности прогнозировать перемещение мест проведения крупномасштабных научных мероприятий высокого уровня (международных и с международным участием) за пределы признанных, традиционных центров интеллектуальной жизни, что, в свою очередь, будет стимулировать развитие там необходимой научно-образовательной, информационно-коммуникационной, транспортной и сервисной инфраструктуры.

Намеченные закономерности бытования научных мероприятий регионоведческой направленности, состоявшихся в первом десятилетии XXI в. на юге Дальнего Востока России, позволяют нам структурировать дальнейшее рассмотрение подобного рода явлений в жизни, изученного нами кластера поля современных регионоведческих исследований в указанном географическом ареале. Собственно, дальнейшие наши рассуждения будут в решающей степени соотнесены с теми узловыми точками разметки поля регионоведческих исследований, которые были подробно рассмотрены в ходе проекта «Terra incognita. Хроника жизни научного сообщества тихоокеанской России» [6, с. 100-102].

Безусловным лидером среди рассмотренных субъектов поля регионоведческих исследований юга российского Дальнего Востока выступает Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [10]. Только за вторую половину прошедшего десятилетия ИИАЭ ДВО РАН было организовано и проведено не менее 29 научных мероприятий регионоведческой направленности. Среди этого массива регионоведческих научных мероприятий можно выделить: 4 молодёжных конференции; 10 научных мероприятий международного уровня; 1 мероприятие с международным участием; 5 годичных сессий Института; 2 сессии и 1 конференция археологов и антропологов Дальнего Востока; 2 Крушановских чтений; 1 Шавкуновские чтения и др. В плане типологического многообразия среди проведённых в рассматриваемый период ИИАЭ ДВО РАН регионоведческих научных мероприятий можно выделить: 16 конференций; 2 круглых стола; 5 симпозиумов; 3 чтений; 4 сессии. В проблемно-тематическом плане проводимые Институтом регионоведческие научные мероприятия лежат в русле комплекса традиционных и новаторских направлений исследований, определяемых в качестве приоритетных для данного научно-исследовательского учреждения. Приведённые данные позволяют со всей определённой судить о том, что ИИАЭ ДВО РАН традиционно выступает привлекательной площадкой для проведения научных мероприятий регионоведческой тематики, обеспечивающих благоприятные возможности для осуществления полноценной профессиональной коммуникации исследователей, для обмена мнениями, научной дискуссии, установления и укрепления контактов

и связей между учёными, представляющими как академическую, так и вузовскую науку, что, в конечном итоге, способствует дальнейшему развитию регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России, интеграции регионоведческой науки и образования, сохранению устоявшихся и конструированию новых профессиональных идентичностей в поле регионоведческих исследований, эволюции научного регионоведческого сообщества в изменяющихся социокультурных, нормативно-организационных, интеллектуальных, социально-экономических условиях современности.

Влияние общего кризиса традиционной системы научной коммуникации можно усматривать в том, что имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют с достаточной степенью полноты судить о научных мероприятиях регионоведческой тематики Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (ТИГ ДВО РАН), имевших место в первом десятилетии XXI в. Учитывая тот факт, что по данным открытого каталога научных конференций, выставок и семинаров «Конференции.RU» в г. Владивостоке в период с середины 2008 – по конец 2010 гг. состоялось не менее 32 научных мероприятий [3], более 20 из которых, в разной степени, имели регионоведческую направленность. Следует отметить, что организатором двух мероприятий регионоведческой тематики из числа идентифицированных по базе открытого каталога... «Конференции.RU» выступал именно ТИГ ДВО РАН. Отрадно, что данные мероприятия в типологическом плане относятся к разряду конференций, а в плане уровня обе конференции принадлежат к числу международных. В содержательном плане данные международные конференции посвящены влиянию динамики землепользования и изменения ландшафтов в Северо-восточной Азии на устойчивое развитие региона и геополитическому потенциалу трансграничного сотрудничества стран АТР, соответственно.

Уже само название конференций, в организации которых принимал участие ТИГ ДВО РАН, свидетельствует о прагматизме присущего ему подхода к различным формам непосредственной коллективной научной коммуникации и, в известной степени, объясняет скудость информации доступных нам источников. Учёная братия ТИГ ДВО РАН в своей профессиональной повседневности, с нашей точки зрения, придерживается принципа – «Быть, а не казаться», – с позиций которого современные научные мероприятия представляются либо карнавалоритуальным паноптикумом, либо разухабистой PR-акцией, но в любом случае – досадным поводом для отвлечения времени, средств и сил от подлинного научного творчества.

На этом фоне в особом свете предстают молодёжные научные мероприятия регионоведческой тематики ТИГ ДВО РАН. В частности, в 2004-2010 гг. советом молодых учёных (СМУ) ТИГ ДВО РАН (совместно с руководством ИОС ДВГУ) были организованы и проведены 7 конференций-конкурсов молодых учёных «Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке», по результатам которых были опубликованы три сборника научных трудов [12]. Помимо того, в 2008 г. СМУ ТИГ ДВО РАН были проведены два совместных российско-китайских семинара молодых учёных ТИГ ДВО РАН и Северо-восточного института географии и агроэкологии Китайской академии наук (г. Чанчунь, КНР) [12]. В 2008-2010 гг. регулярно проводились институтские семинары молодых учёных, на которых происходил обмен впечатлениями от участия в различных научных мероприятиях и полевых исследовательских работах.

Пусть доступные нам сведения не позволяют с достаточной степенью полноты судить об активности ТИГ ДВО РАН на ниве конференци-

онной деятельности, тем не менее его субъектность в этом поле научной деятельности не вызывает сомнений. Более того, можно утверждать, что представители академической географической науки на юге российского Дальнего Востока умело используют потенциал форм непосредственного коллективного общения, предоставляемых современной системой научной коммуникации.

Ещё одним лидером в деле конференционной активности на собственной базе следует признать Приморский государственный объединённый музей имени В.К. Арсеньева. В то же время, необходимо отметить крайнюю фрагментарность, мозаичность и неполноту сведений, содержащихся в доступном нам массиве информационных источников. И в этом вовсе не следует усматривать традиционные для представителей цеха профессиональных историков «причитания» по поводу информативной скудости и неполноте источниковой базы. В данном случае это было бы с нашей стороны явным «интеллектуальным кокетством». Тем не менее, от специализированного учреждения, выступающего в роли форпоста коллективной памяти общества, следовало бы ожидать большей открытости и доступности информации о проводимых им самим, либо на его базе, либо с его участием научных мероприятий регионоведческой тематики.

В рассматриваемый период ПГОМ им. В.К. Арсеньева проводились многочисленные научные мероприятия международного уровня, ставшие местом обсуждения широкого круга проблем современного регионоведения. Ядром конференционной деятельности ПГОМ им. В.К. Арсеньева на протяжении первого десятилетия XXI в. являлись Арсеньевские чтения, претерпевшие в 2001-2010 гг. заметную эволюцию: конференция приобрела международный уровень, регулярную (раз в пять лет) периодичность проведения и обязательность издания сборника материалов научного мероприятия [11]. В рамках состоявшихся в рассматриваемый период чтений, внимание участников чтений было сосредоточено на различных аспектах жизни, деятельности, творчества и наследия В.К. Арсеньева, охватывающих едва ли не весь спектр регионоведческих исследований, имеющих своим объектом Приморье как неотъемлемую часть Дальнего Востока России.

Не менее значимым, как в организационном, так и в содержательном плане, оказался проект более раннего времени, период реализации которого ПГОМ им. В.К. Арсеньева приходится на последнее десятилетие XX в. Речь, в данном случае, идёт об Янковских чтениях, состоявшихся в 1992-2000 гг. пять раз. IV-е и V-е чтения (1998, 2000 гг.) уже проводились в формате международных научно-практических конференций, что свидетельствует об имевшемся у данного проекта потенциале развития. По итогам I-V-х чтений Музеем были опубликованы сборники материалов [2]. Следует отметить, что сборники материалов Янковских чтений служат «настоящей кладовой информации о жизни и деятельности семьи Янковских и их окружения – известных первопроходцев в хозяйственном освоении юга российского Дальнего Востока. Их ценность заключается в том, что они базируются на архивных документах, хранящихся в фондах музея им. В.К. Арсеньева, в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, а также в других архивах Приморья, России и за рубежом» [2].

Заметным явлением в конференционной жизни не только регионоведческого научного сообщества юга российского Дальнего Востока, но и кругов заинтересованной общественности, как в общероссийском масштабе, так и за рубежом, в конце XX – начале XXI вв., выступали проводившиеся ПГОМ им. В.К. Арсеньева с 1993 г. международные научные конференции «Старобрядчество Сибири и Дальнего Востока» [14]. Не-

смотря на то, что одноимённые конференции проводились ежегодно на протяжении одиннадцати лет, тем не менее, наибольший общественный резонанс и отклик в СМИ вызвала именно IV Международная научная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока», состоявшаяся 14-17 сентября 2004 г. В чём нет ничего удивительного в силу широчайшей географии участников конференции, охватывавшей не только Россию (Москва, Новосибирск, Улан-Удэ, Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Томск [13]), но и Японию, США [15], а также участием в работе научного форума преосвященнейшего Андриана, митрополита Московского и Всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви [14], выступившего в качестве своеобразного хедлайнера данного мероприятия. Однако скудость имеющихся в нашем распоряжении сведений не позволяет с уверенностью судить о том, имела ли данная инициатива ПГОМ им. В.К. Арсеньева дальнейшее продолжение. Проводились ли одноимённые конференции в последующие годы остаётся загадкой.

Из инициатив ПГОМ им. В.К. Арсеньева в области организации научных мероприятий особняком стоит I Международная научно-практическая конференция генеалогов-любителей Дальнего Востока «Историко-генеалогические исследования на Дальнем Востоке: результаты, перспективы, проблемы» [9]. В конференции приняли участие более 70 исследователей: сотрудники музеев, архивов, библиотек, учёные Института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, преподаватели и студенты высших учебных заведений Приморского края (из городов Владивосток и Находка). География конференции оказалась довольно обширной, участие в её работе приняли генеалоги-любители из городов Хабаровска, Партизанска, Артёма, сёл Чугуевки и Яковлевки, посёлков Кавалерово и Большой Камень, Тернейского и Шкотовского районов. Заочное участие в конференции со своими сообщениями приняли зарубежные исследователи Майкл Трип (Канада, штат Британская Колумбия), профессор Евгений Новак (Германия), Павел Сливинский (Польша). Справедливости ради, следует заметить, что данная научно-практическая конференция является продолжением клубной работы ПГОМ им. В.К. Арсеньева, чем, в известной степени, объясняется широкое участие общественности в её работе. Именно это обстоятельство, надо полагать, предопределяет, во-первых, однократный характер рассматриваемого научного мероприятия (о второй и последующих конференциях генеалогов-любителей Дальнего Востока нет никаких сведений) и, во-вторых, достаточно узкий сектор спектра самостоятельного изучения региона, охватывавший сообщество родоведов, более же широкая краеведческая общественность оказалась за пределами фокуса внимания не только данной конкретной конференции, но и, по всей видимости, ПГОМ им. В.К. Арсеньева. Позволим себе смелость надеяться на то, что ПГОМ им. В.К. Арсеньева в будущем не только продолжит практику проведения научных мероприятий с участием генеалогов-любителей, но и станет площадкой для организации коллективного общения представителей широкой краеведческой общественности.

Помимо упомянутых научных мероприятий регионоведческой направленности, организованных ПГОМ им. В.К. Арсеньева, по большей части, самостоятельно и проведённых на своей базе, необходимо отметить и те, в отношении которых он выступал в качестве соорганизатора. Среди таковых, в первую очередь, следует отметить международную научную конференцию «Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке», посвящённую 90-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. Главным организатором кон-

ференции выступал ИИФК ДВГУ, а в качестве соорганизаторов, помимо ПГОМ им. В.К. Арсеньева, участвовали РГИА ДВ и ИИАЭ ДВО РАН. На базе Музея работала одна из секций конференции, посвящённая истории культуры Дальнего Востока. Большой интерес у участников заседания секции вызвали доклады, представленные сотрудниками ПГОМ им. В.К. Арсеньева [16]. Участие Музея в организации подобного рода научного мероприятия представляется глубоко символическим, так как очередной раз наглядно демонстрирует степень его давней, глубокой и всеохватной «вплетённости в ткань» организационной структуры «исторического» кластера поля регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России.

Не менее символическим представляется соучастие ПГОМ им. В.К. Арсеньева в организации и проведении II-ой Всероссийской научно-богословской конференции «Актуальные проблемы изучения истории и культуры православия» [4]. Пусть даже среди заявленных к обсуждению на конференции вопросов не просматривается в прямом смысле регионоведческой направленности, тем не менее, данное научное мероприятие может быть отнесено к разряду регионоведческих уже в силу того, что, в содержательном плане, участники конференции в своих докладах и сообщениях не могли обойти вниманием реалии региональной действительности, предоставляющей богатый и благоприятный материал для научно-богословских эззерсисов. Кроме того, роль соорганизатора подобного рода научного мероприятия позволила ПГОМ им. В.К. Арсеньева продемонстрировать взвешенную позицию в отношении различных православных церковных организаций, выражающуюся в готовности предоставить их представителям трибуну для обнародования своей точки зрения и её обсуждения с масштабным привлечением различных групп заинтересованной общественности. Подобного рода позиция ПГОМ им. В.К. Арсеньева, с нашей точки зрения, в полной мере соответствует социокультурной миссии музейного учреждения в крайне неоднозначной культурной и общественной жизни юга Дальнего Востока России.

Окончание следует

Литература

1. Брагинская, Н. Пир софистов / Н. Брагинская // Журнальный зал | НЛО, 2003 №59 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/brag.html> [Дата обращения: 16.02.2012 г.].

2. «Записки клуба Родовед» № 23. Кушнарёва Т.К. «Янковские» // Приморский государственный объединённый музей имени В.К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arseniev.org/content/?s=33&a=164> [Дата обращения: 21.10.2012 г.].

3. Каталог событий // Конференции.RU | Открытый каталог научных конференций, выставок и семинаров [Электронный ресурс]. URL: http://www.konferencii.ru/search?advance%5Bkeyword%5D=&advance%5BsearchOr%5D=1&advance%5BstartDate%5D=2001-01-01&advance_startDate=01-01-2001&advance%5BendDate%5D=2010-12-31&advance_endDate=31-12-2010&advance%5BlastRequestDate1%5D=&advance_lastRequestDate1=&advance%5BlastRequestDate2%5D=&advance_lastRequestDate2=&advance%5BcountryId%5D=2&advance%5BcityId%5D=5&advance%5BeventId%5D=&advance%5BorderBy%5D=startDate&advance%5BorderAs%5D=2&advance%5Blimit%5D=100&su

bmit=%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C [Дата обращения: 17.02.2011 г.].

4. Конференции.RU | II-я Всероссийская научно-богословская конференция «Актуальные проблемы изучения истории и культуры православия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.konferencii.ru/info/id/2758> [Дата обращения: 24.10.2012 г.].

5. Левченко, М. Научный туризм / М. Левченко // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 С. 464-468.

6. Литошенко, Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в. (начало) / Д.А. Литошенко // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 1 (12) С. 100-109.

7. Михайлин, В. Несколько замечаний о внеинституциональных формах научного общения / В. Михайлин // Журнальный зал | НЛЮ. 2003 № 59 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/mihai.html> [Дата обращения: 16.02.2012 г.].

8. Научно-методический семинар «Трансграничные отношения в Северо-восточной Азии в политическом, экономическом и социокультурном измерениях» // Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 4 (15) С. 123-141.

9. Отчёт о I международной научно-практической конференции генеалогов-любителей Дальнего Востока «Историко-генеалогические исследования на Дальнем Востоке: результаты, перспективы, проблемы» // Приморский государственный объединённый музей имени В.К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://arseniev.org/pages/?a=145&s=33&p=1> [Дата обращения: 21.10.2012 г.].

10. Проведённые конференции // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://ihaefe.org/conference.html> [Дата обращения: 17.02.2011 г.].

11. Программа Научно-краеведческого Арсеньевского центра и Арсеньевского фонда, созданного при музее им. Арсеньева на 1999-2004 гг. // Приморский Государственный Объединённый Музей им. В.К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: http://www.arseniev.org/filials/ars_prog.htm [Дата обращения: 17.02.2011 г.].

12. Результаты работы Совета Молодых учёных ТИГа в 2006-2010 гг. 27 Января 2011 // Сайт ТИГ ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: http://tig.dvo.ru/news/rezultaty_raboty_soveta_molodykh_uchenykh_tiga_v_2006_2010_gg/2011-01-27-13 [Дата обращения: 17.02.2011 г.].

13. РЕЛИГАРЕ – Вышел в свет новый сборник статей «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_26515.html [Дата обращения: 21.10.2012 г.].

14. С 14 по 17 сентября будет проводиться IV Международная научная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» // Приморский Государственный Объединённый Музей им. В.К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arseniev.org/arch/conf.htm> [Дата обращения: 21.10.2012 г.].

15. СОВРЕМЕННОЕ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ – Во Владивостоке сегодня начала работу международная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.starooobrad.ru/modules.php?name=News2&file=article&sid=23> [Дата обращения: 21.10.2012 г.].

16. Состоялась Международная научная конференция «Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке» // Приморский государственный объединённый музей имени В.К. Арсеньева [Электронный ресурс]. URL: <http://arseniev.org/news/2008-10-10-sostoyalas-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-istoricheskaya-nauka-i-istoricheskoe.htm> [Дата обращения: 24.10.2012 г.].

17. Спиридонов, В. Кафедральный андеграунд / В. Спиридонов // Журнальный зал | НЛО. 2003 № 59 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/spirid.html> [Дата обращения: 16.02.2012 г.].

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Braginskaya, N. Pir sofistov / N. Braginskaya // Zhurnal'nyj zal | NLO, 2003 N59 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/brag.html> [Data obrashheniya: 16.02.2012 g.].

2. «Zapiski kluba Rodoved» № 23. Kushnareva T.K. «Yankovskie» // Primorskij gosudarstvennyj ob"edinyonnyj muzej imeni V.K. Arsen'eva [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.arseniev.org/content/?s=33&a=164> [Data obrashheniya: 21.10.2012 g.].

3. Katalog sobytij // Konferentsii.RU | Otkrytyj katalog nauchnykh konferentsij, vystavok i seminarov [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.konferencii.ru/search?advance%5Bkeyword%5D=&advance%5BsearchOr%5D=1&advance%5BstartDate%5D=2001-01-01&advance_startDate=01-01-2001&advance%5BendDate%5D=2010-12-31&advance_endDate=31-12-2010&advance%5BlastRequestDate1%5D=&advance_lastRequestDate1=&advance%5BlastRequestDate2%5D=&advance_lastRequestDate2=&advance%5BcountryId%5D=2&advance%5BcityId%5D=5&advance%5BeventId%5D=&advance%5BborderBy%5D=startDate&advance%5BborderAs%5D=2&advance%5Blimit%5D=100&submit=%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D1%8C [Data obrashheniya: 17.02.2011 g.].

4. Konferentsii.RU | II-ya Vserossijskaya nauchno-bogoslovskaya konferentsiya «Aktual'nye problemy izucheniya istorii i kul'tury pravoslaviya» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.konferencii.ru/info/id/2758> [Data obrashheniya: 24.10.2012 g.].

5. Levchenko, M. Nauchnyj turizm / M. Levchenko // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 1 S. 464-468.

6. Litoshenko, D.A. Sostoyanie regionovedcheskikh issledovanij na yuge Dal'nego Vostoka Rossii k kontsu pervogo desyatiletija XXI v. (nachalo) / D.A. Litoshenko // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2010. № 1 (12) S. 100-109.

7. Mikhajlin, V. Neskol'ko zamechanij o vneinstitucional'nykh formakh nauchnogo obshheniya / V. Mikhajlin // Zhurnal'nyj zal | NLO. 2003 № 59 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/mihai.html> [Data obrashheniya: 16.02.2012 g.].

8. Nauchno-metodicheskij seminar «Transgranichnye otnosheniya v Severo-vostochnoj Azii v politicheskom, ehkonomicheskom i sotsiokul'turnom izmereniyakh» // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: Nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2010. № 4 (15) S. 123-141.

9. Otchyot o I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii genealogov-lyubitelej Dal'nego Vostoka «Istoriko-genealogicheskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke: rezul'taty, perspektivy, problemy» // Primorskij gosudarstvennyj ob"edinyonnyj muzej imeni V.K. Arsen'eva [Elektronnyj resurs]. URL: <http://arseniev.org/pages/?a=145&s=33&p=1> [Data obrashheniya: 21.10.2012 g.].

10. Provedyonnye konferentsii // Institut istorii, arkhologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ihaefe.org/conference.html> [Data obrashheniya: 17.02.2011 g.].

11. Programma Nauchno-kraevedcheskogo Arsen'evskogo tsentra i Arsen'evskogo fonda, sozdannogo pri muzee im. Arsen'eva na 1999-2004 gg. // Primorskij Gosudarstvennyj Ob"edinyonnyj Muzej im. V.K. Arsen'eva [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.arseniev.org/filials/ars_prog.htm [Data obrashheniya: 17.02.2011 g.].

12. Rezul'taty raboty Soveta Molodykh uchyonykh TIGa v 2006-2010 gg. 27 Yanvarya 2011 // Sajt TIG DVO RAN [EHlektronnyj resurs]. URL: http://tig.dvo.ru/news/rezultaty_raboty_soveta_molodykh_uchenykh_tiga_v_2006_2010_gg/2011-01-27-13 [Data obrashheniya: 17.02.2011 g.].

13. RELIGARE – Vyshel v svet novyj sbornik statej «Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.religare.ru/2_26515.html [Data obrashheniya: 21.10.2012 g.].

14. S 14 po 17 sentyabrya budet provodit'sya IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka» // Primorskij Gosudarstvennyj Ob"edinyonnyj Muzej im. V.K. Arsen'eva [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.arseniev.org/arch/conf.htm> [Data obrashheniya: 21.10.2012 g.].

15. SOVREMENNOE DREVLEPRAVOSLAVIE – Vo Vladivostoke segodnya nachala rabotu mezhdunarodnaya konferentsiya «Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.starobrad.ru/modules.php?name=News2&file=article&sid=23> [Data obrashheniya: 21.10.2012 g.].

16. Sostoyalas' Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke» // Primorskij gosudarstvennyj ob"edinyonnyj muzej imeni V.K. Arsen'eva [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://arseniev.org/news/2008-10-10-sostoyalas-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-istoricheskaya-nauka-i-istoricheskoe.htm> [Data obra-shheniya: 24.10.2012 g.].

17. Spiridonov, V. Kafedral'nyj andegraund / V. Spiridonov // ZHurnal'nyj zal | NLO. 2003 № 59 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/spirid.html> [Data obrashheniya: 16.02.2012 g.].

УДК 343.4

Жерновой М.В.
Zhernovoy M.V.

Проблемы противодействия незаконному обороту древесины в ДФО

Problems combat illegal timber trade in the Far Eastern Federal District

В настоящей статье проанализированы существующие проблемы, снижающие эффективность борьбы с незаконным оборотом древесины на Дальнем Востоке, а также предложен ряд мер по их решению.

Ключевые слова: *древесина, преступность, контрабанда*

This paper analyzes the existing problems, reducing the effectiveness of the fight against illegal timber trade in the Far East, and proposed a number of measures to address them.

Key words: *timber, crime, smuggling*

Проблема незаконных рубок лесных насаждений – одна из важных проблем лесного хозяйства Дальнего Востока России. На территории ДФО сосредоточено 55% от общего лесного фонда РФ (496,2 млн. га), а лесопромышленный комплекс является одной из бюджетообразующих отраслей экономики. Вместе с тем уровень криминализации данной отрасли остаётся одним из самых высоких. За 2004-2010 гг. количество выявленных фактов незаконных рубок в округе выросло на 31% (с 1 009 до 1 470). При этом размер причинённого ущерба составил 3 021 593 тыс. рублей, из них возмещено всего 466 тыс. рублей, или 0,015% [2]. Помимо этого, широкое распространение получила контрабанда ценных пород древесины в Китай, ущерб от которой оценивается в десятки миллионов долларов. Большая часть преступлений в лесной отрасли совершается организованными преступными группами.

Основными факторами, обуславливающими широкое распространение незаконных рубок и оборота незаконной древесины, являются как высокий спрос на такую древесину на внешнем и внутреннем рынках, так и широкое предложение, обусловленное пробелами в лесном законодательстве и слабым уровнем межведомственного взаимодействия.

Существенным фактором, не способствующим борьбе с незаконными рубками лесных насаждений, является и низкий уровень материально-технического обеспечения сотрудников, осуществляющих государственный лесной надзор (лесную охрану). Кроме того, в России отсутствует государственная система учёта заготовленной древесины, позволяющая прослеживать движение древесины в цепочке от лесосеки через пункты переработки до потребителя с целью подтверждения её законности.

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, к.ю.н., ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Приморскому краю (г. Владивосток). **E-mail:** primvnii@bk.ru

Единообразное и эффективное применение законодательства в борьбе с незаконными рубками снимает неопределённость понятия «незаконная рубка». Само понятие раскрыто лишь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» [1]. Однако указанное постановление не учитывает изменений, произошедших в лесном законодательстве, в связи с чем не всегда позволяет правильно применять нормы уголовного и административного законодательства.

Вместе с тем, сегодня понятие «незаконные рубки лесных насаждений» включает в себя различные по правовой природе и по причинам возникновения явления. Незаконной рубкой является как самовольная рубка гражданином новогодней ели или сухостойного дерева для личных нужд, так и деятельность бригад «чёрных лесорубов», которые вырубают значительные объёмы древесины (в том числе и деревья, заготовка которых запрещена); заготовка древесины арендатором без подачи лесной декларации, так и ошибки операторов «харвестеров», осуществивших рубку за пределами отведённой лесосеки; рубка деревьев, кустарников, лиан в охранных полосах линейных объектов, без соответствующего уведомления, так и незаконно назначенная санитарная рубка. Кроме того, понятия «незаконная рубка лесных насаждений» и «незаконная заготовка древесины», исходя из статей 16 и 29 Лесного кодекса РФ, представляют собой разные правовые явления.

Рациональное использование имеющихся лесных запасов позволяет обеспечить не только текущие и перспективные внутренние потребности страны в лесоматериалах и продукции их переработки, но и значительно расширить экспорт лесобумажной продукции. В этой связи новации, связанные с экологическими, санитарными и иными требованиями потребителей и законодательств стран-импортёров российских лесоматериалов и продукции их переработки, уже являются и будут продолжать быть актуальными для всего лесопромышленного комплекса РФ.

За последние 20 лет в мире возник ряд инициатив правительств экономически развитых стран, направленных на борьбу с глобальным обезлесиванием и незаконными рубками, а также на поддержку ответственного управления лесами. К таким инициативам относятся:

- поправки к американскому закону Лэйси в части установления уголовной ответственности за импорт незаконно заготовленной древесины и продукции из неё;
- законодательные инициативы Евросоюза в части противодействия обороту незаконно заготовленной древесины и продукции из неё.

Частично задачу противодействия незаконным рубкам выполняет добровольная лесная сертификация. Среди наиболее распространённых международных схем сертификации следует отметить Лесной попечительский совет (FSC) и программы по одобрению схем сертификации (PEFC).

В свою очередь Россией был принят ряд мер, направленных на повышение эффективности борьбы с незаконными рубками, в частности:

- расширены полномочия государственных лесных инспекторов и лесничих в части задержания нарушителей лесного законодательства и доставления их в полицию; изъятия у них орудий совершения правонарушений, транспортных средств и документов (Федеральные законы от 29.12.2010 г. № 442-ФЗ и от 18.07.2011 г. № 242-ФЗ) [3, 4];
- внесены изменения в Правила заготовки древесины, которые предусматривают осмотр лесосек;

- утверждён и реализуется уполномоченными органами исполнительной власти План по предотвращению незаконной заготовки и оборота древесины в РФ на 2011-2014 гг.

Наряду с этим подготовлен законопроект «О внесении изменений в Лесной кодекс и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», устанавливающий порядок пребывания граждан в лесах, лиц со специальными механизмами, автотранспортными средствами, самоходными машинами и другими видами техники, предназначенными для рубки лесных насаждений, заготовки и транспортировки древесины.

Лесным кодексом РФ установлено, что лесопользователи приобретают право на заготовку древесины, а не на круглые лесоматериалы. При этом товарной продукцией являются круглые лесоматериалы, полученные из лесных насаждений. Именно среди круглых лесоматериалов, поставляемых на внутренний рынок и на экспорт, велика доля незаконно заготовленных. Происхождение таких лесоматериалов не подлежит документальному подтверждению, что создаёт условия для незаконных лесозаготовок.

Во исполнение поручения Президента РФ Рослесхоз подготовил законопроект «О государственном регулировании оборота круглых лесоматериалов», который предусматривает создание Единой государственной автоматизированной информационной системы оборота круглых лесоматериалов. После его принятия все лица, осуществляющие с ними сделки, обязаны будут декларировать все этапы сделок, начиная с заготовки и заканчивая перевозкой (включая вывоз за рубеж).

С марта 2013 года вступит в силу Регламент Европейского Союза (ЕС) № 995/2010, запрещающий ввоз на территорию стран ЕС незаконно заготовленной древесины. Учитывая, что цели и задачи государственной системы учёта заготовленной древесины и добровольной лесной сертификации совпадают, представляется целесообразным интегрировать в неё имеющиеся и доказавшие свою эффективность механизмы добровольной лесной сертификации.

Принимая во внимание вышеизложенное, в целях совершенствования правового обеспечения противодействия незаконным рубкам лесных насаждений, рекомендуем:

Федеральному Собранию РФ:

- в законодательных актах предусмотреть понятия «незаконная рубка», «незаконная древесина», «незаконный оборот лесоматериалов и продукции из древесины», критерии легальности, правовые нормы, подтверждающие законность происхождения древесины при экспорте лесоматериалов и другой лесной продукции, правовое регулирование противодействия незаконным рубкам древесины и нелегальному обороту лесоматериалов;

- установить уголовную, административную ответственность за продажу или приобретение заведомо незаконно заготовленных лесоматериалов и продукции из незаконной древесины.

Правительству РФ:

- обеспечить надлежащее межведомственное сотрудничество и координацию действий по предотвращению незаконных рубок и оборота незаконно заготовленной древесины;

Минсельхозу России:

провести антикоррупционную экспертизу Лесного кодекса (2006 г.) с внесёнными в него поправками, а также нормативных документов, принятых во исполнение положений Лесного кодекса;

рассмотреть результаты независимой антикоррупционной экспертизы лесного законодательства, выполненные в рамках реализа-

ции странового плана Российской Федерации по программе Евросоюза «Совершенствование правоприменения и управления в лесном секторе стран Восточного направления Европейской политики добрососедства и России»;

подготовить предложения по внесению изменений в Лесной кодекс РФ, другие законодательные акты РФ, регулирующие лесные правоотношения, в части искоренения коррупционных факторов как меры противодействия незаконным рубкам и нелегальному обороту заготовленной древесины.

В этой части иметь в виду необходимость:

внесения изменения в статьи 96 и 97 Лесного кодекса по разделению распорядительных функций и функций государственного лесного контроля и надзора в органах государственного управления лесами в субъектах РФ; пересмотра полномочий между федеральным центром и субъектами РФ в части организации и проведения лесоустройства;

проанализировать причины и факторы, обуславливающие состояние и различные формы проявления нелегального лесопользования в условиях децентрализации лесоуправления, дать оценку эффективности мероприятий, проведённых в рамках программы ENA-FLEG за период 2005-2010 гг.;

продолжить разработку «Методических рекомендаций (типового макета) по подготовке и реализации системы мер по предотвращению и сокращению нелегальных лесозаготовок и незаконного оборота лесоматериалов и апробации их на региональном уровне».

Федеральному агентству лесного хозяйства:

- ускорить подготовку нормативных правовых актов, необходимых для предотвращения незаконных заготовок и оборота древесины нелегального происхождения с учётом требований Лесного кодекса РФ, предложений граждан и общественных организаций;

- при разработке и внедрении системы контроля за соблюдением законодательных требований к происхождению древесины и реализации круглых лесоматериалов учесть опыт корпоративных систем отслеживания происхождения древесины;

- разработать предложения и обеспечить реализацию системы мероприятий по сохранению биоразнообразия лесов;

- содействовать развитию лесной сертификации;

- обеспечить поддержку пилотных проектов в области устойчивого управления лесами и контроля за их использованием в субъектах РФ;

- обеспечить открытость информации о лесах, масштабах и уровне правонарушений при лесопользовании для всех заинтересованных сторон, включая общественные организации и население;

- повышать институциональный уровень управления лесным сектором.

Органам государственной власти субъектов РФ:

- обеспечить эффективное исполнение предоставленных полномочий в области лесных отношений, разработать и реализовать меры по противодействию незаконным рубкам и обороту лесоматериалов и древесины незаконно происхождения, устранению коррупционных рисков при лесопользовании;

- предусмотреть меры при утверждении порядка и нормативов, обеспечивающих доступную, легальную заготовку древесины гражданами для собственных нужд;

- оказывать содействие и необходимую помощь лесохозяйственным организациям, субъектам малого и среднего лесного бизнеса, местному населению в работе по эффективному и рациональному использованию

лесных ресурсов, воспроизводству, охране и защите лесов, обеспечению охраны окружающей среды;

- осуществить внедрение передовых методов контроля за лесопользованием, современных способов учёта заготовленной древесины;
- организовать реализацию пилотных проектов для отработки оптимальной системы устойчивого управления лесами, контроля за состоянием, использованием, воспроизводством лесов, межведомственного взаимодействия по предотвращению незаконных рубок.

Лесопромышленным и целлюлозно-бумажным компаниям, предприятиям лесного сектора:

- при заготовке древесины, производстве лесоматериалов обеспечивать требования экологической и социальной устойчивости лесов и легальность лесопользования, учитывать положительный опыт экологически ответственных лесопромышленников;

- поддерживать развитие добровольной лесной сертификации как реального механизма обеспечения законности и устойчивости лесопользования;

- внедрять корпоративные системы учёта древесины, используя российский и международный опыт.

Торгово-промышленным палатам в субъектах РФ, общественным и неправительственным организациям:

- повышать уровень информированности предприятий лесопромышленного комплекса об актуальных изменениях в международном законодательстве в сфере экспорта-импорта лесоматериалов и продукции из древесины и о возможных мерах адаптации к этим изменениям;

- оказывать содействие развитию экологически ответственного лесопользования и производства продукции из древесины.

Литература

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
2. Каплунов В.Н. Преступления посягающие на лесные ресурсы: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: по материалам Дальневосточного федерального округа: Автореферат дис. канд. юрид. наук. Владивосток. 2011.
3. Российская газета. 2010. 31 декабря.
4. Российская газета. 2011. 25 июля.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 1999. № 1.
2. Kaplunov V.N. Prestupleniya posyagayushhie na lesnye resursy: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika: po materialam Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga: Avtoreferat dis. kand. yurid. nauk. Vladivostok. 2011.
3. Rossijskaya gazeta. 2010. 31 dekabrya.
4. Rossijskaya gazeta. 2011. 25 iyulya.

УДК 577.4

*Актамов И.Г.
Aktamov I.G.*

Вопросы экологической безопасности современной Монголии

Environmental security questions of modern Mongolia

В статье даётся краткий анализ экологических рисков в современной Монголии, а также влияние Российской Федерации и Китайской Народной Республики на социально-экологические процессы в данной стране.

Ключевые слова: *экологическая безопасность, российско-монгольские отношения, Китай*

This article is devoted to the problem of environmental risks of Mongolia. The author views the ecological situation in modern Mongolian society and role of Russian Federation and People's Republic of China in socio-ecological processes in the region.

Key words: *environmental security, Russian-Mongolian relations, China*

В настоящее время человечество сталкивается с множеством рисков и угроз глобального характера. Одной из актуальнейших проблем является угроза относительно комфортной жизнедеятельности человека, существования общества в целом. Сегодня учёные, политики, журналисты, общественные деятели говорят о том, что современное общество находится в условиях экологического кризиса, вызванного потребительским отношением к природе. Процесс глобализации обострил и ускорил деградацию биосферы. По мнению большинства учёных, занимающихся проблемами охраны окружающей среды, причина современного экологического кризиса кроется в системе ценностей, которая одобряет потребительский стиль жизни и восприятие природы как источника удовлетворения нужд человека. Поэтому необходима грамотная экологическая политика со стороны государств всего мира. На уровне государств экологически ориентированная экономика должна обеспечивать повышение качества жизни граждан, конкурентоспособность нации в целом путём улучшения условий среды обитания. Особое значение данный вопрос имеет для Монголии, поскольку основным видом производственной деятельности является сельское хозяйство, которое напрямую зависит от качества природной среды.

В Концепции национальной безопасности Монголии в Статье 10 пункт 52 под экологической безопасностью понимается такое положение, когда «...обеспечиваются условия для предотвращения негативных воз-

АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич, к.п.н., старший преподаватель кафедры педагогики Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). **E-mail:** kentii@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ-МинОКН «"Возвращение" России в Монголию: модели и сценарии» № 12-23-03002

действий на среду обитания человека и экономику в результате экологических и климатических изменений и иррационального использования и недостаточной защиты природных ресурсов» [7]. Также в данной Концепции прописываются внутренние и внешние факторы, которые могут неблагоприятно воздействовать на экологическую безопасность, и ряд мер, которые должна предпринять Монголия для обеспечения своей безопасности в области экологии. Вместе с тем, не секрет, что глобальный экологический кризис, свидетелями которого мы являемся, есть результат доминирования экономических императивов над экологическими. Не является исключением в этом плане и Монголия. Основная часть природных ресурсов Монголии разрушается как вследствие человеческой жизнедеятельности, так и в результате природных катаклизмов. Однако существенный вклад в деградацию природной среды вносит деятельность человека – истощение земель, вытаптывание пастбищ, вырубка леса, добыча полезных ископаемых и т.д. Хозяйственные секторы, которые базируются на использовании природных ресурсов, являются основными источниками настоящего и будущего развития экономики Монголии. Таким образом, вопросы грамотного регулирования вопросов использования природных ресурсов имеют важнейшее значение для экологической и экономической безопасности Монголии.

Монголия окружена сушей и граничит с двумя странами, обладающими громадными ресурсами. С одной стороны, это Россия с её обширными территориями и богатыми природными ресурсами, а с другой стороны – Китай, с одной из самых мощных экономик мира и большими человеческими ресурсами, обеспечивающими непрерывный экономический рост. Во многих отношениях экономическое развитие Монголии и её экологическая безопасность напрямую зависят от социально-экологической ситуации в соседних государствах и характера взаимоотношений с ними. В период социалистического развития Советский Союз был основным торговым партнёром и определял социально-экономическую ситуацию в Монголии. После распада СССР и перехода на рыночные отношения основным экономическим партнёром стал Китай. Теперь КНР определяет характер социально-экономической ситуации в современной Монголии.

Природные ресурсы играют определяющую роль в формировании бюджета и национального богатства в целом таких стран, как Монголия. С точки зрения перспективы, экологическая оценка истощения ресурсов вследствие их использования (эксплуатации) или нерационального использования (деградации), представляет собой реальные экономические затраты и приводит к снижению национального богатства [6, с. 63], что в результате сказывается на снижении уровня экологической безопасности. В настоящее время экологическая ситуация в Монголии характеризуется интенсивным использованием природных ресурсов, следствием чего является деградация природной среды. Например, в больших объёмах ведётся добыча угля и его экспорт в Китай, в том числе и незаконная добыча, которая набирает большие масштабы. Причём добыча ведётся устаревшими методами с большим количеством отходов и экологических издержек. А уровень развития промышленности и новых технологий не позволяет экспортировать готовую продукцию, имеющую конкурентоспособность на Азиатском и мировом рынках. Более того, сегодня очевидно: от «зелёной» технологической революции выигрывают, в первую очередь, богатейшие страны мира, способные направить гигантские государственные субсидии на поддержку своих высокотехнологичных компаний. Именно эти компании затем становятся мировыми лидерами новой энергетики, лидерами производства двигателей, разработки новых материалов и так далее. Именно эти компании полностью захватывают

рынки развивающихся стран, не позволяя тем закрепиться в новом перспективном секторе. При этом странам третьего мира не оставляется и возможности продавать в Европу свои традиционные товары, созданные на базе устаревающих технологий, – рынок Европы защищён мягким, но прочным занавесом экологического сертифицирования [4].

Собственно, главная проблема современной «зелёной» идеи – её глобальный моральный тупик. Система необременительных пожертвований в пользу экологических проектов сохраняется лишь до тех пор, пока существует мощнейший разрыв между доходами европейских «зелёных» и уровнем жизни в странах Азии и Африки. Европейская забота об экологии невозможна без истощения ресурсов – природных и людских – стран третьего мира. Сами же жители этих стран оказываются не более ценны, чем окружающая их природа (там же).

Китайский эколог Хэ Цинлянь полагает, что все социальные противоречия в XXI веке сконцентрируются в плоскости экологическая безопасность и ресурсообеспеченность [8]. При этом многие экологические проблемы Китая выходят далеко за пределы национальных границ. Большое влияние они оказывают на Монголию. Из-за продолжающегося экстенсивного роста экономики так называемых «Северных территорий» и всё более расточительной модели потребительского поведения значительной части населения мелиоративные мероприятия не поспевают за темпами разрушения природной среды. Местные органы власти, заинтересованные в быстром экономическом росте и обращающие мало внимания на его отрицательные последствия, нередко создают непреодолимые преграды на пути распространения экологических норм и правил, тем более что многие из них не введены в единую систему и часто носят временный характер. В стране практически отсутствует общественный контроль за действиями властей и предпринимателей, наносящих невосполнимый ущерб природной среде.

Автономный район Внутренняя Монголия КНР включён в программу развития Северных территорий, и на его примере можно наглядно проследить динамику и характер деградации природной среды, а также социальные противоречия, которые перерастают в стихийные митинги, как это было в июне 2011 года в нескольких аймаках Автономного района. Скотоводы протестовали против добычи угля государственными и частными компаниями на территориях некоторых аймаков, поскольку это приводило к уменьшению площадей пастбищ, а также деградации природной среды в целом, нарушения социально-культурных основ жизни этнического меньшинства – так называемых внутренних монголов (овор-монгол, 内蒙古). В результате власти Автономии пошли на определённые уступки, однако кардинальный перелом в ситуацию они не внесли. В самой Монголии эта проблема тоже имеет острый характер, однако там ситуация несколько иная и требует отдельного изучения со стороны социальных экологов, экономистов, политологов.

Что касается статистических данных по товарообороту между Монголией и другими странами, то по данным монгольской таможни на 2009 год первое место в сегменте экспорта занимает Китай (73%), на втором – Канада (7,7%), на третьем месте Англия (7 %). Далее следуют Бельгия, Россия, Италия, Германия и другие страны. В общем объёме импорта лидирует Россия (36%), на втором месте – КНР (25 %), третье место – Южная Корея (7 %). Основными импортёрами являются Россия и Китай. К настоящему времени Монголия импортирует товары из 50 зарубежных стран, и почти 35 процентов импорта приходится на Россию [3]. По данным Министерства транспорта РФ товарооборот между нашими странами в 2011 году вырос на 41% по сравнению с показателями 2009 г. [2]. Таким образом, мы можем говорить о тенденции к измене-

нию вектора товарооборота Монголии. Возможно, на данном этапе, это признак стремления властей Монголии диверсифицировать экономику и, соответственно, в какой-то степени повысить экономическую и экологическую безопасность.

Как правило, важные государственные решения, принимаются без учёта обеспечения безопасности и в других сферах, и это обусловлено, прежде всего, неадекватным представлением о роли и месте безопасности в процессах развития. Чаще всего безопасность понимается как особая область деятельности, которая как бы дополняет основной вид деятельности, защищает его от внешних либо внутренних угроз и опасностей. В определённой степени подобное понимание безопасности как состояния защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства (объекта безопасности) от внутренних и внешних угроз правомерно. Вместе с тем, если обеспечение безопасности мыслить как защиту основной деятельности, то происходит раздвоение деятельности на созидательную и дополнительную, связанную с обеспечением безопасности. К тому же в рамках модели неустойчивого развития безопасность можно обеспечить лишь временно и на самом минимальном уровне [5].

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка осветить ряд вопросов, касающихся экологической безопасности. В качестве небольшого резюме можно выделить две мысли. Во-первых, экологическая безопасность сейчас имеет важнейшее значение в международных отношениях. Она затрагивает социально-экономические и политические вопросы как в отдельных регионах, так и на прострaнстве всей планеты. Во-вторых, Монголия является уникальным регионом для изучения особенностей экологической безопасности в контексте отношений между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой.

Литература

1. Актамов И.Г. Экологическая культура как парадигма и идеологема (на примере Байкальского региона) // Народы Сибири в составе Российского государства: История и современность: материалы региональной молодёжной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. С. 96-103.
2. Минтранс РФ отметил стремительный рост товарооборота между Россией и Монголией // ФедералПресс. [Электронный ресурс]. URL: http://old.fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_237194.html [Дата обращения: 01.01.2012 г.].
3. Монголия – Россия: диалог становится полезнее // Таможня. 2010 № 6. (245). С. 28.
4. Новиков С. Зелёный комфорт // Эксперт. 2010. № 1 (735).
5. Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С.443-456.
6. Хижабагийн Ыханбай. Экономика охраны природы и совместное управление природными ресурсами. Улан-Батор, 2010.
7. Экологические проблемы Китая. // Московский центр Карнеги. Фонд Карнеги за международный мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm> [Дата обращения: 01.01.2012 г.].

8. The Mongolian Journal of International Affairs. 1995. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/conception_of_security/conception_2.htm [Дата обращения: 01.01.2012 г.].

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aktamov I.G. Экологическая культура как парадигма и идеология (на примере Байкальского региона) // Народы Сибири в составе Российского государства: История и современность: материалы региональной молодёжной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во VSGTU, 2011. С. 96-103.

2. Минтранс РФ отметил стремительный рост товарооборота между Россией и Монголией // FederalPress. [Электронный ресурс]. URL: http://old.fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_237194.html [Дата обращения: 01.01.2012 г.].

3. Монголия – Россия: диалог становится полезнее // Тамозhnya. 2010 № 6. (245). С. 28.

4. Novikov S. Зыбкий комфорт // Эксперт. 2010. № 1 (735).

5. Ursul A.D. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С.443-456.

6. Хизхабагийн Үхэнбаяр. Экономика охраны природы и совместное управление природными ресурсами. Улан-Батор, 2010.

7. Экологические проблемы Китая. // Московский центр Карнеги. Фонд Карнеги за международный мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm> [Дата обращения: 01.01.2012 г.].

8. The Mongolian Journal of International Affairs. 1995. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/mongolia/conception_of_security/conception_2.htm [Дата обращения: 01.01.2012 г.].

*Конончук Д.В.
Kononchuk D.V.*

О визите в ШГН ДВФУ делегации Института Философии Хэйлунцзянского университета

**The visit to of FEFU SRP delegation
Heilongjiang University Institute of Philosophy**

17 октября 2012 г. в Школу гуманитарных наук Дальневосточного Федерального Университета с трёхдневным визитом прибыла делегация Института Философии Хэйлунцзянского Университета (г. Харбин, КНР), во главе с директором Института профессором Фань Чжихуэем. Программа пребывания китайской делегации оказалась достаточно насыщенной. Директор Школы, доктор философских наук, профессор Ф.Е. Ажимов провёл переговоры со своим китайским коллегой. В рамках переговоров были намечены пути сотрудничества философских подразделений двух университетов в сфере науки и образования. Договорённости были закреплены в подписанном 18 октября меморандуме о сотрудничестве между Школой гуманитарных наук ДВФУ и Институтом философии Хэйлунцзянского университета. В соответствии с пун-

Фото 1. Во время переговоров руководства Школы гуманитарных наук ДВФУ и представителей Хэйлунцзянского университета

Фото 2. (Слева направо): Цинь Лидун, Д.В. Конончук, С.Е. Ячин, Ф.Е. Ажимов, Фань Чжихуэй, К.Ю. Колесниченко.

ктами подписанного профессорами Ф.Е. Ажимовым и Фань Чжихуэем меморандума планируется академический обмен преподавателями и студентами, организация ежегодных совместных научных конференций на площадках Хэйда и ДВФУ.

18 октября в ДВФУ состоялся философский семинар на тему «Конфуций и современная китайская философия». В ходе семинара профессор Фань выступил с подробным докладом, осветив различные стороны как ранней, так и современной истории конфуцианства. В ходе семинара русские философы смогли составить представление о характере проблем, тревожащих китайских коллег, направлениях их поисков, и, конечно, методах их философской рефлексии.

В целом, визит китайской делегации во главе с Фань Чжихуэем оставил хорошее впечатление. Он, несомненно, заложил один из первых камней в фундамент создания в ДВФУ современной школы философского китаеведения. У китайских философов нам есть чему поучиться. Превосходное знание классических текстов вкупе с умением их интерпретировать не просто уходит корнями в далёкую историю китайской системы образования; эти корни, собственно, всегда её же и цементировали. И сегодня эта тенденция по-прежнему присутствует, что и было продемонстрировано. Диалог получился поистине метакультурным, и очень отрадно, что многие мысли посетивших ДВФУ китайских философов оказались созвучны их русским коллегам. Как гласит известный чэньюй, 殊途同歸, «разными путями к одному итогу». Ведь Истина одна. То, что было положено визитом Фань Чжихуэя – это только начало.

萬里之行始於足下. Путь в десять тысяч ли начинается с первого шага.

Сокращения

ГААО	Государственный архив Амурской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАПК	Государственный архив Приморского края
РГАЭ	Российский государственный архив экономики

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

В № 3 журнала за 2012 г. на с. 31-32 обнаружена опечатка:

Положение на странице	Напечатано	Следует читать
Список литературы	Нумерация литературы с 2 по 22	Нумерация литературы с 1 по 21

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа : структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля : верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи : УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL : адресная строка [Дата обращения : 31.12.2012.].
9. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail : oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2012 № 4 (23)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 01. 12. 2012 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 13,39. Уч. -изд. л. 12,46. Тираж 200 экз. Заказ 124
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Индекс 42354

